

ОТ ПОСЕЛКОВ К ГОРОДАМ И ОБРАТНО:

история градостроительной политики в Ханты-Мансийском округе (1960-е – начало 1990-х гг.)

Сургутский государственный университет

Институт гуманитарного образования и спорта

Кафедра всеобщей истории и археологии
Югорская лаборатория археологии и этнологии

И.Н. Стась

ОТ ПОСЕЛКОВ К ГОРОДАМ И ОБРАТНО:
история градостроительной политики в Ханты-Мансийском округе
(1960-е – начало 1990-х гг.)

Издательско-печатный дом «Дефис»
Сургут
2016

УДК 711(571.122)(035.3)
ББК 85.118
С 779

Стась И.Н. От поселков к городам и обратно: история градостроительной политики в Ханты-Мансийском округе (1960-е – начало 1990-х гг.) / И.Н. Стась. – Сургут: Дефис, 2016. – 258 с.

ISBN 978-5-93243-170-2

Монография посвящена градостроительной истории Ханты-Мансийского автономного округа в период нефтегазового освоения Западной Сибири в 1960-х – начале 1990-х гг. В ней раскрываются историографические мнения и теории о градостроительном процессе в нефтяном регионе, государственная политика развития городов нефтяников, дискуссии об их строительстве, а также основные тенденции в городской застройке и особенности становления архитектурно-планировочного пространства городов.

Монография предназначена для историков, градостроителей, урбанистов, архитекторов, социологов, географов и всех тех, кто интересуется вопросами градостроительства, исторической урбанистики и истории Севера Западной Сибири.

Рецензенты:

Марк Григорьевич Меерович, доктор исторических наук, кандидат архитектуры, член-корреспондент Российской академии архитектуры и строительных наук, профессор кафедры архитектурного проектирования Национального исследовательского Иркутского государственного технического университета, г. Иркутск;

Галина Юрьевна Колева, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных наук Тюменского государственного нефтегазового университета, г. Тюмень;

Денис Валериевич Кирилюк, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории России Сургутского государственного университета, г. Сургут.

Работа выполнена при поддержке РГНФ, грант №15-11-86001 «Антропология урбанизации: региональный аспект (на материалах Ханты-Мансийского автономного округа – Югры)», тип проекта: «а(р)».

ISBN 978-5-93243-170-2

9 785932 431702

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

Открывая перед собой карту, на которой вычерчены актуальные темы исследования, историк остановится на научной проблеме тогда, когда к ней применимы два критерия: позитивистская нераскрытость и чувственная симпатия самого исследователя. Только так историк, в теоретическом синтезе, сможет приблизиться к пониманию человека как органической целостности, а вместе с ней к расшифровыванию загадки архитектоники histoire total[1].

Одной из таких «синтезирующих» тем исторической науки является проблема города. Сегодня как никогда город предстает некой ареной, где сталкиваются историческая антропология и социальная история, человек и мир, «базис» и «надстройка». Ставить проблемы урбанизации и решать их только в рамках социологии, натуралистических и позитивистских программ социально-гуманитарных наук в высшей мере неправильно. К социально-экономическим основаниям во многом сводится город. Но человек разве сводится только к социально-экономическому фундаменту? Город зависим от человека, или же человек от города? Какое место занимает человек в городе, и какое город в человеке? Как трансформировались эти проблемы на разных этапах исторического развития, и в чем их особенности сейчас? Редуцировать урбанизацию к расселению, динамике городского населения, градостроительству и экономическим реалиям в историческом исследовании никак нельзя. Однако эти факторы являются важнейшими, упущение которых может привести к искаженному и однобокому пониманию урбанизационных процессов, да и любых процессов, какие изучает историческая наука.

Большинство историков живут в городе, они здесь исследуют и творят, и город, как непосредственное окружение, вплетается в их исторический опыт. Немецкий философ О. Шпенглер писал, что так как «все мыслители всех культур сами обитают в городах (даже если пребывают телесно в сельской местности),

[1] Могильницкий Б.Г. История исторической мысли XX века: Курс лекций. Вып. III: Историографическая революция. – Томск: Изд-во ТомГУ, 2008. – С. 524.

они абсолютно себе не представляют, что за поразительная штука город»[2].

Изучать процессы урбанизации и находиться в них, быть частицей городского пространства, это словно дотронуться пальцами до какой-нибудь вещи. Этот контакт и есть связующее звено триады человек–город–мир. Для историка эта триада находится в двух плоскостях. Первая плоскость лежит по эту сторону: человек – это сам историк, город – то место, где он живет, работает, любит, желает, страдает, испытывает все человеческие чувства, а мир – это космическая оболочка, в которой обитает человек и развивается город. Мир постигается историком за счет города, через город. Конечно, можно высказать аргумент против: не все историки – городские жители, существуют те, кто проживает в селе. Однако это скорее побег от городской суеты, стремление к аскетизму как ответ городу, а не настоящая принадлежность к селу, этим историкам не присуще сельское мышление. Уже посещение архивов, библиотек, пользование Интернетом определяет историка как городского человека. Вторая плоскость находится по ту сторону: все три части триады являются объектами исследования. И здесь не будет ни для кого открытием, если сказать, что границу между субъектом и объектом исторического исследования определить весьма тяжело. Здесь стоит сказать о понятии «исторического опыта», которое известный теоретик истории Франклин Анкерсмит называет «возвышенным». Город, как никакое другое, именно то место, где вступает определяющий наше отношение к прошлому союз любви и утраты, удовольствия и боли, из-за которого и получается возвышенный характер исторического опыта. Насколько город определяет наш «возвышенный исторический опыт», то есть «этап, предшествующий тому моменту, когда историки приступают к бесстрастному исследованию объективно данного им прошлого»[3]? Насколько город отражается в самом исследовании?

[2] Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Том 2. Всемирно-исторические перспективы / Пер. с нем. и примечания И.И. Маханькова. – М.: Мысль, 1998. – С. 92.

[3] Анкерсмит Ф.Р. Возвышенный исторический опыт. – М.: Европа, 2007. – С. 36.

С 1960-х годов на территории Тюменской области начало формироваться достаточно уникальное общество индустриализации и урбанизации. Каждый член этого общества, так или иначе, был сопричастен к тем процессам нефтегазового освоения, что происходили в Северном крае. Развитие нефтегазового промышленного комплекса стало связующей нитью в триаде человек–город–мир. По этой нити, словно Тесей в Кносском лабиринте, двигался осваивающий эту территорию человек. Нефтяники и газовики создавали и строили нефтегазовый комплекс, через который местное население соединялось с миром, становилось соучастником мировой истории. Градостроители и обслуживающие нефтяников и газовиков рабочие возводили и развивали города. А историки и гуманитарии Тюмени, Югры и Ямала рано или поздно становились пособниками индустриального и урбанистического развития. Осевши здесь, они пополняли массу городского населения, включались в социокультурное пространство городов Тюменской области. Таким образом, каждый из нас участвовал в историческом процессе становления нового общества Тюменской области, фундаментом которому служили индустриализация и урбанизация.

В то же время, спустя полвека после начала бурного освоения края, нельзя с полной уверенностью сказать, что на территории Тюменской области окончательно сформировано городское общество. Если каждый из нас посмотрит в зеркало, внимательно поглядит по сторонам и задумается, то сможет ли он сказать, что является частью городской культуры, человеком города и городской цивилизации?

Особое значение города в обществе обусловило появление в исторической науке нового направления – исторической урбанистики, изучающей урбанизационные процессы и город во всем его многообразии в разные этапы общественного развития. В отечественной историографии проблематика города и урбанизации получила популярность в постсоветское время. В рамках региональной истории ученые обратили внимание на городские системы, функционирующие в различных локальных пространствах России. Однако многие типы российских городов и модели городских эволюций все еще остаются вне ракурса исторической науки. Поэтому в исследовательском поле молодой отечественной урбан-истории является чрезвычайно актуальным изучение процессов урбанизации и градостроительного освоения в координатах регион-ориентированного подхода.

Присоединение Сибири и ее развитие в составе Российского государства в значительной мере было связано с городской историей, поскольку города становились опорными пунктами освоения огромных территорий. По этой причине широкое распространение в Сибири получила историческая урбанистика. Вместе с тем на обочине сибирской урбан-истории продолжает находиться целый ряд городов, в том числе и тех, которые создавались в период промышленного освоения нефтегазодобывающих районов Западной Сибири. Без анализа истории градостроительства Ханты-Мансийского округа и изучения сибирских городов нефтяников невозможно увидеть полную ретроспективную картину городской истории Сибири и России, так как эти города, являясь важнейшими центрами нефтедобычи, значительно влияли и продолжают влиять на социально-экономическую действительность страны.

Как подчеркивал Б.Г. Могильницкий, «актуальность выступает как свойство, которое, не будучи атрибутом данного явления, придается ему современностью»[4]. Именно поэтому повышенную политическую актуальность приобретает урбанистическая проблематика. Ее актуализация связана с обострением интереса в современном мире к угрозам развития городов, а, значит, и всего общества. В нынешних городах, ставших центрами расселения человечества, усиливаются демографические, экологические, транспортные, градостроительные, этические и этнические проблемы. Все это заставляет общество обратить внимание к истории становления городов и их архитектурной и социокультурной среды, движения городского населения и его структуры, предшествующей градостроительной политике. Урбан-история, своими выводами и результатами, вносит вклад в решение всех этих городских проблем.

Сегодняшний интерес к градостроительству в Ханты-Мансийском округе в период нефтегазового освоения обусловлен не-

---

[4] Могильницкий Б.Г. Введение в методологию истории. – М.: Высшая школа, 1989. – С. 130.

обходимостью получения знаний о прошлом городов региона, поскольку одни из них вновь находятся в стадии активного развития, а другие – пребывают в стагнации. Вызовы, которые стоят перед городами ХМАО, не могут быть решены без учета исторических реалий. Изучение урбанизации в конкретных исторических условиях, а именно в период становления и развития нефтегазового комплекса Западной Сибири, дает возможность понять сегодняшнюю городскую культуру и образ жизни горожан округа. Урбанистическая тематика исторического исследования помогает спрогнозировать городское развитие ХМАО в долгосрочной перспективе, особенно в обстановке реализации сценария перехода России от сырьевой к инновационной экономике.

Эта книга посвящена осмыслению градостроительного опыта в Ханты-Мансийском автономном округе в период нефтегазового освоения Западной Сибири в 1960-х – начале 1990-х гг. Ее задача – это раскрытие государственной политики в отношении градостроительного освоения нефтегазодобывающих районов Западной Сибири и представление концептуальных подходов этого освоения, обусловивших основные трансформации в системе городского расселения региона. Книга необходима, чтобы понимать ретроспективу проблем современной урбанистики в условиях перезапуска развития городов нефтяников.

Исследовательское пространство исторической урбанистики, в том числе и данной работы, формируется на основе междисциплинарного подхода. В его ракурсе урбанизационные процессы и город, «представляющий собой идеальный объект комплексного междисциплинарного исследования»[5], рассматриваются через категории и методы различных наук: истории, социологии, географии, демографии, экономики, экологии, культурной антропологии, архитектурно-градостроительных дисциплин. Это связано с тем, что город является многогранным объектом, затрагивающим все стороны человеческой жизни. В основе этой книги инструментарий градостроительной науки и истории.

[5] Репина Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история / Л.П. Репина. – М.: Издательство ЛКИ, 2009. – С. 23.

В градостроительной науке город и урбанизация анализируются через призму развития архитектурно-планировочного пространства города и расширения городской застройки. Такой подход отвечает на вопросы – каким образом велось строительство городов, какая была в этом роль архитекторов, какой был эстетический образ городской архитектуры, как генпланы влияли на городскую застройку и ландшафт и в какой мере реализовывалась градостроительная документация в процессе эволюции городских систем. Градостроительный анализ дает представление о развитии функциональных зон городов – жилых образований, промышленных предприятий, общегородского центра – в период бурной урбанизации.

Исторический подход в первую очередь подразумевает глубокий ретроспективный анализ урбанизационных процессов. Историк анализирует генезис городского развития, беря в расчет взаимодействие всех компонентов урбанизации в конкретном историческом контексте, в котором она происходила.

Градостроительное освоение ХМАО нашло глубокое отражение в окружающей действительности, в силу чего его полная репрезентативность осуществлялась за счет привлечения и анализа огромного комплекса разнообразных источников. В работе использовались документы Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Государственного архива Тюменской области (ГАТО), Государственного архива социально-политической истории Тюменской области (ГАСПИТО), Государственного архива Ханты-Мансийского автономного округа (ГАХМАО), архивного отдела Администрации города Сургута (АОАГС), текущего архива Департамента архитектуры и градостроительства Администрации города Сургута. По способу кодирования информации основную совокупность источников в исследовании составили письменные, которые классифицируются по видам, обладающим общими признаками формы, содержания и назначения. Также в работе были задействованы вещественные, изобразительные, электронные и цифровые типы источников. В целом можно выделит в несколько групп исторических источников, проанализированных в исследовании.

Первую группу источников составили законодательные и нормативные акты центральных государственных органов вла-

сти. В этих документах отразилась государственная политика в области решения проблем градостроительного, социально-бытового, жилищного, культурного развития городов СССР и России. В них устанавливался порядок отнесения населенных пунктов к категории городов и утверждения проектов планировки и застройки. Часть законодательно-нормативных актов относилась непосредственно к развитию Западно-Сибирского нефтегазового комплекса. В первую очередь выделяются постановления Совета Министров СССР 1962, 1963, 1966, 1971, 1986 гг. и совместные партийно-правительственные постановления 1969, 1977, 1978, 1980, 1985 гг., которые определяли стратегию как вообще хозяйственного, так и, в частности, градостроительного освоения нефтедобывающих районов Западной Сибири. Постановления изучались также в проектах и предложениях к ним, что дало возможность выявить основные подходы к градостроительству и социальному развитию в регионе.

Ценными источниками были директивные документы местных органов власти – постановления и решения Тюменского облисполкома и обкома партии, Ханты-Мансийского окрисполкома и окружкома партии. Они содержали богатый фактологический материал, критику и политические позиции местного руководства в сфере городского развития.

Принципы возведения городов основывались на Строительных нормах и правилах (СНиП) планировки и застройки городов и населенных мест, утвержденных Госстроем СССР. Автор обращался к СН 41-58 (1958 г.), СНиП II-К. 2-62 (1966 г.), СНиП II-60-75 (1975 г.), ВСН-38-82 (1982 г.), СНиП 2.07.01-89 (1989 г.). К работе были привлечены разработанные СОПСом (Советом по изучению производительных сил) при Госплане СССР Генеральные схемы развития и размещения производительных сил, а также Генеральная схема расселения на территории Российской Федерации, принятая в 1994 г. Эти документы имели существенное стратегическое и прогнозное значение, выступали основой для государственной градостроительной политики.

Большая часть документов этой группы была исследована в фондах ГАРФ (А259 Совет Министров РСФСР), ГАТО (814 Тюменский областной Совет депутатов трудящихся), ГАСПИТО (П124 Тюменский областной комитет КПСС) и в 3-томном сборнике «Нефть и газ Тюмени в документах».

Вторую группу источников составляет делопроизводственная документация, которая выступила самой объемной и основной источниковой базой исследования, поскольку в ней находился богатый содержательный и фактологический материал. Наиболее важным блоком делопроизводственной документации являлись материалы местных партийных органов – Тюменского обкома и Ханты-Мансийского окружкома (ГАСПИТО Ф. П124, П2010, П107). Были просмотрены протоколы заседаний бюро и секретариата обкома партии за 1960-1988 гг., и окружкома за 1960-1980 гг. Взаимоотношения руководящих и ведомственных элит по вопросам градостроительства получили широкую репрезентацию благодаря переписке обкома с ЦК КПСС, Советом Министров СССР и РСФСР, союзными и республиканскими министерствами, Госпланом СССР и РСФСР, ведомствами, институтами, организациями и предприятиями. Особую ценность представляют письма секретарей А.К. Протозанова, Б.Е. Щербины, Е.А. Огороднова, Г.П. Богомякова. Большая часть фактических данных работы была получена из дел, содержащих отчеты, справки, записки, доклады и другие материалы по вопросам промышленности, строительства, транспорта, социально-бытового развития, предоставляемые различными отделами, а также ведомствами и организациями.

Еще одним крупным блоком письменных источников являются документы Тюменского областного, Ханты-Мансийского окружного, Сургутского городского Советов депутатов трудящихся и их исполнительных комитетов (Советов народных депутатов с 1977 г.), представленные в фондах Р814 ГАТО, 1 ГАХМАО, 3 АОАГС. Чтобы выявить основные направления градостроительной политики региональных властей, автор исследовал все протоколы заседаний облисполкома и принятые по их итогам решения за 1960-1993 гг. На основе протоколов Сургутского горисполкома исследовался ход выполнения градостроительной политики на городском уровне. Было уделено внимание деловой переписке облисполкома. Изучались дела облисполкома и окрисполкома по строительству и промышленности, а также административно-территориальному делению, в которых содержались прошения и пояснительные записки о преобразовании населенных пунктов ХМАО в города, выписки из генпланов и

схем расселения. Особо продуктивным источником оказались документы органов, подчиненных местным Советам. Экономическое и социальное развитие городов отразилось в материалах Тюменского областного комитета по экономике и прогнозированию (ГАТО Ф. Р1726), а жилищные условия – в документах Управления жилищно-коммунального хозяйства окрисполкома (ГАХМАО Ф. 387). Преобразование лесопромышленного рабочего поселка Советский в город в 1996 г. анализировалось через изучение материалов Думы Ханты-Мансийского автономного округа (ГАХМАО Ф. 491).

Реконструировать градостроительное освоение ХМАО во многом удалось благодаря анализу материалов отдела по делам строительства и архитектуры Тюменского облисполкома (ГАТО Ф. 1933), отдела главного архитектора Ханты-Мансийского окрисполкома (ГАХМАО Ф. 403), Управления архитектуры и градостроительства Сургутского горисполкома (АОАГС Ф. 80). Документы главных архитекторов области, округа и Сургута были представлены отчетами, докладами, сообщениями о реализации генпланов и планов детальных планировок городов и перепиской с градостроительными институтами и Госстроем СССР и РСФСР. Впервые в научный оборот были введены материалы – доклады, рекомендации и стенограмма – конференции по проблемам градостроительства в нефтеносных районах Тюменской области, прошедшей в Тюмени в 1966 г. (ГАТО Ф. 1933). Эти документы позволили показать дискуссию о строительстве городов нефтяников.

Комплекс документов различных министерств, ведомств, производственных предприятий и организаций, осуществлявших нефтегазовое освоение Западной Сибири, был продуктивным для раскрытия социально-экономических аспектов урбанизации. Наи-большей важностью обладали делопроизводственные материалы Миннефтепрома СССР и Управления Главтюменнефтегаз (ГАТО Ф. 2146), деятельность которых во многом определяла изменения в городской системе расселения ХМАО.

Репрезентация процесса урбанизации ХМАО в 1980-х гг. была в значительной мере осуществлена посредством анализа документов Межведомственной территориально-производственной комиссии по вопросам развития ЗСНГК Госплана СССР

(ЗапСибМВТК), которая была организована в 1980 г. (ГАТО Ф. 2240). Протоколы заседаний комиссии зафиксировали обсуждение социально-бытового и культурного развития, благоустройства и строительства городов, согласования генпланов и детальных планировок. В делах комиссии представлен богатый отчетный материал по развитию молодых городов ХМАО.

Особый корпус делопроизводственных источников представлен градостроительной документацией и пояснительными записками к ней – генеральными планами, проектами детальных планировок, технико-экономическими основами, планами регулирования и упорядочения застройки, схемами территориального развития городов, жилых и промышленных районов. Эта документация относилась к институтам – Гипрогор, Ленгипрогор, ЛенНИИПградостроительства, ЛенЗНИИЭП, ЗапСибЗНИИЭП, СибЗНИИЭП, Тюменгражданпроект, Гипротюменнефтегаз, Башнефтепроект и др. Полученные из разных фондов и архивов, большинство этих документов были разрозненными, отрывочными, представлены выписками и отчетами о реализации. Полноценные и массивные тома генпланов и проектов детальных планировок 1960-1990-х гг. были изучены по городу Сургуту. Они были найдены в архиве отдела генерального плана Департамента архитектуры и градостроительства Администрации г. Сургута. Наибольшей ценностью обладали генпланы Сургута 1968 г. (Гипрогор), 1979 г. и 1990 г. (ЛенНИИПградостроительства). Градостроительные документы использовались в ходе реконструкции процесса эволюции городской среды и застройки.

Исследование социально-культурного развития городов округа опиралось на изучение документов Тюменских областных отделений профессиональных союзов – Союза архитекторов и Союза журналистов, а также областного Совета профессиональных союзов (ГАСПИТО Ф. 4006, 4002, 3911). Значимость представляют материалы архитекторов, которые обсуждали и анализировали градостроительные изменения, происходившие в нефтяных районах области.

Статистические материалы входят в третью группу источников. В первую очередь следует выделить солидный массив (более 100) использованных в работе опубликованных сборников статистической документации, изданных ЦСУ СССР и

РСФСР, Госкомстатом РСФСР, статистическими управлениями Тюменской области и Ханты-Мансийского округа. Большинство статистических сборников находились в текущем архиве (библиотеке) Территориального органа федеральной службы государственной статистики по Тюменской области. Сборники содержали информацию по численности и составу населения, естественному и механическому движению населения, жилищному, культурному и социально-бытовому строительству, экономическому развитию ХМАО. Неопубликованные количественные источники были обнаружены и изучены в фондах Статистического управления Тюменской области (ГАТО Ф. 1112), Ханты-Мансийского окрстатуправления (ГАХМАО Ф. 6), Сургутской городской информационно-вычислительной станции (АОАГС Ф. 10).

Периодика образует четвертую группу источников. Городское строительство в ХМАО нашло отражение в центральной периодической печати – газете «Правда», а также в областной, окружной и городской печати – «Тюменская правда» (г. Тюмень), «Ленинская правда» (г. Ханты-Мансийск), «К победе коммунизма» (г. Сургут). Тексты из газет отличались яркостью изложения, сопереживанием, остротой и разнообразием, что дополняло фактологический материал исследования. Значительная доля градостроительной информации была почерпнута из журнала «Архитектура СССР». К этой группе источников необходимо отнести опубликованные материалы различных конференций и сборники научных трудов, которые посвящались обсуждению проблем ЗСНГК. Для исследования были важны доклады архитекторов и социологов. На конференциях архитекторы представляли генпланы, схемы расселения и другую градостроительную документацию. Особо значимы опубликованные материалы конференции по проблемам градостроительства в газоносных районах области, которая прошла в Тюмени в 1968 г[6].

В пятую группу входят источники личного происхождения, основная доля которых представлена опубликованными воспоминаниями участников и очевидцев промышленного освоения

[6] Научно-техническая конференция по проблемам градостроительства в газоносных районах Тюменской области. 26-28 июня 1968 г. Тезисы докладов. – Тюмень, 1968. – 180 с.

и городского строительства в ХМАО. Можно выделить четыре вида опубликованных мемуаров, использованных в работе. Во-первых, это воспоминания и публицистика партийных и советских руководителей области, округа, городов: Б.Е. Щербины, Г.П. Богомякова, П.А. Мунарева, В.В. Бахилова, С.Д. Великопольского, А.Л. Сидорова. Во-вторых, для исследования были очень важны воспоминания архитекторов: В.А. Бешкильцева, А.Н. Отраднова. О проблемах градостроительства много писали в своих мемуарах руководители министерств, ведомств и организаций: Н.К. Байбаков, В.Г. Чирсков, Ю.П. Баталин, Ш.С. Донгарян, Ю.Г. Эрвье, Ф.К. Салманов, В.И. Муравленко. Мемуары этих деятелей способствовали воссозданию событий на уровне непосредственного принятия решений. Во многом при помощи воспоминаний, в работе удалось охарактеризовать подходы к градостроительному освоению и конфликт элит в этой области. Четвертый вид источников личного происхождения составили опубликованные воспоминания обыкновенных людей, горожан округа, которые рассуждали о своей жизни в период бурного промышленного развития. Эти рассуждения помогают выявить то, как градостроительные решения политиков напрямую влияли на простого человека и его образ жизни. Из неопубликованных воспоминаний автор обращался к материалам первого секретаря Ханты-Мансийского окружкома В.В. Бахилова (ГАТО Ф. 2045).

Шестую группу источников составляют произведения художественной литературы и публицистики, в которых персонажами являются участники нефтегазового освоения Западной Сибири и действия происходят в городах ХМАО в период 1960 – начала 1990-х гг. Здесь следует выделить произведения М.К. Юрасовой и Г.М. Юрасовой «Нефтяник», Е.С. Каплинской «Город у дивного озера», И.П. Захарова «Моя земля», «Свидетельство о рождении» и др. Источники этой группы отражали городские образы и символы и их воспроизводство в сознании современников.

Источники изобразительного или визуального характера объединяют седьмую группу. Раскрытие зон жилой и промышленной застройки и линий городского ландшафта в конкретный исторический период осуществлялось за счет привлечения картографических материалов – карт городов, эскизов, проектных пла-

нов и решений, схем зонального планирования и расселения – которые содержались в генпланах городов. Реконструировать многоплановость и разнообразие городской среды и повседневной жизни горожан помогли фотоматериалы из фотофондов ГАСПИТО, АОАГС, ГАХМАО. Редкими источниками являлись видеоматериалы. Визуальное знакомство с городами ХМАО во всех ритмах их жизни было осуществлено посредством просмотра и анализа документальных фильмов «Города Югры» (производство телеканала «Югра»), в которых была представлена обширная кинохроника городской истории 1960-1990-х гг. На основе фотографий и видеохроники удалось воссоздать внешний облик городов, познакомиться с представлениями о реалиях городского ландшафта и образах изменяющегося городского пространства, которые воспринимались современниками.

Учитывая, что в современной историографии происходит цифровой поворот (digital turn), историку продуктивно обращаться к цифровым и электронным источникам. Они и составили восьмую группу источников. Для историков-урбанистов важнейшим источником становятся Географические информационные системы (ГИС), чему свидетельствует программа XXII Международного конгресса историков (город Цзинань, Китай, 2015 г.), одна из секций (JS2 Cities and their spaces) которого посвящена картам ГИС как историческим источникам. В исследовании автор обращался к системам OpenStreetMap, 2gis, 4geo, Вектор, Google Maps и др. ГИС-картография поспособствовала определению пространственных координат городской застройки, а в сопоставлении с другими источниками – и их эволюции в разные исторические периоды. Существенная информация была извлечена из сайтов Администраций городов ХМАО, на которых располагались фотографии, исторические справки, хронологические и фактологические данные о городах.

В девятую группу входят вещественные источники, которые представлены материалами полевых исследований городов Сургута, Нижневартовска, Нефтеюганска и Ханты-Мансийска. Натурное обследование проводилось с целью анализа исторической трансформации городской среды и застройки прошлых лет, выявления границ пространственно-планировочных зон и районов и закономерностей в локализации значимых социокультурных объектов в физическом пространстве городов.

В научный оборот был введен целый ряд неисследованных архивных материалов и сведений градостроительной документации (генеральные планы и проекты детальной планировки), которые позволили реконструировать государственную политику в отношении городов округа. Впервые показан механизм принятия и реализации концепций градостроительного освоения нефтяного края.

Этой книги бы не было без коллег, друзей и родных. Они были соучастниками исследования, скрытыми авторами текста, чья помощь помогла завершить нелегкую работу.

Я сердечно благодарю научного руководителя, д-ра ист. наук, доцента Галину Юрьевну Колеву. Именно она предложила заниматься этой проблематикой, в которую я по уши влюбился. Для меня Галина Юрьевна пример настоящего ученого, который несмотря ни на что продвигается к своей цели и генерирует новые идеи.

Нельзя передать то, как я бесконечно признателен канд. ист. наук, доценту, заведующей кафедрой всеобщей истории и археологии СурГУ Марине Аскольдовне Авимской, которая является дорогим для меня человеком, наставником и покровителем. Спасибо ей за причастность к моей судьбе.

Я счастлив, что у меня есть прекрасные друзья-коллеги – канд. ист. наук, доцент Александр Сергеевич Иванов и канд. ист. наук, доцент, заведующий кафедрой истории России СурГУ Денис Валериевич Кирилюк. Постоянные дискуссии в их кругу делают мои научные опусы лучше. С ними жизнь превращается в сплошное приключение.

Особо ценны для меня как ученого советы д-ра ист. наук, доцента Виктора Петровича Карпова. Он является тем первым читателем и другом, который необходим каждому исследователю в стремлении совершенствоваться.

Для моих исследований значимо мнение д-ра ист. наук, профессора Александра Ивановича Прищепы. Он, будучи историком градостроения на Севере Западной Сибири, как никто другой понимает, насколько тяжел, но интересен объект данной книги.

Я невероятно рад, что веду переписку с замечательным человеком, д-ром ист. наук, профессором, член-корреспондентом

Российской академии архитектуры и строительных наук Марком Григорьевичем Мееровичем. Его оценка и идеи чрезвычайно важны для меня.

Выражаю глубокую благодарность коллегам, которые познакомились с моими научными работами и оставили отзывы, советы, замечания: д-ру ист. наук, доценту Надежде Юрьевне Гавриловой, канд. ист. наук, доценту Алексею Юрьевичу Коневу, д-ру ист. наук, профессору Юрию Михайловичу Гончарову, д-ру ист. наук, профессору Любови Ивановне Сосковец, д-ру ист. наук, профессору Валентине Борисовне Жиромской, канд. ист. наук, старшему научному сотруднику Альбине Ивановне Тимошенко, д-ру ист. наук, профессору Любови Васильевне Алексеевой, канд. ист. наук, ученому секретарю Института истории и археологии УрО РАН Николаю Анатольевичу Михалеву, канд. ист. наук, доценту, ведущему научному сотруднику Вячеславу Лазаревичу Некрасову, канд. ист. наук, доценту, декану социально-гуманитарного факультета СурГПУ Олегу Николаевичу Стафееву.

И, конечно, эта книга не увидела бы свет без поддержки моих родителей – Николая Николаевича и Елены Вячеславовны Стась, а также любимой бабушки Антонины Алексеевны Волоцкой. Я вас всех очень люблю.

Глава I.

ИСТОРИОГРАФИЯ ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОГО ВОПРОСА В ЗАПАДНО-СИБИРСКОМ НЕФТЕГАЗОВОМ КОМПЛЕКСЕ

В постсоветский период изучение развития Ханты-Мансийского автономного округа (ХМАО) получило актуализацию в исторической науке. Связано это с тем, что требуется осмысление того, как практически неосвоенный регион с тяжелыми природно-климатическими условиями за короткий период превратился в край с высоким уровнем жизни и благосостояния. Конечно, ответ простой, и кроется он в богатых нефтересурсах местной земли, которые начали добываться с 1964 г. Однако процесс развития ХМАО в период нефтегазового освоения имел противоречивый и многоаспектный характер, что привлекало исследователей заниматься этой проблематикой. Постепенно писались различные сюжеты и предлагались новые интерпретации истории ХМАО во второй половине XX в. Одними из самых дискуссионных, но и по-настоящему неисследованных проблем, являлись вопросы о сущности и особенностях градостроительного развития в нефтяном крае. Историография градостроительного вопроса в ХМАО и нефтегазодобывающих районах Западной Сибири берет свое начало в 1960-х гг., когда стали разрабатываться первые проекты по строительству городов нефтяников.

Работы советского периода, в которых изучались города нефтяного края, в основном принадлежали градостроителям. Архитекторы, участвующие в разработке генеральных планов городов нефтяников, коллективно публиковали свои результаты, – выходили сборники научных статей, посвященные градостроительству в нефтедобывающих районах Западной Сибири[7]. Эти

[7] Вопросы реализации градостроительных предложений в Западной Сибири. Сборник научных трудов. – Ленинград: ЛенЗНИИЭП, 1988. – 108 с.; Кадников В.В. Особенности градостроительства в нефтегазоносных районах Западной Сибири (расселение и структура городов): автореф. дисс. … канд. арх.: 18.00.04. – Л., 1973. – 32 с.; Колпакова М.Р. Планировка и застройка базовых городов на севере Сибири: автореф. дисс. … канд. арх.: 18.00.04. – М., 1973. – 31 с.; Планировка и застройка Нижневартовска. Сб. науч. трудов СибЗНИИЭП №7. – Ново-

работы обладали во многом источниковым потенциалом, поскольку публикации архитекторов были апробацией градостроительных проектов развития округа. Значительный вклад внесли архитекторы В.В. Кадников, Э.А. Миленина, В.М. Фурен, Э.Я. Фейгина, М.Р. Колпакова, В.Г. Терехин, А.А. Зюзин-Зинченко, В.И. Смирнов и другие. В работах архитекторов практически отсутствовал ретроспективный подход при изучении градостроительного развития региона. Вместе с тем разрабатывались концепции и прогнозы развития городского расселения в регионе.

Архитектор В.В. Кадников был одним из первых исследователей, кто применял термин «урбанизация» для характеристики системы расселения в северном регионе Западной Сибири при смене народно-хозяйственного профиля. В значительной степени на основе его исследований происходила разработка схем расселения и планировки городов в нефтегазодобывающих районах Западной Сибири. Он отмечал, что для северных районов Западной Сибири, как и для других районов с преимущественно ресурсным характером освоения, будет иметь место закономерность прерывно-динамического развития систем расселения: на первом этапе – резкий рост всех основных параметров и элементов расселения; затем – зрелость производственной структуры и стабилизация системы; третий этап – резкий спад и отмирание основных функций, а иногда и самих населенных мест. Архитектор указывал, что экономическая база региона проходила стадию «скачка», чему соответствовало «усиление темпов урбанизации». В.В. Кадников предлагал на территории нефтедобывающего региона выделять зоны с различной степенью урбанизации, обладающие разной перспективностью развития расселения: стабильного (постоянного), опорного (городского), мобильного (временного) расселения. Выделение этих зон рассматривалось как первый шаг к планированию урбанизации.

сибирск, 1974. – 128 с.; Проблемы проектирования и строительства в регионе ЗСНГК. – Науч. тр. ЗапСибЗНИИЭП. – Сургут, 1989. – 186 с.; Особенности градостроительства в нефтедобывающих районах Тюменской области. – Л.: Стройиздат, Ленингр. отделение, 1972. – 127 с.; Особенности расселения в северных районах Западной Сибири (обзор). – М.: ЦНТИ по гражданскому строительству и архитектуре, 1973. – 46 с.; и др.

По мнению исследователя, на основе промышленных узлов в пределах региона формировались Сургутская, Нижневартовская, Уренгойская, Ханты-Мансийская, Железнодорожная (поселки-центры леспромхозов на железной дороге Ивдель-Обь), Игрим-Березовская и Салехардская группы населенных мест. Архитектор при этом считал, что региональная схема расселения сформируется в 1980-1990 гг., а в 1990-2000 гг. будут развиваться межрегиональные системы расселения на основе взаимосвязи с югом Тюменской и Томской областей, а также с Коми АССР и северными районами Восточной Сибири. Типология населенных мест после 1980 г. будет насчитывать 11 основных типов населенных мест: межрегиональные и региональные опорные центры расселения, базовые города, организационно-хозяйственные центры, многофункциональные поселки, технические поселки, поселки экспедиций, мобильные базовые города, мобильные поселки монофункциональные и многофункциональные, вахтенные поселки.

Особое значение В.В. Кадников придавал трем типам поселений. Во-первых, межрегиональным опорным центрам (Тюмень, Томск) с населением 300-500 тыс. чел. с радиусом зоны влияния от 500 до 1200 км. Город Сургут должен был стать региональным опорным центром с численностью до 250 тыс. чел. и зоной влияния до 500 км. Целью формирования Сургута было обеспечение оптимальных условий развития группы территориально-производственного комплекса и формирования постоянного населения в регионе. Базовые города (которыми, по мнению архитектора, становились Нижневартовск, Южный Балык и Урай) должны были обладать численностью от 40 до 120 тыс. чел., основной задачей этих городов было обслуживание групп месторождений в радиусе до 150-200 км. К числу базовых мобильных городов и поселков, которые обеспечивали быстрый ввод в эксплуатацию уникальных северных месторождений, относились Надым и Уренгой, численность которых могла достигнуть 50-80 тыс. чел.

В выводах исследования архитектор указывал на то, что формирование систем расселения в регионе будет проходить в 4 этапа: 1) изолированные населенные места (1959 г.); 2) группы населенных мест (1971-1980 гг.); 3) региональная (1980 г.) и

4) межрегиональная системы[8]. Таким образом, согласно В.В. Кадникову, в нефтяном крае Западной Сибири должна была сформироваться система расселения с различными уровнями урбанизации.

Специалисты института ЛенНИИПградостроительства приводили периодизацию размещения населения в ХМАО[9]. Первый период (1959-1963 гг.) – значительный приток трудовых ресурсов в связи с интенсивными геолого-разведочными работами и обустройством месторождений, возникновение проблемы организации сети временных поселений. Второй период (1964-1967 гг.) – приток из сложившихся нефте- и газодобывающих районов значительных контингентов нефтяников и газовиков и усиление организационно-хозяйственной роли городских поселений. Третий период (с 1968 г.) – концентрация прибывающего населения в городах и рабочих поселках в силу интенсивного развития обслуживающих отраслей хозяйства, технического прогресса на транспорте и опережающих темпов роста производительности труда в нефтегазодобыче и лесозаготовках. Архитекторы отмечали, что в начале 1970-х гг. важнейшим показателем уровня урбанизации региона являлось начало формирования группового расселения, что связывалось с транспортно-экономическим районированием региона. В ЯНАО выделились Салехардская, Тазовская, Тарко-Салинская группы, или очаговые формы расселения. В ХМАО очерчивались Игрим-Березовская, Железнодорожная, Шаимо-Кондинская, Ханты-Мансийская, Сургут-Нижневартовская группы. В целом сильной стороной работ советских архитекторов был анализ структуры городского расселения и планирования, а минусом – отсутствие историзма и ретроспективного подхода.

Серьезное градостроительное осмысление городов нефтяников было проведено в фундаментальной монографии «Нефть СССР (1917-1987 гг.)», где XIII глава называлась «Города нефтяников», автором которой был в прошлом руководитель института «Гипротюменнефтегаз» Я.М. Каган[10]. Авторы монографии рассматривали городские центры нефтяников в контексте поисков, проблем и решений нефтяной промышленности. Эта тема социокультурного и жилищного строительства в городах для рабочих-нефтяников выделялась равноценной наряду с сугубо производственной проблематикой: геологией, технологией бурения, эффективностью разработки месторождений и эксплуатацией скважин, утилизацией нефтяного газа, транспортировкой нефти и трубопроводами, экономикой и планированием развития нефтяной промышленности. Один из главных тезисов Я.М. Кагана был связан с тем, что «без создания опорных баз и городов развивать добычу нефти невозможно», что «во всех районах, где были открыты нефтяные месторождения, где развивалась нефтяная промышленность, создавались города и поселки нефтяников»[11]. Такое мнение было присуще практически всем представителям нефтяной отрасли. В научном нефтепромышленном дискурсе советского времени доминировала мысль, согласно которой было невозможно развитие нефтяной отрасли без создания городов как базовых центров расселения нефтяников при каждом месторождении. Я.М. Каган писал по этому поводу: «Нередко отсутствие надежных транспортных коммуникаций и большая отдаленность от обжитых мест приводили к созданию практически на каждом месторождении, даже с небольшим уровнем добычи, населенного пункта. Этому же способствовала существовавшая многоступенчатая структура управления в нефтяной промышленности, когда руководители и коллективы каждого предприятия нефтедобычи или бурения стремились быть ближе к своим объектам и считали необходимым иметь собственные населенные пункты в районе размещения предприятий. Подоб-

[8] Кадников В.В. Особенности градостроительства в нефтегазоносных районах Западной Сибири (расселение и структура городов): автореф. дисс. … канд. арх.: 18.00.04. – Л., 1973. – С. 10-27.

[9] Особенности расселения в северных районах Западной Сибири (обзор). – М.: ЦНТИ по гражданскому строительству и архитектуре, 1973. – С. 14-20.

[10] Нефть СССР (1917-1987 гг.) / Ю.Г. Апанович, Н.М. Банков, М.А. Берлин и др. Под ред. В.А. Динкова. – М.: Недра, 1987. – 384 с.; Каган Я.М. Города нефтяников // Нефть СССР (1917-1987 гг.) / Ю.Г. Апанович, Н.М. Банков, М.А. Берлин и др. Под ред. В.А. Динкова. – М.: Недра, 1987. – С. 338-355.

[11] Каган Я.М. Города нефтяников // Нефть СССР (1917-1987 гг.) / Ю.Г. Апанович, Н.М. Банков, М.А. Берлин и др. Под ред. В.А. Динкова. – М.: Недра, 1987. – С. 338.

ный подход привел к тому, что строительство жилья даже в 70-х гг. велось более чем в 250 городах и поселках, основная часть которых имела жилую площадь менее 10 тыс. кв. м. В таких условиях крайне трудно было обеспечить необходимое культурно-бытовое обслуживание населения»[12]. Противостояла этой точке зрения позиция архитекторов, градостроителей и географов, указывавших на синтез строительства небольшого количества базовых городов и широкого распространения вахтового труда как на более правильную систему расселения нефтяников и их семей.

Я.М. Каган подробно охарактеризовал особенности градостроительства в нефтедобывающих районах Западной Сибири. Он указывал, что в обстановке перехода на новые приемы в градостроительстве и начались работы по расселению трудящихся для освоения нефтяных месторождений Западной Сибири. В этом была уникальность городов нефтяников Западной Сибири, в отличие от городов в других нефтяных регионах страны. Я.М. Каган акцентирует внимание на том, что новые города нефтяников в 1960-1980-х гг. были тесно связаны с новыми принципами градостроительства, ассоциировались с массовым жилищным строительством крупнопанельных домов. От этого и немало было упущений в градостроительстве: серость типовых решений, совмещенные санузлы, потеря зрительной, объемной выразительности общественных зданий и др. Отрицательную оценку дает Я.М. Каган фактору ведомственности: «Немало вреда принесла градостроительству практика сооружения городов в виде набора ведомственных поселков со своим инженерным обеспечением»[13]. Ученый считал, что только в 1980-х гг. благодаря укреплению строительной базы массовое строительство перешло на подлинно комплексную застройку жилых микрорайонов.

Советские географы недостаточно уделяли внимания проблеме расселения в нефтегазодобывающих районах Западной Сибири. Можно выделить лишь немногие работы. В начале 1970-х гг. население районов освоения Севера Западной Сибири стало объектом изучения в работе географов К.Н. Мисевича и В.И. Чудновой[14]. Авторы проанализировали численность, состав, естественное движение и миграции населения, а также формирование кадров и типы расселения на Обском Севере. Исследователи писали, что почти во всех нефтеносных районах Советского Союза наиболее распространенно групповое расселение, при котором центр нефтяной промышленности – крупный город, а вокруг него создаются укрупненные поселки нефтяников. Такое расселение складывалось в Азербайджане, Поволжье и было приемлемо для районов первоочередного освоения Западно-Сибирской низменности, так как наиболее отвечало условиям размещения нефтяных промыслов, буровых и эксплуатационных скважин, сборных пунктов и транспортных парков. Согласно географам, в нефтедобывающих районах Западной Сибири в наиболее удобных местах необходимо было строить благоустроенные города – центры крупных промышленных районов, а в более удаленных от основных баз местах – вахтенные поселки для геологов, буровиков, эксплуатационников; при этом система поселений должна была формироваться значительно рассредоточенной по территории. По мнению ученых, на Севере Западной Сибири при формировании населения сложилось три типа городских поселений: 1) нефтегазопромысловый; 2) лесопромышленный; 3) центры окружного и районного значения. Для нефтегазопромыслового типа поселений были характерны высокие темпы роста населения, ведущая роль миграционного притока, высокие показатели естественного прироста и рождаемости.

В известной работе географа Е.Н. Перцика «Город в Сибири», в том числе и на примере нефтегазопромышленных районов Западно-Сибирской равнины, анализировались основные особенности развития городов и эволюции городской схемы расселения в Сибири[15]. Географ отмечал, что во всех расчетах наиме-

[12] Каган Я.М. Города нефтяников // Нефть СССР (1917-1987 гг.) / Ю.Г. Апанович, Н.М. Банков, М.А. Берлин и др. Под ред. В.А. Динкова. – М.: Недра, 1987. – С. 339.

[13] Каган Я.М. Города нефтяников // Нефть СССР (1917-1987 гг.) / Ю.Г. Апанович, Н.М. Банков, М.А. Берлин и др. Под ред. В.А. Динкова. – М.: Недра, 1987. – С. 346.

[14] Мисевич К.Н., Чуднова В.И. Население районов современного промышленного освоения Севера Западной Сибири. – Новосибирск: Издательство «Наука». Сиб. отделение, 1973. – 209 с.

[15] Перцик Е.Н. Город в Сибири: (проблемы, опыт, поиск решений). – М.: Мысль, 1980. – С. 174-184.

нее эффективным оказывалось децентрализованное расселение посредством сооружения небольших поселков при месторождениях по принципу промысел – поселок. Эффективнее было, по мнению исследователя, строительство крупных базовых городов с вахтами на месторождениях. Е.Н. Перцик считал, что проектировки и расчеты указывали на необходимость формирования структуры расселения, гибко сочетающей стабильные, мобильные, опорные, базовые и вахтенные поселки. В то же время, по его мнению, были полностью эффективны централизация системы расселения и сосредоточение максимально возможных объемов строительства в немногих удачно расположенных, относительно крупных и благоустроенных базовых городах. Следует отметить, что анализ системы расселения в ЗСНГК осуществлялся Е.Н. Перциком без учета принципа историзма – на основе градостроительных проектов начала 1970-х гг., когда к 1980 г. уже изменился градостроительный контекст в регионе, поскольку в это время была оформлена новая групповая (рассредоточенная) система расселения.

Проблематика градостроительного освоения нефтяного края Западной Сибири затрагивалась в работе экономиста А.Д. Хайтуна[16]. Согласно ученому, этому освоению были присущи определенные ограничения. Низкая эффективность градостроения происходила вследствие децентрализации базы строительной индустрии, распределения площадок по обширной территории, а одновременное возникновение в большом числе поселков и малых городов затрудняло создание и поддержание на требуемом уровне социально-бытовых условий. А.Д. Хайтун отмечал, что уже на начальной стадии в основе системы расселения нефтегазовых районов Западной Сибири было заложено сочетание постоянных городов, являющихся системообразующими центрами, и временных мобильных поселений. Система «город–вахтовый поселок» рассматривалась как единое градостроительное образование, имеющее общую групповую социальную инфраструктуру, транспортные связи и производственную базу[17].

[16] Хайтун А.Д. Экспедиционно-вахтовое строительство в Западной Сибири. – Л.: Стройиздат, Ленингр. отд-ние, 1982. – 183 с.

[17] Хайтун А.Д. Экспедиционно-вахтовое строительство в Западной Сибири. – Л.: Стройиздат, Ленингр. отд-ние, 1982. – С. 45-48.

В конце 1980-х гг. нефтяные города Западной Сибири полноценно попали в поле зрения различных исследователей – социологов, экономистов, историков. Именно в это время ученые пытались применить в исследовании городов нефтяного региона новые, неидеологизированные подходы.

Развитие социальной инфраструктуры новых городов на Севере Западной Сибири было изучено социальными философами А.Н. Авериным и Е.П. Антроповым[18]. Они считали, что социальная инфраструктура новых городов развивалась недостаточно быстрыми темпами, некомплексно, «без взаимной увязки ее объектов», что тормозило повышение жизненного уровня в регионе и существенно снижало народно-хозяйственную эффективность нефтегазового комплекса. Главная причина такого явления виделась в отсутствии единой системы освоения, которая бы предусматривала в качестве важнейших составных звеньев одновременно формирование и развитие производственных объектов, транспорта, социальной инфраструктуры, природоохранительных мероприятий. В силу этого сооружение городов и поселков приобрело размах лишь после того, как территории Севера Западной Сибири вошли в число крупнейших нефтегазодобывающих районов страны. Но приоритетной и первоочередной задачей было возведение объектов производственного назначения.

По мнению исследователей, в основу освоения месторождений нефти и газа Западной Сибири на первых этапах был положен традиционный метод, который предполагал расселение кадров и формирование социальной инфраструктуры в непосредственной близости от месторождений нефти и газа. Ученые указывали, что такой метод применялся при строительстве городов и рабочих поселков в начале 1970-х гг. и при образовании молодых городов в начале 1980-х гг. Но эта практика создания большого количества постоянных населенных пунктов приводила к децентрализации усилий и всех видов ресурсов, неэффективному использованию мощностей строительных организаций, распылению сил в строительстве, рассредоточению на огромной территории производственных мощностей и объектов социальной инфраструктуры. В силу этих причин произошло принятие в

[18] Аверин А.Н., Антропов Е.П. Западная Сибирь: социальная инфраструктура районов освоения. – М.: Сов. Россия, 1988. – 112 с.

1980-х гг. иного, нетрадиционного метода работ – вахтового. Вахтовый метод ограничивал количество городов и рабочих поселков в необжитых районах, что предполагало качественный рост и дальнейшее ускоренное развитие социальной инфраструктуры в южной зоне региона, которая служила опорной базой освоения нефтегазодобывающих районов. По мнению ученых, наиболее целесообразной представлялась стратегия хозяйственной деятельности, в которой сочетались традиционный и вахтовый методы организации работ.

Исследователи А.Н. Аверин и Е.П. Антропов охарактеризовали типы населенных пунктов, которые составляли систему расселения в Западно-Сибирском нефтегазовом комплексе: опорные города, базовые города и вахтовые поселки. Если опорные города формировались в южной зоне региона (Тюмень, Томск, Тобольск), то базовые города располагались на территории нефтегазодобывающих районов и служили базой хозяйственного освоения в режиме внутрирайонной вахты. Под категорию базовых городов попадали все города ХМАО. В то же время Сургут, как отмечали авторы, становился опорным городом для освоения Приполярья и Заполярья. По мнению исследователей, наиболее перспективным представлялось осуществлять освоение с расселением рабочих кадров в базовых и опорных городах и применением внутрирайонной и внутрирегиональной вахты.

Несмотря на то, что урбанизация ХМАО проявлялась достаточно ярко, являясь многогранным объектом исследования, захватывающим различные аспекты жизни, она не получила репрезентацию в исторической науке вплоть до конца 1980-х гг. Первым из историков, кто обратился к анализу городского развития в нефтегазодобывающих районах Западной Сибири, был тюменский ученый Н.М. Пашков. В статье «Городское строительство в нефтегазодобывающих районах Западной Сибири», вышедшей в новаторском сборнике «Урбанизация советской Сибири», Н.М. Пашков попытался проследить основные тенденции и проблемы городского строительства в ХМАО за период 1960-1980-х гг[19].

[19] Пашков Н.М. Городское строительство в нефтегазодобывающих районах Западной Сибири // Урбанизация советской Сибири. – Новосибирск: «Наука», 1987. – С. 162-176.

Историк очертил три этапа в развитии городов региона. На первом этапе (1964-1970 гг.) происходило развертывание массового строительства новых городов и рабочих поселков – базовых центров освоения месторождений, поиск и отработка принципов градостроительства в экстремальных природно-климатических условиях, слабая база строительной индустрии и домостроения, ведомственная разобщенность, стихийность. В этот период темпы жилищно-гражданского строительства не соответствовали быстрому росту населения в новых городах и поселках. Несмотря на недостатки, историк отмечал, что в это время был накоплен небольшой, но ценный опыт градостроительства и были созданы предпосылки для более широкого его развертывания в последующие годы. Историк обращал внимание на недостаточное финансирование градостроительства, поскольку ассигнования на развитие городов выделялись по нормативам, разработанным для обжитых районов. Указывалось, что не были отработаны принципы застройки городов и не были созданы новые типы жилья с учетом суровых природно-климатических условий, а очевидная нецелесообразность индивидуального строительства в силу его дороговизны и отсутствия строительных материалов (Н.М. Пашков не объяснял, чем это отсутствие обосновывалось, ведь в регионе было достаточно лесных массивов) привела к тому, что после 1967 г. индивидуальное строительство практически прекратилось.

Второй этап (1971-1979 гг.), согласно ученому, был отмечен увеличением капитальных вложений в строительство жилья и объектов соцкультбыта, интенсивным развитием собственных баз стройиндустрии, отработкой принципов застройки городов, улучшением качества жилья. Однако уровень обеспеченности населения жильем и объектами соцкультбыта снизился, главной причиной чего было отношение министерств и ведомств к решению проблем социального развития как к делу второстепенному.

С начала 1980-х гг. последовал третий этап. Существенно расширилась программа жилищно-гражданского строительства, были привлечены в регион строительные организации из других областей страны. Однако Н.М. Пашков считал, что проблема жилищно-гражданского строительства оставалась чрезвычайно острой из-за исключительно высоких темпов роста населения в го-

родах, слабой стройиндустрии, недостатка опыта строительства в северных широтах, неэкономного расходования материальных ресурсов, неправильной организации труда, несоответствия времени уровня руководства со стороны партийных и советских органов, которые терпимо относились к срыву планов жилищно-гражданского строительства. Подводя итог, Н.М. Пашков оценивал нефтегазодобывающие районы Западной Сибири как одни «из самых урбанизированных за Уралом».

Таким образом, советская историография добилась определенных достижений в изучении градостроительных процессов в нефтегазодобывающих районах Западной Сибири. Градостроители в большой степени сосредоточились на перспективной панораме развития городов, но оставили без должного внимания исторические вопросы генезиса городских структур. Географы также обращали внимание только на современное состояние городов региона. Наибольший вклад историка Н.М. Пашкова заключался в разработке периодизации городского строительства в районах нефтегазодобычи Западной Сибири, которая получила признание и отражение, но в так или иначе измененной форме, в последующих работах историков. Следует также отметить, что городское развитие ХМАО в контексте подходов социологии, философии и демографии в советский период изучалось учеными В.В. Трушковым, Г.Ф. Куцевым, А.Н. Зайцевой.

Постсоветскую историографию градостроительного вопроса в ХМАО в период нефтегазового освоения составляют в меньшей степени работы экономистов и географов, а в большей – архитекторов, градостроителей и историков. Каждого ученого отличал выработанный своей наукой подход, которым в основном и руководствовались исследователи. Редко кто из ученых применял междисциплинарный инструментарий, что существенно сужало исследовательское поле и обедняло выводы при анализе такого разнородного явления как город. Вместе с тем в постсоветской историографии появились интересные интерпретации градостроительного развития нефтяного региона.

Экономист Л.И. Крючина во главу угла своего исследования поставила проблемы монофункционального развития городов ХМАО как элементов системы расселения и производства

региона[20]. Система городских поселений ХМАО, согласно Л.И. Крючиной, имела следующие характеристики: 1) по отраслевой специализации выделялись региональные системы поселений нефтегазодобычи, лесопромышленного комплекса, рыбоперерабатывающей промышленности, реализующие свои функции на разных пространственных уровнях – общероссийском, межрегиональном, региональном; 2) группировка поселений нефтегазодобычи в зависимости от принадлежности их градообразующих предприятий к основным вертикально-интегрированным компаниям, действующим в ХМАО; 3) центральные функции, делившиеся между двумя главными «столицами» – Ханты-Мансийск сосредоточил административную, а Сургут – экономическую функцию; кроме центра выделялись локальные отраслевые «столицы», которые являлись местом локации ключевых производств и менеджмента вертикально-интегрированных компаний топливно-энергетического комплекса (Сургут, Нижневартовск, Когалым, Нефтеюганск), и города, являвшиеся центрами административных районов (Советский, Белоярский); 4) всем городам округа была присуща гипертрофия специализированных функций; 5) нахождение ряда городов (Пыть-Ях, Югорск) в процессе поиска новой внешней специализации, что ограничивало возможности реализации внутренних функций.

Обзор новейших трудов географов по проблемам урбанизации и городского развития нефтедобывающих районов ХМАО следует начать с исследований тюменского философа М.Г. Ганопольского, в которых с этико-географических категорий была продемонстрирована рефлексия региона, этоса и нравственной истории нефтегазового освоения Тюменского Севера[21]. Философ отмечал, что новое освоение региона привело к возникновению крупных поселенческих образований, отличительной чертой которых была внеличностная основа, предшествовавшая обжива-

[20] Крючина Л.И. Монофункциональный северный город как элемент системы расселения и производства региона (на примере Ханты-Мансийского автономного округа): автореферат дисс. … канд. экон. наук: 08.00.05. – Екатеринбург, 2006. – 26 с.

[21] Ганопольский М.Г. Региональный этос: истоки, становление, развитие. – Тюмень: ТюмГНГУ, 1998. – 160 с.

нию территории. Эта основа выступала как утопическая программа-призыв и одновременно как мощная адаптационная машина. Наблюдался особый механизм становления полиэтнических сообществ, интегрировавшихся в региональные общности индустриального типа. По мнению философа, геологи задали нефтегазоносному региону Западной Сибири первоначальный палаточный стандарт, окрашенный романтикой неустроенности, и предопределили субординацию организационных структур – подчинили структуру расселения задачам производства. Далее эстафету подхватили строители, чья безместность собственной жизни была подчинена новоместности Великой стройки. Нефтяники и газовики последовали этому стандарту, хотя в профессиональном отношении они были ориентированы на менее мобильную организацию. Таким образом, первичной формой сцепления популяции в регионе была организационно-технологическая матрица, в основе которой была геологическая разметка территории со схемой административного подчинения ее фрагментов и динамичные индустриальные ритмы жизнедеятельности. М.Г. Ганопольский указывал на то, что в формы расселения Тюменской области изначально, на первом этапе освоения, закладывалась монофакторная, а затем и корпоративно-ячеистая структура, и такая практика не была способна не то, чтобы создать общность, но даже целостную региональную популяцию. Происходила разобщенность отдельных (ведомственных) фрагментов территории. И в этих условиях общественные процессы, если и происходили, то только на уровне коллективов предприятий, но автономизация локальных коллективов препятствовала формированию региональной общности.

Итак, философ интерпретировал урбанизацию через призму производственной организационной структуры. Он указывал, что в Сибири происходило создание территориально-отраслевых управленческих структур при относительной сбалансированности тенденций ведомственности и местничества в их региональном проявлении, где на уровне конченых звеньев возникали концентрические связи. По мнению М.Г. Ганопольского, именно такая сбалансированность при общей ориентации на постоянное заселение стимулировала урбанизацию региона. На более ранних этапах индустриализации (имелось в виду в сталинский период) город либо планировался в самом начале, либо поселок становился городом при естественном разрастании одного или нескольких градообразующих факторов. Но теперь – в период нового промышленного освоения – большую значимость приобретал результат компромисса между факторами. Однако, несмотря на то, что в начале этого освоения города складывались из отдельных ведомственных поселков, они, в конечном итоге, сливаясь в агломерацию, превращались в аванпосты будущей региональной общности[22].

Философ указывал на связь освоения Тюменского Севера с логикой «обустройства» (понятие, которое именно с конца 1960-х гг. прочно вошло в обиходный язык) – приезжая на новое место, люди начинали эту жизнь обустраивать. Речь шла не только о месте жительства, но о комплексе минимального удовлетворения социальных потребностей. Если в обжитых районах социальная инфраструктура формировалась естественно, то в районах промышленного освоения она проектировалась. В этом проектировании сталкивались два подхода. Первый был нацелен на стационарный режим жизнедеятельности и долговременное пребывание человека, а второй предполагал десантный способ освоения с использованием нетрадиционных методов труда – вахтового, экспедиционного и их комбинации. Но ни одна из этих стратегий так и не осуществилась в чистом виде, однако все-таки господствующей стала стратегия-обживания. Ее господство обеспечивалось не трудностями обратного хода, а в инерции оседлости, в необратимости духовной ситуации, которая сформировалась усилиями первого поколения мигрантов и была усвоена и преобразована последующими. Поэтому, отмечал исследователь, многие поселки, спроектированные как вахтовые, превращались в стационарные, а затем и в города. Вместе с тем вахтово-экспедиционный метод, несмотря на серию запретов, также продолжал существовать. М.Г. Ганопольский также привел соображение о том, что в начале освоения было два пути – либо стационарное освоение, либо вахтовое. Здесь следует отметить, что этот тезис был также принят на вооружение постсо-

[22] Ганопольский М.Г. Региональный этос: истоки, становление, развитие. – Тюмень: ТюмГНГУ, 1998. – С. 115.

ветскими историками нефтегазового комплекса Западной Сибири, хотя ему явно не хватало верификации, в то время как архитекторы говорили о другой модели. М.Г. Ганопольский видел в вахтово-экспедиционном методе нравственную сущность. Когда этот метод достиг своего апогея в 1980-х гг., он был уже не кочевничеством и не странничеством (и он не был обустройством), но стал новым каналом социальной коммуникации между Тюменской областью и страной, по которому циркулировала не только рабочая сила, но и обмен социальным и нравственным опытом. Это был канал взаимообмена между субкультурами различной степени мобильности. Таким образом, согласно философу, в том числе и в урбанизации проявилась организационная подоплека регионального развития, и только в период послевоенного индустриального освоения Сибири произошла кардинальная смена этоса – с производственного на региональный.

В 2000-х гг. М.Г. Ганопольский совместно со своими учениками дополнил и расширил видение регионального этоса, в котором система городского расселения ХМАО стала выступать важнейшим критерием формирования «Тюменской нефтедобывающей цивилизации»[23]. Исследователи выделяли четыре этапа формирования локальных структур расселения в районах нефтегазодобычи: 1) «оцентрирование» месторождений, когда возникали опорные базы – местные центры индустрии, связанные с Центром – штабом освоения; 2) создание локальных поселенческих сообществ на основе внутрипромысловой сети производственных объектов и коммуникаций вокруг опорных баз; 3) развитие наземных линий транспорта, которые скрепляли ячейки локального расселения; 4) переход временных поселений в статус постоянных, соединяющихся в цепочки, формируя качественно новые структуры расселения[24]. М.Г. Ганопольский и С.П. Литенкова определили, что опорный каркас расселения в Тюменской области представлял собой древовидную структуру с более или менее разветвленными участками на юге области и в Среднем Приобье, а также с участками фрагментарного развития – вокруг городов Нягани и Югорска, линейный элемент у города Салехарда и Лабытнанги (Ямало-Ненецкий округ), транспортная ветвь к рабочему поселку Междуреченский. Анализируя зоны воздействия каркаса расселения, авторы пришли к выводу, что на территории Тюменской области могла считаться сформированной только одна замкнутая зона с центром в городе Сургуте, ограниченная четырехугольником, а остальные же зоны влияния находились на разных этапах формирования (в том числе и Тюмень и Нижневартовск)[25]. Как видим, цивилизационный подход философа и его учеников при изучении расселения в Тюменском Севере также строился на организационно-производственной матрице.

Классические географы на основе статистического анализа попытались выявить основные закономерности урбанизационного развития ХМАО в постсоветский период. Преуспели в этом нижневартовские исследователи С.Н. Соколов и А.М. Выходцев. Географ С.Н. Соколов раскрывал динамику городского населения округа[26]. Ученый считал, что в округе возникли и развиваются городские агломерации. Так, наряду с образованием новых городских поселений и расширением их географии формировались групповые системы расселения, которые в регионе сложились вокруг Сургута, Нижневартовска, Нефтеюганска и Югорска. Эти системы включали несколько близкорасположенных городских поселений, между которыми установились тесные экономические, трудовые, культурно-бытовые и информационные связи. Однако далее географ отмечает, что в округе выделяются только три сформировавшиеся агломерации – Сургутско-Нефте-

---

[23] Ганопольский М.Г., Федоров Р.Ю. На пути к нефтегазодобывающей цивилизации (опыт историко-географической реконструкции) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2011, № 1. – С. 203-211.

[24] Ганопольский М.Г., Цибульский В.Р., Литенкова С.П., Федоров Р.Ю. Социокультурное пространство Тюменской области: опыт структурно-коммуникативного анализа // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2010, № 1. – С. 202-208.

[25] Ганопольский М.Г., Литенкова С.П. Влияние структуры расселения Тюменской области на формирование региональной общности (опыт социально-пространственного анализа) // Вестник Тюменского государственного университета. – 2004, № 4. – С. 47-52.

[26] Соколов С.Н. Динамика городского населения Ханты-Мансийского автономного округа – Югры / Научные труды Западно-Сибирского института финансов и права. Вып. 2. – Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гуманит. ун-та, 2006. – С. 87-103.

юганская, Нижневартовская, Няганьская. В состав первой входили поселения Сургут, Нефтеюганск, Пыть-Ях, Пойковский, Федоровский, Барсово, Белый Яр (в 1990 г. людность агломерации была 436,6 тыс. чел.). В состав Нижневартовской агломерации при людности 349,4 тыс. чел. в 1990 г. включались Нижневартовск, Мегион, Высокий, Излучинск и Стрежевой (Томская область). В Няганьскую агломерацию входили Нягань, Талинка, Андра, Октябрьское, Приобье (людность составляла 75,2 тыс. чел. в 1990 г.). Кроме того, географ указывал на то, что в округе формировалась еще одна агломерация – Югорско-Советская, состоящая из Югорска, Советского, Зеленоборска, Малиновского, Пионерского и Таежного (в 1990 г. население было 61,5 тыс. чел.). Эта агломерация относилась к системе агломерированного расселения, представлявшей собой совокупность взаимосвязанных поселений.

Географ А.М. Выходцев разработал картографические модели урбанизации ХМАО[27]. Исследователь считал, что рост окружных городов, который превышал прогнозируемый уровень, объяснялся отчасти крахом идеи вахтового обслуживания нефтегазопромыслов, с чем связывалась градостроительная концепция преимущественно вахтового расселения в зоне добычи нефти и газа. Заметим, что географ по-другому расставил акценты, в то время как большинство исследователей (в первую очередь историки) рассматривали большую влительность в традиционном стационарном расселении. По мнению А.М. Выходцева, в период нефтегазового освоения наряду с образованием новых городских поселений и расширением их географии формировались групповые системы расселения, включавшие несколько близкорасположенных городских поселений, между которыми устанавливались тесные экономические, трудовые, культурно-бытовые и информационные связи. Исследователь выделил 11 внутриокружных групп расселения, каждая из которых консолидировала вокруг себя взаимосвязанные группы городских поселений: Березовскую, Белоярскую, Няганьскую, Югорскую, Ханты-Мансийскую, Урайскую, Кондинскую, Сургутскую, Когалымскую, Нижневартовскую, Аганскую. На основе метода нанесения на карту зон влияния (транспортной доступности) городских поселений, А.М. Выходцев определил границы агломераций Югры и выделил два узла концентрации населения, развивающие Сургутскую и Нижневартовскую агломерации. В Сургутскую агломерацию входили городские поселения – Сургут, Федоровский, Белый Яр, Барсово, Лянтор, Нефтеюганск, Пойковский, Пыть-Ях, а в Нижневартовскую – Нижневартовск, Излучинск, Мегион, Высокий, Стрежевой. При этом исследователь считал, что если Мегион и Излучинск уже вошли в Нижневартовскую агломерацию, то Высокий и Стрежевой войдут в ее территорию в перспективе.

Известный географ-урбанист Г.М. Лаппо отмечал, что территориальная группа городов-центров нефте- и газодобычи, развивающихся на Тюменском Севере, заслуживала особого внимания[28]. Именно здесь по мере вовлечения в эксплуатацию новых месторождений возникали новые города, в то время как в Европейской России процесс градообразования затухал. Г.М. Лаппо указывал также на то, что, помимо городов, из 34 поселков городского типа в регионе 7 превысили «городскую норму». Наи-более крупной и достаточно компактной группой городов на Тюменском Севере географ выделял возглавляемую Сургутом группировку центров, располагающихся вдоль среднего течения Оби, на широтном ее участке. Именно этот край являлся экономически активной территорией, образованной центрами-плацдармами освоения ресурсных районов, и у расположенных здесь городов были достаточные возможности для смены «профессии», после того как нефтяные и газовые месторождения будут исчерпаны. Более северные города Тюменского региона обречены стать городами-эфемерами.

Похоже, что на данный момент наибольшие достижения в области изучения и интерпретации градостроительного процесса и застройки в городах нефтяников Западной Сибири были достигнуты архитекторами. В постсоветский период архитекторы постарались не просто переосмыслить градостроительное освое-

---

[27] Выходцев А.М. Некоторые аспекты развития урбанизации на территории Югры // География и природные ресурсы. – 2008, № 3. – С. 111-114.

[28] Лаппо Г.М. География городов. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1997. – С. 436-437.

ние, но более критично подойти к изучаемой проблематике, вооружившись при этом методами исторической науки. В начале XXI в. градостроители выпустили обобщающий труд научно-публицистического плана, в котором подвели итоги городского развития нефтегазодобывающего края за 1960-1990-е гг[29]. Однако популярный характер работы не дал полно и глубоко проанализировать градостроительную эволюцию. Многие положения книги были ангажированы и, что для ученого страшнее, архаичны, основывались на прогнозных ожиданиях 1970-х гг., взятых из трудов проектировщиков того же периода, и ничего общего не имели с действительностью, сложившейся при городском расселении в 1980-1990-х гг. Но вот другие работы архитекторов постсоветского времени были оригинальными и научно обоснованными.

Планировочные структуры селитебных территорий и их совершенствование в базовых городах Западной Сибири стали предметом исследования архитектора О.В. Стахеева[30]. Проведя исследование, автор удостоверился в том, что планировочная структура базовых городов не отвечала требованиям сегодняшнего дня и была далека от удовлетворительной: жилая застройка создавалась из скудного набора типовых и устаревших серий, имевших при этом плохое качество; функциональное зонирование слабо ориентировалось на местные климатические условия и вахтовый метод; значительно отставало развитие социальной инфраструктуры; неудовлетворительным было состояние озеленения и внешнего благоустройства; отсутствовали законченные запоминающиеся архитектурные ансамбли; центры городов, главные улицы и площади не получили достаточного развития и требовали реконструкции.

В своей методике исследования О.В. Стахеев применял, в том числе, и «исторический анализ», благодаря которому прослеживал процесс развития базовых поселений за почти тридцатилетний период. Архитектор выделил 4 качественных этапа формирования системы расселения региона. Пионерный этап промышленного освоения районов Среднего Приобья приходился на 1965-1970 гг. и характеризовался территориальной очаговой обособленностью групп населенных мест, значительной удаленностью поселений друг от друга, крайне слабой транспортной обеспеченностью, низким уровнем организации системы обслуживания, практическим отсутствием промышленной и социальной инфраструктуры. Второй этап – в 1970-1975 гг. – был отмечен интенсивным формированием производственной структуры, сопровождающимся наращиванием темпов добычи нефти в районе Среднеобья, и возникновением постоянных поселений нефтяников – базовых городов (Урай, Сургут, Нижневартовск, Нефтеюганск). Третий этап охватывал 1975-1980 гг., когда происходило завершение организации нефтедобывающей промышленности и развитие сопряженных отраслей производства, начало формирования газодобывающей отрасли в Приполярье, создание сети населенных мест различного ранга – базовых городов, вахтовых, вахтово-экспедиционных и мобильных поселков. Во время четвертого этапа – в 1980-1990-х гг. – велась интенсификация нефтедобывающей промышленности и строительство социальной инфраструктуры в Среднеобье, интенсивно формировалась газодобывающая промышленность, усиливалась роль базовых городов в формирующемся градостроительном каркасе региона, организовывались в экономических условиях рынка новые ведомственные подразделения. К сожалению, непонятно, какой критерий брал автор при выделении границ этапов, в силу чего периодизация кажется недостаточно обоснованной.

Однако ученый писал, что основным критерием развития региона являлась производственная система, основанная на ресурсодобывающей специализации промышленности, и по этой причине формирование системы расселения происходило по отраслевому принципу. Архитектор О.В. Стахеев первым из постсоветских исследователей отождествил этот принцип, который заключался в подходе «каждому месторождению – свое поселение», с предложением Главтюменнефтегаза. Именно такой подход нефтяного главка, как указывает автор, оказался крайне неэффективным, так как ведомственный принцип был рассчитан

---

[29] История и перспективы градостроительного освоения территорий Севера. Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс / Гл. ред. В.А. Бешкильцев. – Москва: МЦА «Суханово», 2004. – 512 с.

[30] Стахеев О.В. Совершенствование планировочных структур и застройки селитебных территорий базовых городов Западной Сибири: автореф. дисс. … канд. арх.: 18.00.04. – С-Пб.: С-ПбГАСУ, 1995. – 27 с.

на получение дотаций от государства для создания сети мелких городских образований, расположенных в непосредственной близости от месторождений. О.В. Стахеев пришел к выводу, что с 1960-х по 1980-е гг. имела место очаговая раздробленность и децентрализация расселения, разница между городами и поселками была несущественной, что повлекло за собой дублирование производственных и социальных функций, неопределенность дальнейшего развития поселений после окончания срока эксплуатации месторождений. При этом автор добавляет, что базовые города, как основные звенья в структуре градостроительного каркаса, на протяжении длительного срока не набирали социально-экономического потенциала. Этот вывод существенно разнится с результатами прошлых исследований ученых, занимающихся проблематикой нефтяных городов Западной Сибири. Применяя более критический подход, архитектор фактически говорит об отсутствии развития базовых городов нефтяников.

Архитектор О.В. Стахеев охарактеризовал и альтернативный вариант градостроительного освоения районов Западной Сибири, предложенный институтами ЛенНИИПградостроительства и Гипрогор и который был в единстве развития двух направлений хозяйственного освоения региона – промышленного и гражданского. В основе этого варианта лежал принцип организации централизованной системы расселения, имеющей устойчивый градостроительный каркас и создающей взаимоувязанную сеть населенных мест. Идея состояла в концентрации населения в крупных центрах групповых систем и снижении числа мелких, малоэффективных поселений, которые не обладали достаточным социальным потенциалом; а также в широком развитии транспортной инфраструктуры и организации метода промышленного освоения региона, основанного на принципе «базовый город – вахта». По мнению ученого, отраслевой метод являлся тормозом в социально-экономическом развитии региона, а градостроительный вариант создавал взаимосвязанную экономико-градостроительную систему. Автор подчеркивал, что градостроительный подход не получил достаточного развития из-за нажима министерств и ведомств нефтяной и газовой промышленности, а, наоборот, имело место отступление к отраслевому варианту формирования региональной политики.

В первый раз в отечественной историографии так конкретно и подробно указывалось о дихотомии противостояния в градостроительном освоении нефтяного края Западной Сибири между очаговым-децентрализованным (групповым) и централизованным вариантами расселения. Причем первый вариант с отрицательной оценкой связывался именно с нефтяниками и ведомственной политикой. Высказанный О.В. Стахеевым тезис противостояния стал логическим и более критическим продолжением исследований советских архитекторов и проектировщиков, занимающихся городами нефтедобывающего региона. В постсоветское время этот тезис фактически был упущен большинством исследователей из виду. Хотя к середине 1990-х гг. модель противостояния двух вариантов расселения являлась новаторской и, вероятно, наиболее точно реконструировала градостроительное освоение региона.

При разработке основ градостроительной политики в переходный период для нефтегазодобывающих районов Тюменской области архитектор С.Н. Лесков обращался к выявлению особенностей и проблем территориального развития, расселения и градостроительства в условиях формирования нефтегазового комплекса[31]. По мнению исследователя, несмотря на то, что административным центром ХМАО был город Ханты-Мансийск, важнейшим промышленным и культурным центром округа выступал город Сургут, который обладал ролью второго по значению, после Тюмени, центра Тюменской области.

Ученый считал, что производственный фактор особенно велико влиял на характер расселения региона. Расселение в Тюменской области осуществлялось в несколько периодов. После дореволюционного и советского (до 1960-х гг.) этапов наступил период освоения и эксплуатации нефтяных и газовых месторождений, для которого были характерны рост городов и последовательный переход от автономного к групповому расселению и возрастание роли более крупных поселений в распреде-

[31] Лесков С.Н. Градостроительная политика в нефтегазодобывающих районах в переходный период (на примере Тюменской области): дисс. … канд. арх.: 18.00.04. – Москва, 2000. – 189 с.

лении населения. Затем наступил постсоветский период, при котором произошла стагнация монофункциональных городов, вызванная сокращением объема продукции, реструктуризацией нефтяной и газовой отраслей, тенденциями к оттоку населения в южные районы области и центральные районы страны. С.Н. Лесков выделил 1967 год как границу, до которой расселение происходило через сеть автономных поселений, а потом, по мере освоения региона, связи между отдельными городами все больше крепли, чему способствовало и обособление групп населенных мест по производственному признаку. Этот признак выделял несколько типов расселения в регионе – нефтегазодобывающий, лесопромышленный и сельскохозяйственно-промысловый. А при освоении происходило создание и развитие системы нескольких основных типов населенных пунктов: опорные города, базовые города, базовые поселки, временные поселки, вахтовые и экспедиционно-вахтовые поселки. Исследователь указывал, основываясь на научных и практических данных, что для наиболее полного развития добывающей промышленности и создания оптимальных условий для населения следовало ориентироваться на создание базовых городов-центров промышленных районов.

С.Н. Лесков полагал, что при активном освоении ресурсного региона неизбежно происходила концентрация населения в больших городах, но одновременно с этим росло и число небольших поселков при незначительном удалении от центров, так организовались групповые формы расселения. Эти формы обуславливались сравнительной обособленностью нефтегазоносных районов, территориальной близостью месторождений друг к другу, развитием в отдельных районах городов-лидеров. Автор уточнял, что системы населенных мест в северных районах Тюменской области были далеко не городскими агломерациями. Только в их ядрах, то есть в пределах наиболее близко расположенных к центральным городам территорий, градостроительные процессы были похожи на агломерационные. Отличительной чертой этих систем выступала линейная структура – населенные пункты вытягивались вдоль водных путей и транспортных магистралей. На базе групповых форм объективно не исключалось

создание систем населенных мест различного тер-риториального уровня, в которых на «кооперативной» основе, централизации и децентрализации отдельных функций возникали возможности более эффективного решения многих социальных, экономических, технических и общеградостроительных проблем. К концу 1990-х гг. сформировалось четыре уровня: 1) региональная (областная) система расселения с центром в Тюмени; 2) межрайонные (субрегиональные) на основе главных узлов каркаса расселения; 3) районные; 4) местные. В отличие от архитектора О.В. Стахеева, С.Н. Лесков, скорее всего, писал не об оппозиции централизованной и децентрализованной систем расселения, а об их синтезе и взаимной дополняемости, благодаря чему эффективно осуществлялось расселение. Более мягкая и отчасти положительная интерпретация С.Н. Лескова могла быть обусловлена тем, что автор работал в государственных органах Тюменской области и впоследствии занял должность главного архитектора области.

Вместе с тем архитектор С.Н. Лесков указывал на негативное влияние ведомственности, которая проявилась по причине отсутствия скоординированного единого плана комплексного развития региона. Ведомственный фактор автор прослеживал на примере строительства городов Нефтеюганск и Пыть-Ях, которые, несмотря на расположение на неподходящих для градостроительства площадках, из-за политики нефтедобывающего министерства, заменили спроектированный город Южный Балык. Отмечая этот пример и рассматривая в ведомственном подходе катализатора многих проблем в застройке и градостроительстве, архитектор в то же время был не склонен связывать в полной мере производственный и ведомственный факторы, и, вероятно, не видел в ведомственности причину становления именно групповых форм расселения в нефтегазодобывающем регионе.

Особой значимостью для понимания градостроительной эволюции нефтяных городов Западной Сибири обладают исследования архитектора С.В. Литвинова, работы которого публиковались, в том числе и в соавторстве с архитектором А.Д. Шунд-

риным[32]. В основе методологии исследования С.В. Литвинова лежал исторический и ретроспективный подход. Поэтому ценна предложенная архитектором оригинальная периодизация градостроительства Среднего Приобья во второй половине XX в. Первый период охватывал 1960-1975 гг. В свою очередь он делился на этапы «возникновения» (1964-1968 гг.) и «становления» новых градостроительных структур (1969-1975 гг.). Граница между этапами характеризовалась переходом от очаговых форм расселения к развитию локальных групп поселений, завершением формирования пионерных архитектурно-планировочных структур и появлением специализированной градостроительной документации. Вначале поселки отличались «обособленностью» и «изолированностью», а затем трансформировались в «более гибкие (дискретные) системы». Следующий период пришелся на 1976-1990 гг. (этап «зрелого развития»), когда возникли устойчивые связи между локальными группами населенных мест и произошло их включение в структуру расселения более высокого ранга. Города Среднего Приобья становились уже опорными центрами при освоении газовых районов Ямала. Архитектор отмечал, что система расселения приобрела двойственный характер, поскольку имела признаки как научно-градостроительного развития, так и производственно-хозяйственной самоорганизации.

[32] Литвинов С.В. Архитектурно-планировочное развитие городов Среднего Приобья (исторический анализ и оценка): автореферат дисс. … канд. арх.: 18.00.04. – Новосибирск, 2007. – 25 с.; Литвинов С.В. Архитектурно-планировочное развитие городов Среднего Приобья (исторический анализ и оценка): дисс. … канд. арх.: 18.00.04. – Новосибирск, 2007. – 268 с.; Литвинов С.В., Шундрин А.Д. Градостроительная проблемность Северо-Востока в связи с нефтегазовым освоением (от современности к будущему). Сообщение 3 // Известия вузов. Строительство. – 2005, № 5. – С. 93-99; Литвинов С.В., Шундрин А.Д. Градостроительное развитие в условиях Западно-Сибирского нефтегазового комплекса (ближайший исторический опыт и перспектива). Сообщение 2 // Известия вузов. Строительство. – 2004, № 10. – С. 76-83; Литвинов С.В., Шундрин А.Д. Становление и развитие «нефтегазовых» городов Западной Сибири (ретроспекция и перспектива). Сообщение 1 // Известия вузов. Строительство. – 2003, № 10. – С. 96-102.

Последний этап: 1990-2000-е гг. В первой половине 1990-х гг. случилось полное прекращение городского строительства. В конце 1990-х гг. последовало новое развитие, включавшее строительство жилья в пределах освоенных территорий микрорайонов и насыщение городских центров общественными зданиями. С.В. Литвинов отмечал, что именно на этом этапе началось качественное преобразование городской среды, которая в 1960-1980-х гг. не получила архитектурного развития и представала «материально-пространственной массой» городов, структурируемой рисунком транспортных магистралей.

Изучая урбанизацию Сибири посредством градостроительного подхода, архитектор А.Н. Клевакин выявляет этапы и особенности становления нового города, появление которого в 1960-1980-х гг. определялось необходимостью расширить границы освоенных территорий Сибири, богатых сырьевыми запасами[33]. Архитектор связывал развитие нового города и его пространственной среды с процессами функционирования городской культуры и урбанизацией. Ярким примером такого города был Нижневартовск. Неготовность к процессу освоения и обустройства территории являлась характерной чертой начального этапа становления нового города. Имели место поспешность в принятии решений, возведение временного жилья, следы поселковости, отсутствие зеленых насаждений, поставка первых серий жилых домов в обход логики и здравого смысла. По мнению автора, архипелаг новых городов Сибири конца 1960 – начала 1970-х гг. составляли острова буровых площадок как основа промышленной зоны, дополненные хаосом временных поселков и лишенных соцкультбыта микрорайонов жилой зоны. Именно в начальный период, как пишет А.Н. Клевакин, «временное» закрепилось в структуре города и осталось навсегда, поскольку территория общегородского центра оказалась застроена, а нормы среды в виде городской улицы деформировались в псевдонорму – приспособление жилых помещений.

Второй этап становления социально-пространственной среды нового города архитектор усматривал в появлении микро-

[33] Клевакин А.Н. Сибирский город в эпоху перемен / А.Н. Клевакин. – Новосибирск: Наука, 2008. – 116 с.

районов массовой жилой застройки Нижневартовска. Происходила ориентация на комплексность застройки, позволявшей заложить микрорайоны первой очереди строительства и ввести в эксплуатацию первые объекты социально-бытового и культурного назначения. Но сеть обслуживания складывалась только на местном уровне, сосредотачивалась преимущественно в границах жилых образований и на территориях производственных предприятий. Прошлые проблемы, во многом исходящие от ведомств, не были решены. Архитектор отмечал, что приращение тела города осуществлялось за счет освоения свободной территории, но появление новой микрорайонной застройки в 1970-1980-х гг. сопровождалось «недугами» 1960-х гг.

А.Н. Клевакин выделял три этапа становления нового города. Первые два сводились к возникновению и становлению, когда происходило формирование основных зон города и закономерно появлялись пионерные образования, которые выполняли, как структурные элементы города, функцию запуска систем жизнедеятельности. На третьем этапе пространственная среда города приобретала параметры, описывающие зрелое состояние. А.Н. Клевакин добавлял, что запуск систем жизнедеятельности наряду с пионерными поселками выполняли и старые населенные пункты окружения. Очевидно, что схема А.Н. Клевакина заимствовала тезисы, выдвинутые в периодизации архитектора С.В. Литвинова. В целом ученый делал вывод о низкой эффективности управления новыми городами: градостроительная политика в регионах Среднего Приобья полностью была подчинена задачам нефтедобычи; установка на эксплуатацию недр и концентрация имеющихся ресурсов на создании городов в необжитых районах оставляли без внимания решение накопившихся проблем обновления среды городов, составлявших каркас опорной сети освоения; монопрофильность городов обеспечивала реализацию сугубо прагматической цели – временное проживание населения, обслуживающего технологический цикл нефтедобычи.

В версиях архитекторов изучение городов нефтедобывающего района Западной Сибири получило свежий импульс. Интересно, что ими широко применялся метод периодизации. Обобщая, можно сказать, что архитекторы усматривали градостроительное развитие как процесс эволюции от пионерных (очаговых, ав-

тономных) образований до сложных групповых систем. При этом значительное место уделялось ведомственному фактору, который определял основные негативные моменты развития городов.

В поисках новых направлений для исследований постсоветская историческая наука обратилась к изучению опыта создания территориально-производственных комплексов в Сибири. Для историков Тюменского края одним из главных предметов исследований стало развитие и становление нефтегазодобывающего комплекса Западной Сибири. В значительной степени можно говорить о том, что в Тюмени была создана научная школа по изучению истории Западно-Сибирского нефтегазового комплекса. Наставниками этой школы были историки Б.А. Ним, Н.М. Пашков и академик В.В. Алексеев. Исключительно ценны обобщающие работы, которые вышли из-под пера Н.Ю. Гавриловой, В.П. Карпова, Г.Ю. Колевой, М.В. Комгорт, С.М. Панарина[34]. В

---

[34] Карпов В.П., Колева Г.Ю., Гаврилова Н.Ю., Комгорт М.В. Западно-Сибирский нефтегазовый проект: от замысла к реализации. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2011. – 392 с.; Карпов В.П. История создания и развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса (1948-1990 гг.). – Тюмень: ТюмГНГУ, 2005. – 316 с.; Карпов В.П., Гаврилова Н.Ю. Очерки истории отечественной нефтяной и газовой промышленности. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2002. – 172 с.; Колева Г.Ю. Добывающие отрасли Западно-Сибирского нефтегазового комплекса (1977-1989 гг.). – Тюмень: ТюмГНГУ, 2006. – 184 с.; Колева Г.Ю. Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс: история становления: Ч. 1, 2. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2005; Колева Г.Ю. Западно-Сибирский нефтегазодобывающий район: экономическое и социальное развитие (1960-2000-е гг.). – Тюмень: Вектор Бук, 2010. – 258 с.; Колева Г.Ю. История отраслей специализации Западно-Сибирского нефтегазового комплекса (1960-1980-е гг.). – Тюмень: Вектор Бук, 2007. – 292 с.; Комгорт М.В. Западно-Сибирская нефтегазоносная провинция: история открытия. – Тюмень: Вектор Бук, 2008. – 190 с.; От Березово до Ямбурга: 45 лет газовой промышленности Западной Сибири / Под ред. В.П. Карпова, Г.Ю. Колевой. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2011. – 180 с.; Панарин С.М. Создание минеральной базы Западно-Сибирского нефтегазового комплекса (1961-1975 гг.): автореф. дисс. … канд. ист. наук: 07.00.02. – Екатеринбург, 1995. – 23 с.; Пашков Н.М. Деятельность партийных организаций Западной Сибири по созданию и развитию нефтегазового комплекса. 1964-1980 гг. – Томск: Изд-во ТомГУ, 1988. – 240 с.

их обширных исследованиях по истории нефтегазодобычи и геологии Западной Сибири в 1960-1980-х гг. показаны градообразующие индустриальные факторы в процессе формирования городов нефтяников и раскрыта роль промышленности в развитии региона. Историки изучали проблемы разработки стратегии развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса (ЗСНГК), функционирования основных отраслей комплекса, формирования материально-технической и производственной базы, кадровой и социальной политики. В целом исследователи высоко оценивали развитие нефтегазового комплекса Западной Сибири, создание которого стало «спасением для страны», придало новый импульс экономике СССР.

Первое историческое исследование по развитию градостроительной концепции освоения нефтегазодобывающих районов Западной Сибири и ее реализации в жилищно-гражданском строительстве было проведено Н.Ю. Гавриловой в начале 1990-х гг[35]. Н.Ю. Гаврилова отмечала, что процесс освоения в регионе проходил в «урбанизированной форме». Исследовательница считала, что процессы разработки и реализации градостроительной концепции совпадали, что неизбежно вело к просчетам в практике градостроительства. В таких условиях города развивались в заведомо неоптимальном варианте, со значительным отставанием в них всей социальной инфраструктуры. Вывод автора заключался в том, что градостроительная концепция оказывала лишь опосредованное воздействие на процесс формирования и развития социально-бытовой инфраструктуры в районах освоения.

По мнению историка, первоначально за основу градостроительства в регионе был взят традиционный принцип освоения – создание стационарных поселений вблизи месторождений, а нетрадиционные формы расселения – создание вахтовых поселков – рассматривались как межрайонное перераспределение трудовых ресурсов. Во второй половине 1970 – начале 1980-х гг. последовали изменения в градостроительной модели, которые

[35] Гаврилова Н.Ю. Формирование и функционирование социально-бытовой инфраструктуры нефтегазового комплекса Западной Сибири (1964-1985 гг.): автореф. дисс. … канд. ист. наук: 07.00.02. – Екатеринбург, 1991. – 23 с.

связывались с большим привлечением межрегиональной вахтовой организации труда. Причины изменения модели были объективные и субъективные. К первым относилось вовлечение в промышленную разработку небольших по запасам месторождений, перемещение на территорию Крайнего Севера, где нецелесообразно было строить стационарные поселения, а ко вторым – нежелание ведомств на сооружение объектов социальной инфраструктуры. Н.Ю. Гаврилова указывала, что в градостроительной концепции не нашла отражения проблема перспективы городов, а сложившаяся в регионе система расселения отражала территориальное размещение производства и сырьевую ориентацию освоения.

Н.Ю. Гаврилова отметила основные черты архитектурно-планировочной структуры городов, формировавшейся с начала 1970-х гг. и характеризовавшейся многоэтажной типовой застройкой капитальными сооружениями. Упоминались принцип компактности поселений как основа застройки, механический перенос приемов застройки с Урало-Поволжского региона, серийное типовое проектирование без учета природно-климатических условий региона, однообразие и безликость архитектурного облика городов. Причину отставания жилищно-гражданского строительства от темпов промышленного освоения исследовательница видела в политике ведомств, рассматривающей города как «дорогое приложение» к нефтегазопроводам, и принцип оптимальности капиталовложений, занижавший сметную стоимость всей социальной сферы. В то же время характерной особенностью было опережение жилищного строительства по отношению к гражданскому. Была осуществлена большая жилищная программа, но впечатляющие количественные показатели не давали представления о реальной обеспеченности жильем, так как рост шел от «нуля», а прирост собственно жилой площади на горожанина был минимальным. В жилом фонде значительной была доля временного жилья – общежитий и вагончиков. В силу остроты жилищной проблемы города обрастали самостроем. По мнению Н.Ю. Гавриловой, серьезным просчетом в жилищном строительстве был отказ от использования индивидуального и кооперативного сооружения жилья.

В начале 2000-х гг. вышли новые исследования Н.Ю. Гавриловой, в которых давался комплексный анализ социального развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса[36]. Помимо градостроительного освоения, исследовательницей теперь были проанализированы количественные показатели урбанизации в нефтегазодобывающих районах. В новых работах выводы историка по проблемам градостроительного развития не изменились. Н.Ю. Гаврилова продолжала считать, что процесс формирования комплекса осложнялся отсутствием комплексной схемы застройки Тюменского нефтедобывающего района, а за основу уже на пионерном этапе были взяты традиционные методы – создание стационарных городов с постоянным населением. К концу 1960-х гг. были определены основные принципы градостроительства в нефтегазодобывающих районах, и в качестве основополагающей была принята идея создания крупных современных городов в наиболее благоприятных для проживания местах, а обслуживание отдаленных от центров поселения промыслов предлагалось осуществлять вахтовым методом. Вместе с тем Н.Ю. Гаврилова указывала на то, что в регионе отсутствовала достаточно обоснованная градостроительная концепция с учетом перспектив развития региона.

По мнению Н.Ю. Гавриловой, с середины 1970-х гг. изменяются объемы и характер вахтового метода, который теперь использовался не только внутри региона, но и на межрегиональном уровне. При этом переход к широкому применению вахтового метода носил вынужденный и стихийный характер. В то же время в условиях включения в разработку небольших по запасам месторождений была очевидна неэффективность строительства постоянных поселений на каждом месторождении, и началось широкое использование вахтовой организации труда. На новом этапе в градостроительной концепции вновь не нашла отражения проблема перспективы городов, следствием чего была их

[36] Гаврилова Н.Ю. Социальное развитие нефтегазодобывающих районов Западной Сибири (1964-1985 г.г.). – Тюмень: ТюмГНГУ, 2002. – 283 с.; Гаврилова Н.Ю. Градостроительная модель освоения нефтегазодобывающих районов Западной Сибири // Налоги, инвестиции, капитал. – 2002, № 1-2. – С. 230-237.

сырьевая ориентация и однобокость развития. Вместе с тем в концепцию системы расселения изначально было заложено ведомственное решение проблем.

В авторской интерпретации модели градостроительного освоения нефтегазодобывающих районов Западной Сибири наблюдалось явное противоречие. Ученым указывалось, что при освоении региона сформировалась система расселения, основанная как на традиционном характере поселений с постоянным населением вблизи места приложения сферы их деятельности, так и на новой форме расселения, связанной с вахтовым методом. Однако спорно экстраполировать этот тезис на весь период освоения, и скорей всего он верен для расселения после 1980 г. Историк не различала и сводила в одну градостроительную модель традиционный метод расселения (поселок при каждом месторождении), реализованный ведомствами в самом начале освоения, и схему «крупный город – вахтовый метод», принятую в конце 1960-х гг. Хотя эти два метода ни в коем случае нельзя отождествлять, поскольку идея крупных городов была выдвинута градостроителями как научная альтернатива набиравшему силу ведомственному традиционному расселению. В авторской модели Н.Ю. Гавриловой традиционный метод в регионе преимущественно реализовывался до конца 1970-х гг., после чего создавалась система расселения, сочетавшая опорные и базовые города и вахтовые поселки. Многие другие исследователи (в первую очередь не историки) отмечали, что в конце 1970-х – начале 1980-х гг., наоборот, последовал возврат к традиционным методам расселения. Противоречивость модели, предложенной Н.Ю. Гавриловой, еще более бросается в глаза, когда автор утверждает, что основой новой градостроительной политики стала схема расселения с учетом мест приложения труда (то есть опять традиционный метод), проявившаяся в росте поселков городского типа и образовании городов на базе постоянных и вахтовых поселков. Такие города назывались автором «городами-спутниками». Иначе, автор не могла определить четкие критерии различия между старой и новой моделями градостроительного освоения нефтегазодобывающих районов Западной Сибири. Таким образом, точка зрения Н.Ю. Гавриловой, при бесспорной оригинальности, требовала дополнительных аргументов и верификации.

Существенной значимостью характеризуется статья в соавторстве историков Н.Ю. Гавриловой и В.П. Карпова[37]. Исследователями было выделено три этапа в социальном освоении и застройки Севера Западной Сибири: 1) «пионерный» (середина 1960-х – начало 1970-х гг.) – определялись опорные города и поселки, принципы и характер застройки, район освоения охватывал Среднее Приобье; 2) 1970-е гг. – расширение зоны освоения региона на территорию Дальнего Севера, существенное увеличение объемов строительства, обострение диспропорций между темпами промышленного и социального развития; 3) с начала 1980-х гг. – интенсивный процесс градообразования и изменения в системе расселения, привлечение строительных подразделений из других регионов страны, что также значительно увеличило темпы строительства. По мнению авторов, проектирование северных городов характеризовалось как казенное и бездушное, а самым слабым местом в городском строительстве была инженерная подготовка территорий и коммунальное обслуживание. Исключением исследователи называли поселки Горноправдинск и Светлый, где удалось реализовать принцип комплексности застройки. Вместе с тем в 1960-1970-х гг. продолжал сохраняться некомплексный характер застройки. Главной причиной этого исследователи называли политику центра и узкопрагматический подход к развитию региона, рассматривавшегося как сырьевая база экономики. Причем со второй половины 1970-х гг. такой подход усилился, что проявилось в снижении доли капиталовложений на непроизводственное строительство. Авторы указывали на ведомственность как на серьезное препятствие в комплексном развитии, что города застраивались методом «хуторского хозяйства». Финансирование объектов социальной сферы по линии ведомства и предоставление функции единого заказчика по жилищному и социально-бытовому строительству предприятиям нефтяной промышленности привело к устранению органов власти на местах от участия в программе комплексного развития и застройки городов. Историки вводили в научный оборот категорию, которая проявилась в практике освоения Западной Сибири, – «города-ведомства». Таким образом, развитие каждого города определялось самими предприятиями и ведомствами, которые одновременно являлись заказчиками и застройщиками городской территории.

[37] Гаврилова Н.Ю., Карпов В.П. Опыт социального освоения нефтегазодобывающих районов Западной Сибири (1960-1980-е годы) // Отечественная история. – 2003, № 5. – С. 111-118; Гаврилова Н.Ю., Карпов В.П. Жилищно-гражданское строительство в районах нового промышленного освоения Севера Западной Сибири (1964-1985 гг.) // Налоги, инвестиции, капитал. – 2002, № 1-2. – С. 238-244.

Историк В.П. Карпов совместно с философом М.Г. Ганопольским высказались против концепции «о перенаселенности» северных территорий, – что людей на Севере слишком много, получившей распространение в постсоветский период[38]. Ученые выделяют четыре этапа освоения с учетом демографических и урбанизационных процессов. На первом этапе отсутствовало постоянное население, ориентированное на индустриальное производство. Важная роль в это время принадлежала геологам и их поселкам. Однако авторы делают ремарку, что далеко не каждый поселок геологов и изыскателей мог вырасти в крупный населенный пункт или даже город, и поэтому первые поселения сооружались как временные. Второй этап – это широкий разворот строительных работ, сооружение основных градообразующих промышленных предприятий, приезжает более широкий поток работников. Третий этап связывался с функционированием основных предприятий, определяющих экономическую специализацию района. На заключительном этапе происходило постепенное превращение новых индустриальных поселений в современные города с многочисленными экономическими, социокультурными и административными функциями.

Исследователи отмечают, что отличительной чертой процесса заселения Тюменского Севера стало формирование расселенческих структур в непосредственной близости от месторождений, в местах труднодоступных, не всегда пригодных для по-

[38] Ганопольский М.Г., Карпов В.П. Проблема роста и закрепления населения в районах Западно-Сибирского нефтегазового комплекса // Горные ведомости. – 2013, № 2 (105). – С. 92-97; Карпов В.П, Ганопольский М.Г. За туманом и за запахом тайги? Проблемы заселения нефтегазового Тюменского Севера // Родина. – 2013, № 2. – С. 74-76.

стоянного проживания и осуществления трудовых функций в стационарном режиме. При этом высказывалось мнение, которое входило в оппозицию большинству работ советской и постсоветской историографии проблемы заселения нефтегазового комплекса: что ни вахтовый, ни вахтово-экспедиционный методы не получили широкого распространения, так как слишком очевидны были минусы такой организации труда и районы нового промышленного освоения активно заселялись. Но, к сожалению, этот нетипичный тезис не получил дальнейшего разъяснения. Вместе с тем отмечается, что заселение и градостроительство на Тюменском Севере действовало по принципу «сначала завод – потом город». В этом смысле, как полагали ученые, подлинное освоение региона нельзя свести к «чистой» экономике, тем более в ее узкоотраслевом понимании.

Традиции тюменской школы индустриальной истории региона получили развитие в трудах Г.Ю. Колевой. Исследовательница предложила свою версию истории строительства городов нефтегазового комплекса Западной Сибири[39]. Согласно ее выводам, основная тенденция в социальном развитии центров нефтегазодобычи заключалась в том, что «поселки становились рабочими поселками, рабочие поселки – городами, но не все, а те, которые оказывались в районах интенсивно разрабатываемых месторождений». Также поселки, мыслившиеся временными и вахтовыми, получали быстрый прирост населения и превращались в постоянные, а некоторые становились крупными городами. Эта тенденция была далека от первоначальной идеи освоения, предусматривавшей строительство нескольких крупных городов, из которых отдаленные территории осваивались вахтовым методом. Поэтому на протяжении 1970-х гг., несмотря на интенсивный рост населения, сдерживалось развитие городов и поселков. Г.Ю. Колева отмечала, что строительство городов и

[39] Колева Г.Ю. Западно-Сибирский нефтегазодобывающий район: экономическое и социальное развитие (1960-2000-е гг.). – Тюмень: Издательство «Вектор Бук», 2010. – 258 с.; Колева Г.Ю. Строительство городов в районах нового промышленного освоения в 1960-1980-е годы // Вестник Тюменского государственного университета. – 2007, № 1. – С. 237-244.

поселков обуславливалось вводом в разработку месторождений. Так, на первом этапе развития нефтегазового комплекса в 1960 – 1970-х гг. ведущую роль играла нефтяная отрасль Среднего Приобья, и поэтому первые города, возникшие в связи с созданием добывающих отраслей, оказались привязаны к центрам нефтедобычи. Когда началось развитие газовой промышленности в 1970-х гг. – началась застройка новых центров газодобычи. Вместе с тем наиболее высокими темпами в ХМАО в 1970-х гг. росли те города, которые располагались возле месторождений с большими возможностями добычи.

Историк указывала на то, что с последней трети 1970-х гг. значительно возросли объемы нефтегазодобычи, но развитие нефтяной отрасли стало сопровождаться вводом в эксплуатацию все новых месторождений, поэтому, в этих условиях, формировался принципиально новый подход к строительству городов и жилищному строительству, сводившийся к тезису строительства городов вблизи от мест приложения труда. С начала 1980-х гг., при одновременном увеличении вахтово-экспедиционного метода, был принят курс на увеличение числа городов и поселков, прекращено сдерживание роста крупных населенных пунктов в районах нефтегазового Севера Западной Сибири. Вследствие этого принимается решение о строительстве поселков со статусом вахтовых, приближенных к определенным группам новых месторождений.

Анализ работ Г.Ю. Колевой показывает, что историк не поддерживала версию традиционного метода как изначального выбора заселения. Акцентируется внимание на отходе реальности от идеи, которая заключалась в синтезе «крупный город – вахтовый метод», что и обусловило строительство городов у месторождений. Гипотеза несоответствия образца и конечного детища в системе расселения нефтегазодобывающих районов Западной Сибири была впервые высказана в местной исторической науке.

Г.Ю. Колева пришла к выводу, что города застраивались поэтапно: сначала временное жилье (вагончики, балки), затем сооружение домов в деревянном исполнении, и в конечном итоге – строительство домов в капитальном исполнении. В целом общим

недостатком в развитии городов нефтегазового региона, по мнению Г.Ю. Колевой, было отставание в строительстве учреждений культуры, объектов инженерного обеспечения, низкий уровень градостроительства, архитектурного и строительного качества. Наиболее сложная обстановка была в городах вблизи месторождений с наибольшими запасами.

Историк считала нерешенной на протяжении всего периода проблему ведомственности, и что до конца 1970-х гг. ведомственный принцип в развитии городов был преобладающим. Однако Г.Ю. Колева, в отличие от других исследователей, видела в ведомственном подходе определенные плюсы – имея массу недостатков, он все-таки позволял в достаточно короткие сроки решать, пусть не на самом качественном уровне, проблему обеспечения жильем, соцкультбытом, так как строили ведомства для своих. Вряд ли можно поддержать эту точку зрения: ведь разве возможно, чтобы причина проблемы была и ее решением?

В работах Г.Ю. Колевой урбанизация Тюменской области также получила высокую оценку. По мнению Г.Ю. Колевой, урбанизация в нефтегазовом регионе проявлялась не только в росте городского населения, но и в возникновении новых городов, поселков городского типа. К сожалению, такой подход был упрощенным, не брал во внимание многие индикаторы урбанизационного развития. Однако Г.Ю. Колева положительно оценивала и считала правильным вектором курс на формирование постоянного населения в освоении районов нефтегазодобычи Западной Сибири. Следует отметить, что такая точка зрения доминировала в работах тюменских историков, никто из них не высказался отрицательно по поводу строительства городов в экстремальных условиях Тюменского Севера, но при этом историки опосредованно высказывали сожаления о том, что зарубежный опыт не был хоть частично использован в градостроительстве и в системе расселения нефтяного региона.

Помимо тюменской школы, в постсоветский период под руководством историка А.И. Прищепы в Сургуте «неофициально» сложилась научная школа изучения социально-экономической и культурной истории Ханты-Мансийского округа в период нефтегазового освоения 1960-1980-х гг. А.И. Прищепа изучал

градостроительное развитие Ханты-Мансийского округа и города Сургута[40]. Выделяются исследования М.А. Авимской[41], Д.В. Кирилюка[42], М.И. Ташлыковой[43], А.В. Судакова[44]. Историки раскрывали проблемы развития отраслей, обладавших градообразующим потенциалом: железнодорожного транспорта, лесной промышленности, образования, культурных учреждений.

Анализируя основные тенденции и раскрывая эпизоды истории градостроения Сургута, А.И. Прищепа экстраполировал результаты исследований на процесс градостроительного освоения

---

[40] Прищепа А.И. Градостроение в Сургуте во второй половине XX века // Отечественная история. – 2007, № 2. – С. 95-100; Прищепа А.И. История Сургута второй половины XX века. – Сургут: Диорит, 2005. – 156 с.; Прищепа А.И. Природно-географические и социальные факторы возрождения Сургута во второй половине XX века // Северные рубежи истории: Мат-лы межвузовской научн. конф. с междунар. участием. – Екатеринбург – Сургут: Изд-во АМБ, 2012. – С. 133-136; Прищепа А.И. Архитектурная и проектно-изыскательная работа в Сургуте // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2012. № 2 (16): в 2-х ч. Ч. II. – С. 185-187; Прищепа А.И. Пять занимательных эпизодов из истории строительства города Сургута // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2012, № 3 (17): в 2-х ч. Ч. I. – С. 137-140; Прищепа А.И. Создание материальной базы строительства на Севере Западной Сибири (вторая половина XX в.) // Вестник Томского государственного университета. История. – 2012, №4 (20). – С. 117-120.

[41] Авимская М.А. Строительство железнодорожной магистрали Тюмень-Сургут-Нижневартовск-Уренгой и его социокультурное обеспечение (сер. 1960-х – сер. 1980-х гг.): дисс. … канд. ист. наук: 07.00.02. – Сургут, 2006. – 236 с.

[42] Кирилюк Д.В. Развитие общеобразовательной школы Ханты-Мансийского автономного округа (конец 1950-х – середина 1980-х гг.): автореф. дисс. … канд. ист. наук: 07.00.02. – Екатеринбург, 2005. – 25 с.

[43] Ташлыкова М.И. Развитие учреждений культуры и искусства Севера Западной Сибири (1965-1991 гг.): дисс. … канд. ист. наук: 07.00.02. – Сургут, 2006. – 270 с.

[44] Судаков А.В. Развитие лесной промышленности Ханты-Мансийского автономного округа в кон. 1950-х – сер. 1980-х гг.: автореф. дисс. … канд. ист. наук: 07.00.02. – Сургут, 2005. – 25 с.

всего нефтяного региона. По его мнению, хотя в ходе градостроительной дискуссии большинство ученых высказались в пользу «внутреннего расселения» (то есть крупномасштабного городского строительства в северном регионе), длительное время определенного стратегического решения высшими руководителями не принималось, что откладывало практическую реализацию расселения нефтегазового комплекса. Организовать освоение нефтяных месторождений «по науке», включая первоначальное строительство жилья для рабочих, было просто невозможно, потому что для этого требовались средства, а их у государства не было. В силу специфических социально-экономических факторов на начальном этапе градостроительства строительство городов осуществлялось в отсутствие концепции территориальной застройки региона. Интенсивное градостроительство в Среднем Приобье, по мнению историка, определялось действием специфических факторов: 1) геологический – открытие и освоение нефтегазоносной провинции; 2) природно-географический; 3) социальный – принятие традиционной схемы расселения градостроительного освоения нефтяной территории – создание стационарных городов с постоянным населением. Таким образом, А.И. Прищепа соглашался с версией традиционного расселения на начальном этапе, которую в первую очередь поддерживала Н.Ю. Гаврилова.

А.И. Прищепа отмечал, что отсутствие четкой экономической стратегии освоения ЗСНГК обусловили хаотичность, спонтанность и неуправляемость застройки города Сургута, игнорирование проблем развития его социальной сферы на пионерном этапе. И если проблема единого проектировщика решалась успешно, то существенно усложняло процесс застройки города отсутствие единой подрядной организации и единого заказчика. Также, по данным историка, в городское строительство было вложено в 4 раза меньше средств, чем это было необходимо. Но основным недостатком градостроения в районах Севера Западной Сибири являлось абсолютное отсутствие строительной базы. Историк акцентировал внимание на том, что Сургут строился «зеками-строителями» – условно освобожденными и условно осужденными, что создавало сложную криминогенную обстановку в новых городах. А.И. Прищепа также положительно от-

зывался о некоторых мероприятиях ведомств – нефтяников и строителей, руководители которых, по причине недостаточного финансирования социального строительства, были вынуждены предпринимать самые неожиданные, порой нарушающие финансовую дисциплину меры (выступали, словами историка, «заговорщиками»), чтобы удовлетворить растущие досуговые потребности населения.

Историк выделил два этапа в новейшей истории Сургута. Первый этап начался в 1957 г. с высадки геолого-разведочной экспедиции Ф.К. Салманова в Сургут и продлился до конца 1970-х гг. Здесь мнение историка расходилось с общепризнанным, поскольку большинство исследователей начало градостроительного освоения видели в начале эксплуатации месторождений в 1964 г. Этап характеризовался бурными темпами «ведомственного строительства», приведшего к возникновению на территории города множества разобщенных поселков. При этом этап «возникновения» города Сургута продлился до 1970 г., когда был утвержден первый генплан застройки города. Второй этап отличался созданием целостной застройки города в соответствии с генеральным планом 1979 г. и интенсивным становлением городской инфраструктуры с охватом территории от аэропорта до Оби, включая дачные и садовые массивы. Этот этап продолжается и в наши дни. Однако в 1990-х гг. началось строительство уникальных зданий по индивидуальным проектам, формирование новых городских ансамблей, совершенствование сложившейся типовой застройки с помощью новых методов реконструкции зданий устаревших серий, внедрение новых строительных технологий.

А.И. Прищепа признавал особую роль архитекторов в городском развитии городов Ханты-Масийского округа. Так, он называл Сургут продуктом деятельности Сургутского филиала института ЛенЗНИИЭП как генерального проектировщика со всеми присущими городу архитектурно-строительными плюсами и минусами, применявшего новаторский градостроительный подход. Новшества проявлялись в блок-секционных домах, проектах общественных центров и школ, строительстве множества разноэтажных и по-разному сблокированных домов из ячеистого бетона. Поэтому Сургут полностью являлся «детищем ЛенЗ-

НИИЭПа». Другие историки были не склонны придавать архитекторам субъектных функций, в большей степени связывали их с ведомствами. Также такой подход историка нивелировал роль в строительстве Сургута институтов Гипрогор и ЛенНИИПградостроительства, которые, возможно, даже больше имели право именоваться «отцами» города. Поэтому вопрос о значимости архитекторов в городском развитии нефтяного края не имеет однозначного ответа и требует дальнейшего изучения.

В 2015 г. свет увидела новая монография А.И. Прищепы «Возрождение Сургута»[45]. Как сказано в аннотации книги, это первое специальное комплексное исследование, посвященное истории градостроения на Севере Тюменской области. В монографии указывается, что Сургут воплотил наиболее типические черты градостроительной модели на территории Среднего Приобья. Монография раскрывает историю проектно-изыскательных и архитектурных работ, создание индустрии градостроения, жилищное и гражданское строительство, возведение социокультурных объектов, формирование транспортной инфраструктуры, благоустройство и озеленение в городе Сургуте. Ученый уделяет внимание проблемам ведомственности, в преодолении которых и в развитии города, согласно историку, сыграли большую роль Сургутский горком КПСС, институты ЛенЗНИИЭП и ЛенНИИПградостроительства, строительный главк Главтюменнефтегазстрой, многие архитекторы и руководители строительных организаций города Сургута.

К сожалению, историки, живущие за пределами Тюменского региона, не сделали градостроительное освоение нефтегазодобывающих районов Среднего Приобья полноценным предметом своих исследований. Тем не менее часть историков предложила свои сюжеты развития городов в сценариях территориально-производственных комплексов, в том числе и нефтегазового комплекса Западной Сибири.

В новом тысячелетии новосибирские историки стали изучать социально-экономические процессы в Сибири в XX в. в рамках парадигмы модернизации, в основе которой был переход от

[45] Прищепа А.И. Возрождение Сургута. Вторая половина XX века. – Сургут: Дефис, 2015. – 240 с.

традиционного преимущественно аграрного общества к современному индустриально-урбанистическому. Базируясь на этой концептуальной позиции, проблемы урбанизации в районах нового индустриального освоения Сибири в 1950-1980-х гг. были исследованы историком А.И. Тимошенко[46]. В вопросах градостроительного освоения Тюменского нефтегазового региона она во многом придерживалась традиций и выводов тюменской шко-лы историков. Однако имелись и небольшие различия. Согласно ее вер-сии, если в 1960-х гг. за основу градостроительной политики принимались методы создания в основном стационарных поселений до 100 тыс. жителей с постоянным населением (то есть традиционный метод), то в 1970-х гг. в связи с открытием месторождений на Крайнем Севере и необходимостью форсирования добычи нефти и газа любыми средствами данные планы стали корректироваться. Теперь нефтяные города оценивались как «базовые», в которых должны были формироваться экспедиционно-вахтовые отряды. Именно в 1970-1980-х гг. вахтовый метод получил широкое распространение. Эта новая схема заставила пренебрегать комплексным строительством жилых микрорайонов, признавалось приемлемым строительство временного жилья и домов самых дешевых серий. Сложно согласиться с таким подходом автора, поскольку при стационарном расселении ведомства еще больше игнорировали комплексное строительство, а временное жилье, на самом деле, даже на вахтах, до 1980-х гг. не являлось приемлемым для региональных властей. В целом, А.И. Тимошенко полагала, что постепенно в процессе обсуждений и научных изысканий под давлением обстоятельств разрабатывалась модель расселения, которая состояла из трех групп поселений: 1) опорные города – городские центры в южных зонах; 2) базовые города

[46] Тимошенко А.И. Государственная политика формирования и закрепления населения в районах нового промышленного освоения Сибири в 1950-1980-е гг.: планы и реальность. – Новосибирск: Сибирское науч. изд-во, 2009. – 173 с.; Тимошенко А.И. Разработка и реализация жилищных программ в районах нового промышленного освоения Сибири в 1950-1980-е гг. / А.И. Тимошенко // Опыт решения жилищной проблемы в городах Сибири в XX – начале XXI вв. – Новосибирск: Параллель, 2008. – С. 125-144.

– приближенные к местам разработки месторождений; 3) вахтовые поселки и городки – располагавшиеся непосредственно в районах геологоразведки, нефтегазодобычи, транспортного строительства. Как отмечает историк, эта модель расселения была признана целесообразной и рекомендована для использования и в других районах освоения Сибири.

По мнению А.И. Тимошенко, к концу 1980-х гг. (другие историки выделяют начало 1980-х гг.) сформировалась новая модель освоения северных районов Западной Сибири, которая с небольшими изменениями используется и в настоящее время. Эта модель предполагала как традиционные методы заселения и хозяйственного освоения нефтегазодобывающих районов, так и мобильные, экспедиционные, без сооружения дорогостоящих для северных условий постоянных стационарных городов и поселков. Вряд ли предложенная историком периодизация соответствует действительности, поскольку новые стационарные города и поселки постоянно воздвигались вблизи месторождений на протяжении 1980-х – начала 1990-х гг., и только социально-экономический кризис в стране в 1990-х гг. приостановил парад городских новообразований в нефтегазодобывающих районах.

Иной сценарий развития системы расселения в нефтегазодобывающих районах Западной Сибири предложила московский историк М.В. Славкина[47]. В отличие от других историков, она указывала на важную роль вахтового метода уже на начальном этапе освоения. На местах, вблизи от нефтяных или газовых месторождений, строился вахтовый поселок (а не город и традиционный метод, как у других исследователей), который должен был выполнять сугубо производственные функции. Нормальные же условия жизни создавались в городах, вокруг которых и группировались вахтовые поселки. В городах строилось жилье, больницы, спортивные сооружения, клубы, библиотеки, налаживался быт и культурный отдых. Таким образом, согласно М.В. Славкиной, схема «вахтовый метод – базовый поселок» реализовывалась

---

[47] Славкина М.В. Великие победы и упущенные возможности: влияние нефтегазового комплекса на социально-экономическое развитие СССР в 1945-1991 гг. / М.В. Славкина. – М.: Изд-во РГУ нефти и газа им. И.М. Губкина, 2007. – 384 с.

изначально. При этом, историк была убеждена, первую – вахтовую – часть плана было несложно выполнить: в вахтовых поселках исчезали балки и временное жилье и на месторождениях строились деревянные двух- и трехэтажные блочно-щитовые дома. А вот со второй – городской – частью плана возникли трудности. Из-за высоких темпов прироста населения проблема обеспечения жильем в городах была одной из самых тяжелых, и речь могла идти не о комфортабельных современных благоустроенных квартирах, а об элементарном жилье, способном разместить массу приехавшего народа. Другими словами, первоначальные идеи создания прекрасных современных городов были заменены попытками в кратчайшие сроки обеспечить людей жильем, не принимая во внимание внешний вид и комфорт возводимых домов.

К сожалению, автор не поясняла, почему в ее фабуле начального этапа отсутствовал традиционный метод расселения. В то же время, по мнению М.В. Славкиной, города образовывались преимущественно из рабочих поселков, причем географическое положение этих городов было таково, что каждый из них находился недалеко от крупного нефтяного или газового месторождения. Эти неясности обуславливались главным образом тем, что автор недостаточно применила историко-генетический анализ при раскрытии жилищного вопроса нефтегазового комплекса. Неясно также, на каких источниках основывались утверждения историка о том, что вахтовый метод удался, а городское строительство – не полностью. Эти тезисы во многом справедливы, но они должны иметь более детальное обоснование.

В исследованиях М.В. Славкина выделяет два больших периода в развитии нефтегазового комплекса Западной Сибири[48]. На начальном этапе ставку делали на разработку супергигантских объектов, которые обеспечивали высочайшие темпы роста добычи и эффективность вложенных средств. С середины 1970-х гг. проявились системные недостатки в освоении. Этап регулярного развития почти в неизменном виде использовал «пионерные» методы. По мнению М.В. Славкиной, новый этап начался в середине

---

[48] Славкина М.В. Влияние отечественного нефтегазового комплекса на модернизационные процессы в СССР – России (1939-2008 гг.): Автореферат дисс. … док. ист. наук: 07.00.02. – М., 2012. – 50 с.

1980-х гг., когда под влиянием замедления темпов роста добычи нефти руководство страны признало аргументы специалистов в пользу массированного освоения обычных, негигантских объектов. В силу чего, можно предположить, произошло создание новых городов в регионе. Видно, что не тюменские историки склонны удлинять принятие новой модели освоения на середину – вторую половину 1980-х гг., историки же Тюменского края определяли рубеж концом 1970-х – началом 1980-х гг.

Таким образом, в последнее время у градостроителей, географов, историков и других ученых увеличился интерес к городскому развитию в ХМАО. Исследователи сосредоточили свой пристальный взгляд на особенностях градостроительства и тенденциях роста городского населения, жилищного фонда и социокультурных объектов в городах. Развитие городов рассматривалось преимущественно как часть процесса градообразования или градостроительства, при этом многие проблемы которого так и не были изучены. Отсутствовали системный и междисциплинарный подходы. В контексте градостроительства остались без внимания многие проблемы формирования архитектурно-планировочных пространств, механизмы принятия и реализации градостроительной политики, предпосылки и факторы эволюции городов, агломераций и схем городского расселения. Разноголосица мнений и подходов ученых главным образом проявилась в попытке ответить на вопрос о том, какая все же система расселения реализовывалась в нефтегазовом комплексе Западной Сибири. Продолжает ждать своего отдельного исследования, чтобы поставить все точки над «i», проблема взаимосвязи традиционного метода и схемы расселения «базовый город – вахтовый поселок» при освоении региона.

Глава II.

ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИТИКИ ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОГО ОСВОЕНИЯ НЕФТЕГАЗОДОБЫВАЮЩИХ РАЙОНОВ ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА (1960-1969 гг.)

Градостроительная политика в отношении нефтегазодобывающих районов Тюменской области начала складываться после открытия нефтяных месторождений в 1960-1961 гг. Разработка управленческой модели градостроительного развития на полностью «негородской» территории представляла трудность в силу отсутствия мирового опыта решения подобных задач в столь специфических условиях северных районов. Главный архитектор Тюменской области А.Н. Отраднов вспоминал в начале XXI в.: «В стране тогда не было градостроительной стратегии при освоении новых территорий в таких масштабах и в таких сложных природно-климатических условиях»[49].

Вместе с тем к 1960-м гг. в СССР был накоплен опыт градостроительного освоения новых районов, который предусматривал подчинение городского расселения и развития процессам размещения территориально-производственных комплексов и крупных промышленных предприятий. По мнению историка А.С. Сенявского, такая градостроительная практика установилась в 1930-е гг., в эпоху первых пятилеток индустриализации, продолжалась до конца 1980-х гг. и особенно была характерна для новых городских поселений в районах размещения добывающих отраслей[50].

Опыт расселения рабочих, обслуживающих предприятия нефтегазодобывающей промышленности, однако не в таких сложных природно-климатических условиях, как в Западной Сибири, был получен в 1930-1950-х гг. в Урало-Поволжском регионе, где был создан нефтяной комплекс, становление которого послужи-

[49] Отраднов А.Н. Города, как люди // Нефтегазостроители Западной Сибири: в 2 кн. Кн. 2: Антология. – М.: Рос. союз нефтегазостроителей, 2004. – С. 213.

[50] Сенявский А.С. Урбанизация России в XX веке: Роль в историческом процессе. – М.: Наука, 2003. – С. 79.

ло толчком для развития урбанизационных процессов. Благодаря освоению нефтяных ресурсов появились новые города: Ишимбай, Бугуруслан, Октябрьский, Салават, Лениногорск, Альметьевск, Жигулевск, Похвистнево, Отрадный. Городское рас-селение в нефтяных районах Урало-Поволжья базировалось на следующих принципах: «Рассредоточенность производственных объектов на огромной территории, непрерывность производственного процесса, необходимость его круглосуточного обслуживания в условиях отсутствия дорог с твердым покрытием в начальный период освоения нефтяных месторождений обусловливали размещение небольших жилых поселков вблизи производственных объектов, то есть выбор месторасположения рабочего поселка или города определялся природной дислокацией нефтяных месторождений»[51]. В регионе было возведено множество небольших поселков, становившихся позднее городами, но не соответствовавших никаким градостроительным нормам.

В начале 1960-х гг. такая же градостроительная политика, основавшаяся на практике расселения рабочих в поселках при месторождениях, проводилась ведомствами в нефтегазодобывающих районах Тюменской области. Ведомствами был просто скопирован опыт, приобретенный ими при градостроительстве на территории Урало-Поволжья. Это было неудивительно, потому как первые руководители нефтяных организаций Западной Сибири преимущественно были выходцами с предприятий нефтяного комплекса Урало-Поволжья. Например, первый начальник объединения «Тюменнефтегаз» А.М. Слепян до переезда в Тюмень руководил трестом «Туймазабурнефть» в Башкирии, а главный инженер «Тюменнефтегаза» В.И. Тимонин возглавлял управление «Азнакаевскнефть» в Татарии.

У министерств и ведомств отсутствовала ясная концепция градостроительного освоения Севера Тюменской области, которая бы учитывала реалии региона: сложные природно-климатические условия, огромные неосвоенные пространства, неразвитость транспортной системы, малую плотность населения. Порядок ведомственных действий в процессе освоения происходил интуитивно и стихийно. Из-за малолюдности и отсутствия достаточной рабочей силы на Севере Западной Сибири в первой половине 1960-х гг. ведомства принялись быстрыми темпами заселять нефтегазоносные районы рабочими из других регионов страны. Так создавались пункты расселения рабочих кадров – около месторождений массово возводились поселки нефтяников, газовиков и геологов с низким уровнем благоустройства и некомплексной застройкой. Как и в нефтяном Урало-Поволжье, эти поселения быстро получали статус рабочих поселков, а потом и городов. В 1962 г. рабочим поселком стал Урай, в 1964 г. – Нефтеюганск, Нижневартовский, Игрим, Мегион, Тазовское. Таким образом, «в концепцию системы расселения ЗСНГК изначально было заложено ведомственное решение проблем»[52].

Для полноценного промышленного освоения региона требовались огромные людские ресурсы. Вместе с тем Тюменская область не обладала таким количеством населения, которое смогло бы обслужить формирующиеся отрасли нефтегазодобычи. Поэтому министерства и ведомства, занимавшиеся нефтегазовой промышленностью, начали стимулировать рабочую миграцию в регион. Неконтролируемый рост поселений и масштабная миграция формировали новую систему расселения в северных районах Тюменской области, подчиненную ведомственным и производственным законам.

Градостроительная политика ведомств была во многом определена директивами Советского правительства, которые не уделяли достаточного внимания проблемам расселения при промышленном освоении нефтяного края Западной Сибири. В 1962 г. вышло Постановление Совета Министров СССР от 19 мая № 471 «О мерах по усилению геолого-разведочных работ на нефть и газ в районах Западной Сибири»[53]. Организацию промышленной добычи нефти и газа планировалось осуществить с 1966 г. По

[51] Курятников В.Н. Становление нефтяного комплекса в Уральском и Поволжском регионах (30-50-е гг. XX века). Ч. II / В.Н. Курятников. – Самара: Самар. гос. техн. ун-т, 2008. – С. 204.

[52] Гаврилова Н.Ю. Градостроительная модель освоения нефтегазодобывающих районов Западной Сибири // Налоги, инвестиции, капитал. – 2002, № 1, 2. – С. 236.

[53] Нефть и газ Тюмени в документах (1901-1965 гг.). – Свердловск: Средне-Урал. кн. изд-во, 1971. – Т. I. – С. 238-241.

этой причине Совету Министров РСФСР было разрешено в виде исключения осуществлять до 1 января 1966 г. «проектно-изыскательные работы по основным объектам нефтепромыслового и культурно-бытового строительства в нефтегазоносных районах Западно-Сибирской низменности при наличии утвержденных ГКЗ запасов нефти и газа только по категории C_1» («оцененный»). Эта статья на практике давала право ведомствам возводить поселения рабочих при месторождениях, изученных геологическими экспедициями, данные которых указывали на промышленную продуктивность вскрытого пласта. Тем самым правительство фактически инициировало массовое возведение рабочих поселков при месторождениях.

Основополагающее значение для появления новых городов в ХМАО имело Постановление Совета Министров СССР от 4 декабря 1963 г. № 1208 «Об организации подготовительных работ по промышленному освоению открытых нефтяных и газовых месторождений и о дальнейшем развитии геолого-разведочных работ в Тюменской области»[54]. В третьей статье разрешалось «проектирование и строительство промысловых объектов, рабочих поселков и внутрипромысловых дорог, необходимых для обеспечения разработки открытых нефтяных и газовых месторождений в районе среднего течения реки Оби». Статья также предусматривала «проектирование и строительство городов… осуществлять при уровне расположения строительных площадок с отметкой не ниже 30 метров». До этой отметки мог подняться уровень реки Оби при возможном подпоре ее плотиной Нижне-Обской ГЭС, целесообразность строительства которой активно обсуждалось в то время. Также, в статье под номером 17, республиканскому правительству и Государственному производственному комитету по газовой промышленности СССР разрешалось комплексно планировать, начиная с 1964 г., строительство не только промышленных объектов в Тюменской области, но и жилищных, коммунальных, культурно-бытовых объектов здравоохранения, торговли и общественного питания. Данная статья утратила силу только в декабре 1990 года.

[54] Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. 1917-1967 гг. Сборник документов за 50 лет. В 5 т.: т. 5. 1962-1965 гг. – М., 1968. – С. 427-433; ГАТО. Ф. 814. Оп. 5. Д. 1280. Л. 11об-14об.

Заложив фундамент для системы расселения на Тюменском Севере, основанной на возведении городов и поселков вблизи месторождений, в то же время постановления 1962–1963 гг. не говорили о системном, долгосрочном и благоустроенном городском строительстве. В документах имелось в виду скорее временное строительство. Не упоминалась застройка городов в кирпиче, бетоне, по блочному принципу. Упор делался на застройку городов и поселков стандартными сборными брусковыми домами. Например, для создаваемых поселков предприятий объединения «Тюменнефтегаз» (нефтяников), Тюменского территориального геологического управления (геологов) и Государственного производственного комитета по газовой промышленности СССР (газовиков) на Совет Министров РСФСР возлагалось обеспечение изготовления на Белогорском лесопильном заводе таких домов общей площадью 10 тыс. кв. м в 1964 г., а в 1965 г. – 24 тыс. кв. м[55].

В воспоминаниях заместителя министров Мингазпрома и Миннефтегазстроя СССР Ю.П. Баталина главными причинами того, что первичная программа создания пионерских поселений не находила серьезной поддержки, назывались неопределенность и неясность перспективы, а это в свою очередь вызывало осторожность при проектировании городов, их размещении, определении их масштабов. Это «уже отражалось на всей процедуре разработки генпланов, проектов детальной планировки и т.д., все эти процессы были заторможены, поэтому первоначальным жильем для привлекаемых к освоению нефтяного региона строителей и нефтяников служили вагон-домики, балки, простейшие рубленые дома. Затем было развернуто строительство 8-, 12- и 16-квартирных двухэтажных домов. Зачастую размещение вагонов-домиков, строительство первых брусчатых домов происходило стихийно»[56].

[55] ГАТО. Ф. 814. Оп. 5. Д. 1280. Л. 13.
[56] Баталин Ю.П. Вместо предисловия / История и перспективы градостроительного освоения территорий Севера. Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс. – Москва: МЦА «Суханово», 2004. – С. 32.

Одновременно с ведомственным строительством поселков в руководстве Тюменской области начался поиск оптимальной концепции градостроительного освоения нефтедобывающих районов. Перед областным и окружным руководством стояла проблема формирования такой системы расселения, которая способствовала бы интенсивному развитию нефтегазодобывающей промышленности и предоставляла хорошие условия жизни для рабочих, уменьшала текучесть кадров и закрепляла их на производстве.

Несмотря на недостаточную ясность перспектив как нефтяной, так и газовой отраслей, руководство области, опираясь на правительственное постановление от 4 декабря 1963 г., приступило к разработке стратегии образования крупных благоустроенных городов и поселков вместо строительства небольших городов у месторождений. Уже в июле 1963 г. первый секретарь Тюменского промышленного обкома КПСС А.К. Протозанов писал заместителю председателя Совета Министров СССР и председателю Госплана СССР П.Ф. Ломако: «Развитие нефтедобывающей промышленности в Сургутском районе повлечет за собой строительство двух-трех городов со стотысячным населением, рабочих поселков»[57]. По мнению А.К. Протозанова, города должны были возводиться в капитальном исполнении. В статье главного архитектора области В.А. Бешкильцева «Расти тюменским городам», посланной в октябре 1964 г. в редакцию газеты «Тюменская правда», генеральная линия в градостроительстве районов нефтедобычи очерчивалась следующими аспектами: «…компактность и эффективность в использовании территории, повышение этажности в застройке, строительство более крупных городов»[58].

Линию возведения крупных базовых городов в нефтяных районах поддержал Госплан СССР. В 1965 г. председатель Госплана СССР Н.К. Байбаков писал по этому поводу: «Видимо, целесообразно строить для нефтяников крупные города и поселки, рассчитанные на группу нефтяных месторождений, связав их хорошими дорогами. Это даст возможность не создавать на каждом месторождении небольшие поселки, где условия быта хуже,

[57] ГАСПИТО. Ф. 2010. Оп. 1. Д. 88. Л. 15.
[58] ГАТО. Ф. 1933. Оп. 1. Д. 10. Л. 8.

чем в крупных городах и поселках. Мосгипрогор уже ведет разработку генеральных планов городов и районных планировок, учитывая это положение. … В то же время для размещения трудящихся на время пребывания их на промыслах будут созданы в непосредственной близости от места работ небольшие поселки гостиничного типа. Основными пунктами строительства намечаются город Сургут с учетом населения до 200 тысяч человек и рабочие поселки на 20-40 тысяч человек в Урае и других»[59]. Одобрительная позиция Госплана СССР содействовала принятию курса формирования крупных городов в градостроительной политике Тюменского руководства, которое принялось предпринимать меры по упорядочению массового строительства, развитию новых городов на длительную перспективу[60].

Начало было положено совместным Постановлением Тюменского промышленного обкома КПСС и Тюменского промышленного облисполкома от 16 мая 1964 г. «О проектировании и строительстве жилых и гражданских зданий в городах, рабочих поселках и населенных пунктах среднего течения реки Оби»[61]. Первая статья постановления, так же, как и третья статья Постановления Совета Министров СССР от 4 декабря 1963 г., обязывала осуществлять проектирование и строительство городов и крупных рабочих поселков при уровне расположения строительных площадок с отметкой не ниже 30 метров, до которой мог подняться уровень воды реки Оби при возможном возведении Нижне-Обской ГЭС. Во второй статье этого документа разрешалось проектирование и строительство новых рабочих поселков, необходимых для обеспечения разработки нефтегазовых месторождений в районе Средней Оби, исходя из уровней расположения строительных площадок, соответствующих отметкам естественного режима реки Оби. Обком партии признавал «целесообразным до окончательного решения вопросов о строитель-

[59] Байбаков Н.К. Большая нефть Тюмени. – Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1965. – С. 58.
[60] Пашков Н.М. Деятельность партийных организаций Западной Сибири по созданию и развитию нефтегазового комплекса. 1964-1980 гг. – Томск: Изд-во ТомГУ, 1988. – С. 131.
[61] ГАСПИТО. Ф. 2010. Оп. 1. Д. 156. Л. 122-123.

стве ГЭС проектирование и строительство жилых и гражданских зданий… осуществлять, как правило, в деревянном исполнении». Этим решением руководство области во многом предопределило проблемы новых городов: выступая за капитальное строительство, власть все-таки разрешила ведомствам осуществлять деревянную застройку, которая в будущем лишь отсрочивала решение жилищного вопроса и создание единого архитектурно-планировочного пространства. Вместе с тем проектные институты нефтяников выступали против этой меры. Так, в сентябре 1964 г. институт «Гипротюменнефтегаз» предупреждал обком КПСС: «Из дерева можно строить двух-, максимум трехэтажные здания. Причем при строительстве жилья из дерева нельзя будет внедрять индустриальные методы строительства, а это значит, что при намеченных темпах развития нефтедобычи в Западной Сибири нельзя будет решить в короткие сроки жилищный вопрос, в результате чего будут поставлены под угрозу срыва планируемые темпы роста нефтедобычи в Западной Сибири»[62].

Важнейшим условием формирования концепции градостроительного освоения стала разработка проектной документации, которая осуществлялась по линии Тюменского обкома партии и облисполкома. Вместе с тем окружные руководители также были инициаторами создания градостроительных проектов. 15 мая 1964 г. секретарь Сургутского районного парткома В.В. Бахилов писал в Тюменский промышленный обком КПСС, что «до сих пор никто не приступал к проектированию… базового города» и указывал на необходимость «ускорить отвод и проектирование площадки под строительство поселков и города»[63]. Первый секретарь обкома А.К. Протозанов поддержал эту позицию, и руководство области выступило главным заказчиком про-ектной документации. В целом, следует отметить, что формирование градостроительной политики в нефтегазодобывающих рай-онах Тюменской области и ХМАО в 1960-х гг. происходило в Тюменском обкоме и облисполкоме, а окружные органы власти в меньшей степени были задействованы в этом вопросе. В январе 1964 г. председатель Ханты-Мансийского окрисполкома С.А. Комис-

[62] ГАСПИТО. Ф. 2010. Оп. 1. Д. 239. Л. 70.

[63] ГАСПИТО. Ф. П107. Оп. 1. Д. 2112. Л. 18.

саров говорил на сессии областного Совета: «Нам, руководителям округа, особенно стали понятны и близки перспективы развития нашего округа во время приезда к нам т. А.К. Протозанова, Н.К. Байбакова…»[64]

Вместе с тем уже полным ходом велась проектировка новых городов. В июне 1964 г. обком КПСС принял совместное с облисполкомом Постановление «О схемах планировки городов Урая, Нижневартовска и Нефтеюганска»[65], а затем 19 октября 1964 г. облисполком утвердил проект генеральных планов развития этих городов, разработанный Башкирским государственным институтом по проектированию предприятий и сооружений нефтегазодобывающей промышленности (Башнефтепроект)[66]. В чрезвычайно сжатые сроки (3 месяца), при полном отсутствии топографических материалов и геологических исследований, институтом было разработано 3 генплана. Поспешное формирование данных городов отвечало целям эксплуатации Шаимского, Мегионского и Усть-Балыкского нефтяных месторождений. Генеральные планы определяли расчетную численность населения в 33 (для Урая), 44 (для Нижневартовска) и 18 (для Нефтеюганска) тыс. человек. Согласно документам, строительство городов намечалось пятиэтажными полносборными жилыми домами и капитальными объектами соцкультбытового обслуживания, которые обеспечивались всеми видами инженерного благоустройства. Вместе с тем на 1964-1965 гг. предусматривалась двухэтажная застройка из брусчатых деревянных домов по типовым проектам, под которую в городах отводились микрорайоны.

21 июля 1965 г. на заседании Тюменского облисполкома был рассмотрен вопрос «О состоянии и перспективах развития градостроительства, связанного с народно-хозяйственным освоением нефтегазоносных районов области»[67] и были одобрены разработки планировок Сургут-Ханты-Мансийского, Игрим-Березовского, Шаим-Кондинского промышленных районов и генплан развития города Сургута, выполняемые Государственным ин-

[64] ГАСПИТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 3943. Л. 92-93.

[65] ГАСПИТО. Ф. 2010. Оп. 1. Д. 159. Л. 12-13.

[66] ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 3977. Л. 24-25.

[67] ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 4153. Л. 6-9.

ститутом проектирования городов (Гипрогор). Сургут должен был стать крупным промышленным центром с населением до 250 тыс. чел. и базой для эксплуатации Сургутского нефтеносного района, как наиболее крупного из числа открытых в Тюменской области. Также подтверждалась расчетная численность населения городов Урая (33 тыс.), Нижневартовска (теперь 45 вместо 44 тыс.) и Нефтеюганска (18 тыс.). В то же время подчеркивалось, что следует предусмотреть резервы территории для возможного дальнейшего развития Нижневартовска и Урая, а вот развитие Нефтеюганска было «целесообразно ограничить объемами генплана в связи с размещением города на острове в пойме реки Оби на нефтеносных площадях при недостатке площадей, пригодных для застройки»[68].

Тюменский облисполком обратил внимание и на отрицательные факторы, проявившиеся в подступе к вопросам градостроительства: проектированием городов и жилищно-гражданских объектов занимался ряд технологических институтов, которые не обладали нужными навыками и знаниями, что могло негативно сказаться на правильности градостроительных решений; общий уровень застройки не отвечал современным требованиям, что проявлялось в резком отставании строительства социальных и культурно-бытовых объектов, инженерных сетей и благоустройства. Широкие масштабы приняла произвольная застройка «малоценными деревянными жилыми и промышленными зданиями территорий, предназначенных для капитальной застройки», а также самовольное и индивидуальное строительство. Причину этого явления связывали с несвоевременным представлением Гипрогором и Башнефтепроектом проектной документации. Для разрешения данной проблемы облисполком постановил осуществлять жилищно-гражданское строительство в Сургуте, Урае, Нефтеюганске и Нижневартовске, начиная с 1966 г., лишь в капитальном исполнении. Тюменской областной конторе Стройбанка запрещалось с 1966 г. финансирование деревянного строительства, осуществление которого теперь производилось только с разрешения облисполкома.

[68] ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 4153. Л. 7.

В последующие полгода продолжали приниматься решения по городскому развитию. 23 сентября 1965 г. облисполком утвердил проект планировки города Ханты-Мансийска с расчетной численностью населения в 35 тыс. человек, разработанный Ленгипрогором[69]. В декабре 1965 г. облисполкомом были утверждены проекты детальной планировки городов Урая и Нефтеюганска, разработанные институтом Башнефтепроект[70]. Облисполком всеми силами пытался противодействовать некачественной застройке городов. В октябре 1965 г. он принимает решение «О состоянии и мерах улучшения культурно-бытового и торгового обслуживания работников нефтяной, газовой, лесной и рыбной промышленности области», а в марте 1966 г. – «О состоянии и мерах улучшения жилищного и культурно-бытового строительства».

Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 25 июня 1965 г. первыми рабочими поселками нефтяников в Ханты-Мансийском округе, которые получили статус городов, стали Сургут и Урай. Процесс перехода поселений в города инициировался «снизу». Поселковые советы вместе с райисполкомами и райкомами партии направляли прошение преобразовать рабочий поселок в город и докладную записку с обоснованием преобразования в Ханты-Мансийский окрисполком. Тот направлял материалы в Тюменский обком и Тюменский облисполком, а те в свою очередь просили Совет Министров РСФСР утвердить решение. Интересно, что Тюменский обком просил бюро ЦК КПСС по РСФСР и Совет Министров РСФСР сначала преобразовать Урай и Сургут в города областного подчинения[71]. Либо это была ошибка, либо Тюмень хотела подчинить эти города непосредственно себе, минуя окружной центр. Однако центральные органы власти дали вновь образованным городам окружной статус.

Сургут и Урай имели все правовые основания для получения нового статуса. В сентябре 1957 г. был опубликован Указ Президиума Верховного Совета РСФСР, согласно которому городами могли стать поселения с численностью населения не ме-

[69] ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 4158. Л. 24.
[70] ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 4162. Л. 27-28.
[71] ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 1. Д. 4528. Л. 25-26.

нее 12 тыс. чел. и количеством рабочих и служащих не менее 85% от всего населения[72]. Историк А.С. Сенявский точно подметил, что «для приобретения статуса города поселению достаточно было иметь промышленное предприятие с необходимым по нормативу числом рабочих и служащих с семьями»[73]. Данным требованиям отвечали Сургут и Урай. В Сургуте проживало 15226 человек, а в Урае 16464 человек, все население которых, как отмечалось в пояснительных записках, были рабочими и служащими с семьями[74]. Кондинский райисполком отмечал, что необходимость преобразования Урая в город была вызвана промышленным развитием: «открытие в районе расположения р. п. Урай богатейших запасов нефти, развертывание подготовительных работ для ее промышленной эксплуатации обусловили чрезвычайно быстрый рост населения в п. Урай и громадный объем промышленного, социального и жилищного строительства»[75]. Были и другие мотивы. Райисполкомы считали, что преобразование рабочих поселков в города даст возможность городским Советам «больше уделять внимания вопросам благоустройства, удовлетворению бытовых запросов населения, осуществлять руководство за строительством и деятельностью социально-бытовых и культурных учреждений»[76]. Такое же обоснование приобретения городского статуса получил и рабочий поселок Нефтеюганск. Городом он стал 16 октября 1967 г.

В феврале 1966 г. Советское правительство приняло Постановление № 89 «О мерах по дальнейшему развитию нефтедобывающей промышленности в Тюменской области в 1966-1970

---

[72] Из Указа Президиума Верховного Совета РСФСР «О порядке отнесения населенных пунктов к категории городов, рабочих и курортных поселков» 12 сентября 1957 г. / Вайтенс А.Г., Косенкова Ю.Л. Развитие правовых основ градостроительства в России XVIII-XXI веков. Опыт исторического исследования. – Обнинск: Ин-т муницип. упр., 2006. – С. 491-493.

[73] Сенявский А.С. Урбанизация России в XX веке: Роль в историческом процессе / А.С. Сенявский; Ин-т рос. истории. – М.: Наука, 2003. – С. 83.

[74] ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 4213. Л. 86, 118.

[75] ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 4213. Л. 85.

[76] ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 4213. Л. 125.

годы»[77]. Однако документ вновь не уделял внимания комплексному городскому строительству. Рассматривалось развитие объектов нефтяной промышленности и вспомогательных отраслей. Вместе с тем Госплану СССР, министерствам и ведомствам предписывалось обеспечить, начиная с 1967 г., комплексное планирование этих объектов, предусматривая выделение капитальных вложений как на промышленное строительство, так и на строительство жилищно-коммунальных объектов, объектов здравоохранения, связи и культурно-бытового назначения.

Несмотря на то, что государство на высшем уровне не решилось «официально» принять концепцию градостроительного освоения нефтяного края, по инициативе руководства области была разработана схема расселения в нефтегазодобывающих районах Тюменской области. 18 мая 1967 г. Тюменским облисполкомом был утвержден проект планировки Сургут-Ханты-Мансийского промышленного района, автором которой являлся Гипрогор[78]. Институт разработал четыре варианта расселения, от централизованного до децентрализованного, с организацией «трех основных узлов расселения в Сургуте, Нижневартовске и в Южном Балыке». Численность населения региона на расчетный срок определялась в количестве 650 тыс. чел. Областные органы власти приняли первый вариант, который предусматривал расселение рабочих кадров по централизованной системе. Этот вариант считали наиболее оптимальным проектировщики и архитекторы Гипрогора.

Централизованное расселение, принятое руководителями Тюменской области, подразумевало возведение в регионе три крупных городов – Сургут, Нижневартовск и Южный Балык. Строительство Урая и Нефтеюганска отходило на второй план. Это означало, что происходил отказ от градостроительной политики ведомств, когда небольшие поселки ставились у месторождений. Эксплуатация месторождений должна была осуществляться вахтовым методом. В протоколе отмечалось, что в связи с тем, что Ханты-Мансийский узел не получал экономического развития из-за отсутствия выявленных природных ресурсов, промрай-

---

[77] ГАТО. Ф. 1933. Оп. 1. Д. 14. Л. 50-57.

[78] ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 4465. Л. 28-29.

он в дальнейшем должен именоваться Сургут – Нижневартовским. Застройка городов нефтяников должна была осуществляться капитальными многоэтажными домами, а возведение двух-этажных деревянных домов и индивидуальное строительство не предусматривались. Однако эти вопросы на государственном уровне еще не были окончательно утверждены. Советское правительство продолжало сомневаться в правильности строительства городов в нефтегазодобывающих районах.

С другой стороны, политика в отношении развития городов нефтегазодобывающих районов была аутентична государственной политике в сфере урбанизации на всей территории страны. С конца 1950-х гг. руководство страны повернулось в сторону малых и средних городов, объявлялся приоритет их развития. Путь к расширению малых городов заключался в концентрации на их территории промышленных предприятий, тем временем промышленное строительство в крупных городах должно было приостановиться[79]. Настоящая задача была поставлена в директивах XXIII, XXIV и XXV съездов КПСС. Собственно, на Севере Тюменской и Томской областей руководство страны реализовывало не что иное как директивы этих съездов. В 1960 – 1970-е гг. базовые города края были малыми и средними, а ресурсный избыток благодетельствовал концентрации в них промышленной индустрии. Города должны были стать важнейшей частью комплексного развития нефтегазовой промышленности Западной Сибири. Об этом высказывался сотрудник Совета по изучению производительных сил (СОПС) при Госплане СССР Д. В. Белорусов: «Строительство городов и рабочих поселков при

[79] Демиденко Э.С. Урбанизация: концепция и политика городского развития / Э.С. Демиденко. – М.-Брянск: Очаг, 1992. – С. 205; Он же. Урбанизация: проблемы управления и социального развития / Э.С. Демиденко. – Брянск: Изд-во Брянского госуниверситета, 2005. – С. 13; Листенгурт Ф.М. Основные закономерности процесса урбанизации в СССР / Ф.М. Листенгурт // Урбанизация мира. Вопросы географии. Сборник № 96. – М.: Мысль, 1974. – С. 101; Хорев Б.С. Актуальные проблемы политики расселения в СССР / Б.С. Хорев // Динамика расселения в СССР. Вопросы географии. Сборник № 129. – М.: Мысль, 1986. – С. 28-32; Он же. Мировой урбанизм на переломе / Б.С. Хорев, В.А. Безденежных, Н.В. Быкова. – М.: Изд-во МГУ, 1992. – С. 61-65.

комплексном развитии народного хозяйства может быть обеспечено в более короткие сроки и с меньшими затратами, что позволит сэкономить значительные суммы капиталовложений. Создаются возможности для обеспечения более благоприятных культурно-бытовых и жилищных условий для всех трудящихся района. Это будет способствовать созданию в районах нового освоения постоянных кадров рабочих и служащих, что очень важно для северных районов»[80].

Опираясь на централизованную схему расселения, в конце 1960-х гг. стали разрабатываться новые генпланы и проекты детальной планировки городов Сургута (Гипрогор), Нижневартовска (Гипрогор), Южного Балыка (ЛенНИИПградостроительства), а также Нефтеюганска и Урая (ЛенНИИПградостроительства). По сравнению с генпланами 1964 г., только проектирование Сургута, Нижневартовска и Южного Балыка было разработано с учетом интенсивного развития городов и роста их населения. Разработка комплексной проектной документации по жилищно-гражданскому строительству в городах передавалась из рук ведомственных в руки специализированных градостроительных институтов.

Градостроительная политика в нефтегазодобывающих районах ХМАО формировалась в условиях противостояния элит, что сдерживало городское развитие в регионе. В первой половине 1960-х гг. столкнулись интересы Средне-Уральского совнархоза и Тюменского обкома КПСС. Председатель совнархоза В.В. Кротов обвинял секретаря Тюменского промышленного обкома КПСС А.К. Протозанова в облагораживании экономических показателей добычи нефти и газа в Тюменской области, стремлении придать нефтегазовой промышленности «местное, чисто тюменское значение вне связи с другими проблемами экономического района»[81]. Каждый тянул одеяло на себя. Совнархоз не устраивало то, что областные партийные органы действо-

[80] Белорусов Д.В. Специфические особенности Западно-Сибирского народно-хозяйственного комплекса / Д.В. Белорусов // Проблемы Севера. Вопросы промышленного развития районов Севера. Выпуск 12. – М.: Наука, 1967. – С. 125.
[81] ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 1. Д. 4493. Л. 49.

вали независимо в вопросах развития нефтегазовой отрасли и инфраструктуры в нефтяном крае, не считались с мнением свердловских руководителей. Председатель В.В. Кротов полагал совершенно недопустимыми предложения А.К. Протозанова по развитию нефтегазодобывающих районов Тюменской области, такие как создание Тюменского главного управления по добыче нефти и газа «с правами совнархоза», строительство нефтепровода Шаим-Тюмень, линии железной дороги Тюмень-Тобольск-Сургут, тепловой электростанции в пос. Сургут, которые в последующем и определяли высокие темпы урбанизации региона[82].

В свою очередь Тюменскую власть не устраивали суммы капитальных вложений в развитие нефтегазодобывающей промышленности. Так, по мнению обкома КПСС, было явно недостаточно выделенных по плану средств в размере 64,1 млн. руб. для Тюменьнефтегаза на 1965 г. Также партия жаловалась в Совет Министров СССР на то, что предусмотренные объемы капитальных вложений Средне-Уральским совнархозом для Тюменьнефтегаза на 1965 г. в сумме 4,4 млн. руб. позволяли ввести всего лишь 22 тыс. кв. метров, что не удовлетворяло и минимальных потребностей рабочих в жилье[83]. Обком КПСС просил дополнительно выделить в 1965 г. 50,7 млн. руб., из которых 10,9 млн. пошли бы на жилищное и коммунальное строительство, а 4,8 млн. на социально-культурные объекты. В ноябре 1965 г. первый секретарь Тюменского обкома КПСС Б.Е. Щербина просил заместителя председателя СМ РСФСР С.А. Афанасьева обязать Средне-Уральский совнархоз исправить ошибку, который вместо 66 тыс. запланировал ввод 55 тыс. кв. метров жилья для нефтегазовой промышленности, а также на 40% сократил для лесной промышленности капитальные вложения на жилье[84].

Действия совнархоза значительно тормозили развитие городского строительства в регионе. Главсредуралстрой, в состав которого входили и тюменские строительные предприятия, при поддержке свердловского обкома КПСС наотрез отказался развертывать работы на нефтяных месторождениях[85]. Свердловским элитам было не выгодно растить под боком сильный промышленный район, который в ближайшем будущем мог отнять пальму первенства у Урала. В начале 1964 г. главный архитектор Тюменской области В.А. Бешкильцев критиковал Средне-Уральский совнархоз и Средуралстрой за то, что они сдерживали развитие базы стройиндустрии Тюменской области, что у них «дело дальше разговоров пока не идет», а также за неспособность провести полный перевод капитального строительства на подрядный метод[86]. Однако противостояние интересов Средне-Уральского совнархоза и Тюменского руководства продолжалось недолго. Оно закончилось в конце 1965 г. по причине ликвидации совнархозов в соответствии с решением сентябрьского Пленума ЦК КПСС.

С 1964 г. наметился новый конфликт интересов, на этот раз между партийными и советскими органами Тюменской области и недавно созданными ведомствами. Кроме вопроса о том, как вести расселение (в крупных городах или в поселениях у месторождений), краеугольным камнем конфликта интересов выступили проблемы застройки и строительства жилья и социально-культурных учреждений в новых городах. Тюменское руководство изначально ратовало за капитальное строительство и первоочередное возведение социально-культурной базы. Первоочередной же целью ведомств было выполнение планов по добыче нефти и газа, все остальные задания были далеко второстепенными.

Однако руководители ведомств в речах выступали за возведение благоустроенных городов. Более того, летом 1967 г. по инициативе заместителя Председателя СМ СССР М.Т. Ефремова в Финляндию была отправлена группа специалистов, для ознакомления с процессом строительства городов в северных условиях, для изучения опыта применения древесины в промышлен-

82 ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 1. Д. 4493. Л. 37-51.
83 ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 1. Д. 4576. Л. 12.
84 ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 1. Д. 4578. Л. 9.

85 Баталин Ю.П. Вместо предисловия / История и перспективы градостроительного освоения территорий Севера. Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс. – Москва: МЦА «Суханово», 2004. – С. 32.
86 ГАТО. Ф. 1933. Оп. 1. Д. 10. Л. 41-42.

ности и строительстве. В группу вошли начальники основных главков (В.И. Муравленко, А.С. Барсуков), представители от министерств нефтяной и газовой промышленности (замминистры Ш.С. Донгарян, Н.Л. Вовченко), представители лесной промышленности, Госстроя СССР, Тюменского руководства (секретарь обкома Е.А. Огороднов[87]). В северных широтах Финляндии группа столкнулась главным образом с малоэтажными деревянными домами. Как вспоминал в прошлом заместитель министра нефтедобывающей промышленности Ш.С. Донгарян, «вернувшись в Москву, делегация доложила правительству, что в Западной Сибири нефтяные города в основном надо строить многоэтажными, из несгораемых материалов и конструкций»[88].

С этого времени ведомства вроде как выступали за строительство крупных городов в капитальном исполнении. Начальник Главтюменнефтегаза В.И. Муравленко обозначал свою позицию так: «нельзя допускать повторения строительства различных объектов и связанных с этим излишних капиталовложений. Необходимо рационально разместить энергетические и другие промысловые мощности в нефтедобывающей промышленности, правильно разместить поселки и города нефтяников»[89]. В 1965 г. Главтюменнефтегазом был сделан заказ у ЛенЗНИИЭПа на проектирование пятиэтажного крупнопанельного дома в Сургуте. Однако на практике никакой рациональности не было: ведомства способствовали тому, что многие поселки разрастались балками, деревянными и неблагоустроенными домами.

В 1960-х гг. областные и окружные органы власти прямо обвиняли ведомства (в первую очередь руководителей Главтюменнефтегаза В.И. Муравленко и Главтюменнефтегазстроя А.С. Барсукова) в неудовлетворительном строительстве, неосвоении

[87] ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 1. Д. 4781. Л. 25.

[88] Донгарян Ш.С. Взгляды на градостроительство на Севере Западной Сибири / История и перспективы градостроительного освоения территорий Севера. Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс. – Москва: МЦА «Суханово», 2004. – С. 191.

[89] Муравленко В.И. Насущные вопросы развития нефтедобывающей промышленности Западной Сибири / В.И. Муравленко // Нефтяное хозяйство. – 1967, № 2. – С. 18.

отпускаемых для этих целей денежных средств, нежелании включать в титульные списки строительства объекты, предусмотренные постановлениями обкома КПСС и облисполкома. Руководство области резко критиковало ведомства: «Такое неудовлетворительное положение дел в строительстве жилья, социально-культурных учреждений и бытовых объектов в системе Главтюменнефтегаза объясняется отсутствием должной заботы у руководства о создании необходимых условий для рабочих»[90]. В июне 1967 г. Тюменский облисполком отмечал, что «руководители Главтюменнефтегаза т. Муравленко и Главтюменнефтегазстроя т. Барсуков не приняли необходимых мер по реализации Постановления бюро обкома КПСС и исполкома областного Совета депутатов трудящихся от 2 февраля 1966 г. «О состоянии и мерах по расширению материально-технической базы торговли, предприятий пищевой промышленности в районах нефтедобывающей промышленности»»[91].

21 июня 1968 г. обкомом КПСС и облисполкомом было принято совместное Постановление «Об улучшении застройки городов Сургута, Урая, Нефтеюганска и рабочего поселка Нижневартовска»[92]. В документе отмечалось, что застройка велась неудовлетворительно: «Главтюменнефтегаз (т. Муравленко), Главтюменнефтегазстрой (т. Барсуков) продолжают строить жилье в деревянном исполнении, без необходимого комплекса коммунальных удобств и современных требований градостроительства»[93]. Также указывалось, что капитальные вложения и установленные планы по строительству до 1970 г. не обеспечивают создания необходимых жилищных условий для населения. Обязывалось, из-за ограниченности территории и необходимости резкого повышения архитектуры городов, осуществлять застройку Сургута и Нефтеюганска только в многоэтажном капитальном исполнении. На Главтюменнефтегаз возлагались функции единого заказчика по строительству городов нефтяников.

[90] ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 4113. Л. 135.

[91] ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 4469. Л. 7.

[92] ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 1. Д. 4916. Л. 15-17.

[93] ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 1. Д. 4916. Л. 15.

В отделе строительства и архитектуры Тюменского облисполкома в то время резко отзывались о представителях Миннефтепрома СССР, которые, по мнению отдела, «даже выработали свою «теорию», что строительство объектов соцкультбыта, водопровода, канализации и благоустройства является якобы делом местных Советов, и по существу придерживаются этой незаконной и вредной теории»[94]. В конечном счете неимение благоприятных жилищных условий становилось причиной текучести кадров, когда рабочие, «проработав несколько месяцев, уходят в другие ведомства или возвращаются на прежнее место жительства»[95].

Финансирование городского строительства также находилось в центре противостояния ведомств и региональной власти. Руководство области не устраивало занижение капитальных вложений на строительство городов со стороны ведомств. В мае 1966 г. обком партии обратился к Председателю СМ СССР А.Н. Косыгину с просьбой пересмотреть объем капиталовложений на строительно-монтажные работы, запланированные Министерством нефтедобывающей промышленности СССР для Главтюменнефтегаза и которые не соответствовали требованиям обеспечения плана по добыче нефти[96].

В июне 1966 г. Тюменским обкомом было направлено письмо в ЦК КПСС, в котором партийный комитет выступал против предложений Миннефтепрома СССР по промышленному и жилищному строительству на 1966-1970 гг., не обеспечивавших возможную добычу нефти в 1970 г. в 25 млн. тонн. В целом были высказаны возражения относительно планов Миннефтепрома СССР по городскому строительству: «На пятилетие Главтюменнефтегазу выделяется 64,8 млн. руб., что обеспечивает на человека только 2,8 кв. метра жилой площади. Тогда как для создания необходимых условий нефтяникам должно быть освоено в 1966–1970 гг. на жилищное и соцкультбытовое строительство не менее 190 млн. руб.»[97]. В письме было акцентировано внимание на

[94] ГАТО. Ф. 1933. Оп. 1. Д. 11. Л. 129.
[95] ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 4113. Л. 135.
[96] ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 1. Д. 4687. Л. 18-19.
[97] ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 1. Д. 4685. Л. 49.

том, что такая жилищная политика вела к снижению темпов развития нефтяной отрасли за пределами 1970 г.

Находясь под постоянным давлением обкома и облисполкома, Миннефтепром СССР в конце 1966 г. по согласованию с Госпланом СССР увеличил объем капитальных вложений на непроизводственное строительство за счет уменьшения строительства промышленных объектов[98]. С другой стороны, Главтюменнефтегаз оправдывался тем, что не хватало капиталовложений. Зачастую капитальные вложения на строительство жилья Главтюменнефтегазу первоначально выделялись Госпланом меньше заявленной потребности, а затем в течение года следовало выделение дополнительных средств[99]. В начале XXI века в прошлом главный инженер Главтюменнефтегазстроя Ю.П. Баталин отмечал, что «организовать освоение нефтяных месторождений «по науке», т.е. вначале построить строительную базу, производственную базу для нефтяников, жилье для строителей и нефтяников, а затем уже приступать к сооружению мощностей по добыче и транспортировке нефти, было просто невозможно. «Научный подход» требовал опережающего выделения огромных средств, а их у государства просто не было, и здесь еще добавлялась неопределенность перспективы»[100].

В то же время отсутствие четких директив со стороны государства, которые бы координировали градостроительство в северных районах Тюменской области, ставило ведомства в тупик: строить ли поселения с полным набором благоустройства и в капитальном исполнении либо же в деревянном исполнении. Инициатив со стороны Тюменских властей было явно недостаточно. К тому же «Правила и нормы планировки и застройки городов», утвержденные 1 декабря 1958 г., жестко регламентиро-

[98] ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 1. Д. 4689. Л. 150.
[99] История и перспективы градостроительного освоения территорий Севера. Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс. – М.: МЦА «Суханово», 2004. – С. 195.
[100] Баталин Ю.П. Вместо предисловия / История и перспективы градостроительного освоения территорий Севера. Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс. – Москва: МЦА «Суханово», 2004. – С. 32.

вали этажность застройки средних и малых городов – не выше 3 этажей[101]. Однако эти СНиПы не распространялись на города, располагавшиеся в особых климатических условиях Севера. Вместе с тем СНиПы не обладали юридическим статусом. С 1 января 1967 г. в стране были введены в действие новые СНиПы – «Планировка и застройка населенных мест». На основе этих СНиПов весной 1967 г. были разработаны «Временные нормы проектирования и строительства в условиях болот Западной Сибири», инициированные и утвержденные Миннефтепромом СССР. Согласно воспоминаниям Ш.С. Донгаряна, Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс создавался на базе этих временных СНиПов, которые каждые три года следовало переутверждать[102].

Руководство области и округа сознавало, что темпы застройки городов, неиспользование отпускаемых капитальных вложений и невыполнение планов по строительству главками связано и с отсутствием в регионе баз промышленности строительных материалов и строительной индустрии. Однако возведение предприятий стройиндустрии зависело от застройщика – Главтюменнефтегазстроя, который не справлялся с этим заданием. И Тюменский облисполком не скупился на оценки деятельности главка: «Нужно прямо сказать, что главное управление нефтегазового строительства не решает первоочередной задачи по созданию на местах необходимых предприятий для производства строительных материалов, поэтому все жилищное и социально-культурное строительство даже в городах и рабочих поселках ведется во временном деревянном исполнении»[103].

Руководство области пыталось надавить на министерства. Направлялись письма во все возможные инстанции и учрежде-

[101] Вайтенс А.Г., Косенкова Ю.Л. Развитие правовых основ градостроительства в России XVIII-XXI веков. Опыт исторического исследования. – Обнинск: Институт муниципального управления, 2006. – С. 221-222.
[102] Донгарян Ш.С. Взгляды на градостроительство на Севере Западной Сибири / История и перспективы градостроительного освоения территорий Севера. Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс. – М.: МЦА «Суханово», 2004. – С. 189-190; Донгарян Ш.С. Подвиг созидателей / Нефтегазостроители Западной Сибири. В двух книгах. Книга 2. Антология. – М.: Российский союз нефтегазостроителей, 2004. – С. 198.
[103] ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 4113. Л. 138.

ния, чтобы хоть как-то стимулировать возведение предприятий стройиндустрии. В январе 1966 г. главный архитектор области Н.А. Бешкильцев писал председателю Государственного комитета по гражданскому строительству и архитектуре при Госстрое СССР М.В. Посохину с просьбой рассмотреть вопросы создания в регионе баз стройиндустрии и микрорайонов экспериментального строительства, а также ежегодных поставок крупнопанельных конструкций из других экономических районов[104].

Положение усложнялось еще и тем, что не всегда поставлялись в Ханты-Мансийский округ необходимые объемы строительных материалов из других регионов страны. В 1968 г. была даже прекращена поставка деталей крупнопанельных домов с предприятий Свердловской, Омской, Новосибирской и Кемеровской областей, что фактически остановило жилищное строительство в Тюменской области. Только благодаря обращению Тюменского обкома КПСС в июле 1968 г. Госплан РСФСР выделил Главтюменнефтегазстрою 8 крупнопанельных домов на 1968 г. и 50 тыс. кв. метров на 1969-1970 гг[105].

Чтобы Главтюменнефтегаз и Главтюменнефтегазстрой могли в своих министерствах решить вопрос о поставке капитальных крупноблочных и крупнопанельных жилых домов для застройки городов и поселков нефтегазодобывающих районов Тюменской области, обком КПСС и облисполком разрешали этим ведомствам в порядке исключения застраивать часть микрорайонов городов Урая и Нефтеюганска в дереве[106]. Однако Миннефтепром СССР и Мингазпром СССР не принимали необходимых мер, что вело к масштабной и бесконтрольной деревянной застройке городов и поселков, усложнению жилищной проблемы, ухудшению качества городской среды.

Между ведомствами отсутствовала координация деятельности в сфере градостроительного освоения. По мнению архитектора А.Н. Отраднова, ведомственность в строительстве городов была связана с тем, что на высшем уровне своевременно не был выработан эффективный механизм объединения финансо-

[104] ГАТО. Ф. 1933. Оп. 1. Д. 12. Л. 207-208.
[105] ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 1. Д. 4962. Л. 59-60.
[106] ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 1. Д. 4825. Л. 30.

вых средств различных министерств, которые не концентрировались в руках одного заказчика, одного застройщика[107]. В Постановлении обкома и облисполкома «Об улучшении застройки городов Сургута, Урая, Нефтеюганска и рабочего поселка Нижневартовска» от 21 июня 1968 г. на Главтюменнефтегаз возлагались функции единого заказчика по строительству городов нефтяников[108]. Несмотря на это, нефтяное ведомство, занимавшееся главным образом вопросами наращивания нефтедобычи, не могло в полной мере выполнять свои обязанности: не осуществлялся контроль над застройщиками, не соблюдались генпланы развития городов, самовольно застраивались поселки и города.

В то же время застройщики неудовлетворительно выполняли заказы Миннефтепрома СССР по строительству городов. По воспоминаниям Ш.С. Донгаряна, отношения строительных министерств со своими заказчиками основывались на том, с какой симпатией или антипатией относились руководители строек и подрядных министерств к своим заказчикам-министерствам[109]. Причинами невыполнения планов застройщиками были – высокая текучесть строительных кадров, слабое развитие стройиндустрии, несвоевременная подготовка проектной документации, недостаточное финансирование. В этой ситуации Миннефтепром создавал собственные строительные тресты при нефтедобывающих управлениях. В 1968 г. В.И. Муравленко писал: «Крайне мало строится капитального жилья и очень низкого качества. Главтюменнефтегаз вынужден строительство остальной жилплощади в объеме 36 тыс. кв. м производить своими силами и тем самым отвлекать строительный трест от работ по профилю»[110].

---

[107] Отраднов А.Н. Города, как люди // Нефтегазостроители Западной Сибири: в 2 кн. Кн. 2: Антология. – М.: Российский союз нефтегазостроителей, 2004. – С. 213.
[108] ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 1. Д. 4916. Л. 15-17.
[109] Донгарян Ш.С. Подвиг созидателей // Нефтегазостроители Западной Сибири: в 2 кн. Кн. 1: Антология. – М.: Рос. союз нефтегазостроителей, 2004. – С. 204.
[110] Муравленко В.И. Перспективы развития нового нефтяного района – Тюмени // Организация и управление нефтедобывающей промышленности. – 1968, № 4-5. – С. 29.

В феврале 1966 г. СМ СССР принимает Постановление № 89 «О мерах по дальнейшему развитию нефтедобывающей промышленности в Тюменской области в 1966-1970 годы»[111]. Однако документ не уделял должного внимания комплексному городскому и поселковому строительству или даже просто жилищному строительству. Рассматривалось развитие тех объектов, которые требовались в первую очередь для обслуживания нефтедобывающих предприятий: электропередач, энергетических объектов, объектов связи, причалов, пристаней, автомобильных и железных дорог. Вместе с тем Госплану СССР, министерствам и ведомствам предписывалось обеспечить, начиная с 1967 г., комплексное планирование этих объектов, предусматривая выделение капитальных вложений как на промышленное строительство, так и на строительство жилищно-коммунальных объектов, объектов здравоохранения, связи и культурно-бытового назначения. Дополнительно на 1966 г. выделялись Главтюменнефтегазу 15,3 млн. руб. на непроизводственное строительство.

Но постановление не сняло с повестки дня основные вопросы между министерствами и местной властью. Уже в марте 1967 г. в справке о выполнении упомянутого постановления, которая была выслана председателю Комитета народного контроля СССР П.В. Кованову, обком КПСС отмечал, что Миннефтепром СССР «крайне недостаточно выделяет средств на коммунальное строительство и строительство объектов культурно-бытового назначения»[112]. Местных партийцев не устраивало то, что в 1967 г. на промышленное строительство было выделено 26 млн. руб., в то время как на коммунальное всего 1,63 млн. руб., то есть 4% от общего объема.

В мае 1968 г. первым секретарем обкома КПСС Б.Е. Щербиной было послано два письма в Совет Министров СССР. В первом письме «Об укреплении строительных организаций Министерства промышленного строительства СССР в области» первый секретарь обкома просил правительство довести мощность строительных организаций Минпромстроя СССР до 75-80 млн. руб. строительно-монтажных работ в год, которая в 1967 г. со-

---

[111] ГАТО. Ф. 1933. Оп. 1. Д. 14. Л. 50-57.
[112] ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 1. Д. 4823. Л. 9.

ставляла 36 млн. руб[113]. Также Б.Е. Щербина настаивал на выделении дополнительных капиталовложений в размере 13,2 млн. руб. для завершения строительства баз стройиндустрии.

Во втором письме «По вопросу строительства городов нефтяников в области» указывалось, что «в освоении нефтяных районов сложились большие диспропорции между развитием промышленности и городским строительством», а «затраты на жилищное, культурно-бытовое, коммунальное и другие виды городского строительства в Сургуте, Урае, Нефтеюганске и Нижневартовске на одного человека с начала освоения района оказались меньше норм в 3-4 раза»[114]. Из письма можно было понять, что в сложившемся положении Б.Е. Щербина винил ведомства. По мнению автора письма, Министерства нефтедобывающей и газовой промышленности СССР еще усугубляли положение тем, что не решали вопрос об изготовлении и поставке индустриальных крупноблочных и крупнопанельных конструкций для жилищного строительства. Б.Е. Щербина просил заслушать министерства и «принять неотложные меры по ликвидации сложившихся диспропорций, в укреплении строительной базы и комплексной застройки городов»[115].

Первый секретарь области продолжал давить на ведомства. 21 июня 1968 г. вышло Постановление бюро Тюменского обкома КПСС «О ходе строительства социальных и культурно-бытовых учреждений в нефтегазодобывающих районах области»[116]. Постановление предупреждало Муравленко и Барсукова о их персональной ответственности за выполнение планов соцкультбытового строительства. Запрещалось строительство в городах временного нетипового жилья. Главкам предписывалась ликвидация в течение 1968-1969 гг. всех приспособленных под жилье временных зданий.

Благодаря действиям первого секретаря обкома Б.Е. Щербины в конце 1960-х гг. в градостроительной политике окончательно наметилось направление в сторону возведения благоустро-

---

[113] ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 1. Д. 4962. Л. 30-33.
[114] ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 1. Д. 4962. Л. 28.
[115] ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 1. Д. 4962. Л. 29.
[116] ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 1. Д. 4917. Л. 13-19.

енных крупных городов, в противовес ведомственным интересам. Однако требовалось решение на высшем уровне.

Таким образом, в основе градостроительной политики в нефтегазодобывающих районах Западной Сибири лежала практика возведения городов, которая сложилась в СССР еще в 1930-е гг. В силу этих обстоятельств ведомства стали проводить градостроительное освоение так же, как в нефтяном комплексе Урало-Поволжья: не было выработанной единой схемы городского расселения, поселения возникали стихийно, жестко привязывались к месторождениям. Одновременно с этим в Тюменском обкоме и облисполкоме, и в меньшей степени в окружных органах власти, формировалась градостроительная политика в нефтегазодобывающих районах области и ХМАО, в основе которой была идея строительства крупных городов. Градостроительная политика формировалась в борьбе интересов ведомственной и региональной элиты. Советские и партийные органы выступали резко против тех мероприятий, которые осуществляли министерства: некомплексной и деревянной застройки, медленного возведения баз стройиндустрии, недостаточного выделения капиталовложений на жилищное и культурно-бытовое строительство. Вместе с тем градостроительное освоение надежно шло по пути образования в регионе крупных городов: были утверждены схема расселения и генпланы развития городов, а Сургут, Урай и Нефтеюганск получили городской статус.

Глава III.

ДИСКУССИЯ О СТРОИТЕЛЬСТВЕ ГОРОДОВ НЕФТЯНИКОВ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Начавшаяся в Западной Сибири в середине 1960-х годов разработка нефтегазовых месторождений потребовала привлечения кадров для создаваемых отраслей промышленности и строительства пунктов их расселения. В условиях еще продолжавшегося определения перспектив как нефтяной, так и газовой отраслей стал складываться курс на образование городов нефтяников, весной-осенью 1964 г. получивший отражение в решениях областных партийных и советских органов власти. В числе первых намеченных к созданию городов были Урай, Сургут, Нефтеюганск и Нижневартовск.

Однако проблема заселения территорий нового промышленного освоения нуждалась в более детальной проработке. Оставались открытыми вопросы: насколько рационально возведение крупных городов при эксплуатации месторождений, какова роль вахтовых поселений, в каком исполнении должна вестись застройка – деревянном или капитальном. Практика решения аналогичных проблем в Урало-Волжском нефтедобывающем районе в 1930-1950-х годах была связана с возникновением поселений городского типа в непосредственной близости от месторождений. В Западной Сибири требовалось определиться с тактикой освоения региона в более сложных природно-климатических условиях при низком уровне заселенности и неразвитой транспортной системе.

Для обсуждения этих проблем руководство области организовало в 1966 г. научно-техническую конференцию по проблемам градостроительства в нефтегазоносных районах Тюменской области. Позицию руководства области, связанную с созываемой конференцией, обозначил секретарь Тюменского обкома КПСС Е.А. Огороднов в статье «Расти городам на Севере», опубликованной в газете «Тюменская правда», где он писал: «Мы возлагаем большие надежды на то, что в результате широкого обмена мнениями появятся рекомендации, которые помогут наиболее эффективно использовать капиталовложения, отпускаемые правительством на развитие производительных сил области»[117].

Исследователи истории Западно-Сибирского нефтегазового комплекса дают высокую оценку конференции 1966 г., подчеркивают ее вклад в формирование основ концепции градостроительства на Севере, вместе с тем лишь ограничиваются общими характеристиками ее работы. Так, специалист в области социального развития ЗСНГК Н.Ю. Гаврилова отмечала, что на конференции предлагалось осуществлять освоение Севера Западной Сибири посредством двух типов поселений (мобильных и традиционных), а также решался вопрос о размерах поселений (строить крупные города, либо же малые и средние)[118]. Исследователь истории градостроения в Западной Сибири А.И. Прищепа подчеркивал, что главная дискуссия конференции затрагивала вопрос строительства крупных городов в Тюменской области. По мнению ученого, одни участники конференции предлагали реализовывать эксплуатацию нефтяных месторождений вахтовым или вахтово-экспедиционным методом, без строительства полноценных городов и поселков, а другие, главным образом нефтяники, ратовали за возведение современных благоустроенных городов, которые стали бы опорными центрами системы внутрирегиональной вахты[119]. Историк указывал, что первый подход именовался «внешним вариантом», а второй – «внутренним вариантом». Специалист по истории ЗСНГК Г.Ю. Колева отмечала, что после споров и дискуссий возобладала точка зрения, согласно которой многоэтажные городские дома нужно строить из несгораемых конструкций и материалов, а также была принята

---

[117] Огороднов Е.А. Расти городам на Севере // Тюменская правда. – 1966, 22 июня. – № 141 (6085). – С. 2.

[118] Гаврилова Н.Ю. Социальное развитие нефтегазодобывающих районов Западной Сибири (1964-1985 гг.). – Тюмень: ТюмГНГУ, 2002. – С. 36.

[119] Прищепа А.И. Из истории градостроения в Западной Сибири в 1960-х гг. // Тюменская область: исторический опыт экономического и социального развития: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 65-летию Тюменской области (21-23 мая 2009 г.). – Тюмень: ТюмГНГУ, 2009. – С. 21-22.

идея строительства нескольких крупных городов, из которых более отдаленные территории осваивались бы вахтовым методом[120]. Несмотря на эти утверждения историков, содержание конференции и дискуссии, развернувшиеся на ней, не стали предметом специального исследовательского анализа.

Обращение к документам Государственного архива Тюменской области, отразившим работу конференции, дает возможность проследить формирование концепции градостроительного освоения Севера Западной Сибири, показать неоднозначность подходов к проблемам городского развития как в целом в СССР, так и в западно-сибирском нефтяном регионе.

Научно-техническая конференция по проблемам градостроительства состоялась в Тюмени 23-25 июня 1966 г. В ней приняли участие представители всех министерств, ведомств и научных учреждений, участвовавших в нефтегазовом освоении Западной Сибири. Три секции конференции обозначили основной круг обсуждаемых проблем: первая была посвящена районной планировке и расселению; вторая – вопросам планировки, застройки и инженерного оборудования городов и населенных мест; третья затрагивала проблемы конструктивных решений зданий, оснований и фундаментов строительной геологии.

В докладах было поднято большое количество вопросов, связанных с градостроительным освоением Западной Сибири, и практически в каждом отмечались факторы, негативно влияющие на процесс градостроительства и городского расселения в Тюменской области: тяжелые природно-климатические условия, отсутствие пригодных для строительства рельефа и почвы, неразвитость транспортной системы, неимение каменных строительных материалов, низкая плотность населения.

Краеугольным вопросом при столкновении мнений был вопрос об оптимальной системе расселения, которая способствовала бы успешному решению производственных задач. Вот как очертил полемику по нему главный архитектор института Башнефтепроект М.П. Мазин: «Одни, учитывая большую разбросанность производства, предлагают строить малые населенные пункты и располагать их ближе к месту работы. Капитальность зданий рекомендуется выбирать в зависимости от продолжительности эксплуатации нефтепромыслов, которая обычно составляет 25-50 лет. Иногда рекомендуются даже передвижные поселки. Другие рекомендуют строить современные благоустроенные города с многоэтажной капитальной застройкой и возить трудящихся к месту работы»[121].

[120] Колева Г.Ю. Строительство городов в районах нового промышленного освоения в 1960-1980-е годы // Вестник Тюменского гос. университета. – 2007, № 1. – С. 237.

Большинство докладчиков ратовало за расселение нефтяников и газовиков в крупных городах, нежели в мелких поселках у месторождений. Впервые данная идея была озвучена первым секретарем промышленного обкома КПСС А.К. Протозановым в 1963 г[122]. Данную точку зрения на конференции представляли Государственный институт проектирования городов (Гипрогор), Государственный Центральный научно-исследовательский и проектный институт по градостроительству (ЦНИИПградостроительства), Башкирский государственный институт по проектированию предприятий и сооружений нефтегазодобывающей промышленности (Башнефтепроект). Представитель Башнефтепроекта М.П. Мазин подчеркивал, что «только строительство крупных населенных пунктов позволяет дать нефтяникам более благоустроенное современное жилье, значительно больший набор предприятий культурно-бытового обслуживания, т.е. дать трудящимся такие материальные и культурные блага, которые в малом населенном пункте в силу его специфики дать нельзя»[123].

Освоение края через создание городов с населением в 150-200 тыс. человек обосновывали представители Гипрогора[124]. Согласно их исследованиям, целесообразней всего было развитие трех опорных населенных пунктов – центров Сургутского, Нижневартовского и Южно-Балыкского промышленных узлов. Гипрогор назвал данную систему идеей централизованного рас-

[121] ГАТО. Ф. 1933. Оп. 1. Д. 18. Л. 261-262.
[122] ГАСПИТО. Ф. 2010. Оп. 1. Д. 88. Л. 15.
[123] ГАТО. Ф. 1933. Оп. 1. Д. 18. Л. 263.
[124] ГАТО. Ф. 1933. Оп. 1. Д. 18. Л. 38.

селения. Указывалось, что такое расселение будет способствовать закреплению прибывающих для работы в создаваемые отрасли на постоянное жительство, обеспечивать трудоустройство женщин в сфере обслуживания и общественного питания и позволит избежать моноотраслевого развития городов.

Позиции централизованного расселения придерживался и первый секретарь Тюменского обкома КПСС Б.Е. Щербина. Он призывал отказаться от идеи строить «кучу небольших городов». По его мнению, «в районную планировку наверняка надо закладывать более смелые предвидения, а генеральный план города должен исходить из максимальной возможности развития района, комплексного развития городов, ориентироваться на крупные города с многоэтажными застройками, с высокой обеспеченностью культурно-бытовыми учреждениями населения»[125]. Б.Е. Щербина был убежден, что крупным городом должен стать Сургут, что даже, если к Сургуту «не привязывать предприятия нефтедобывающей промышленности, то сам этот город попадает в центр большого нефтедобывающего района»[126].

В дальнейшем система расселения, предложенная Гипрогором и обкомом партии, получила название – «базовый город – вахтовый поселок». В начале 1970-х годов Б.Е. Щербина продолжал защищать эту градостроительную стратегию: «Нас беспокоит, какими должны быть города нефтяников и газовиков? Где будут жить люди? Существуют разные мнения. Но ясно одно: нельзя на каждом промысле возводить благоустроенные поселки. Надо создавать крупные, с полным комфортом, удобные для жизни города. Вот, например, чтобы отработать Самотлорское месторождение, строим Нижневартовск. Пока он планируется на 150-200 тысяч жителей. Но ведь Самотлор не единственное в этом районе месторождение. Рядом с ним геологи обнаружили целую группу продуктивных нефтяных залежей. Возможно поэтому, что город будет расти и дальше»[127]. Огромное значение политик придавал вахтовому расселению: «Иначе может

[125] ГАТО. Ф. 1933. Оп. 1. Д. 19. Л. 37.
[126] ГАТО. Ф. 1933. Оп. 1. Д. 19. Л. 37.
[127] Щербина Б.Е. Рубежи нефтяного края. – Свердловск: Средне-Уральское кн. изд-во, Тюменское отделение, 1972. – С. 68.

получиться так, как с некоторыми городами на севере Канады. Месторождения исчерпаны, жить там люди больше не собираются – незачем, и оставляют, бросают жилье, переезжают в другие места. В мировой литературе возник даже особый термин – "города-призраки". Зачем нам они? Другое дело – вахтовый поселок. Отработали месторождение – можно уехать, забрав с собой все более или менее ценное и необходимое»[128].

ЦНИИПградостроительства, также не исключая комплексное расселение людей посредством больших городов (от 100 до 150 тыс. человек) на местах опорного индустриального развития[129], считал, что следует отдавать предпочтение средним и малым городам и рабочим поселкам в остальных осваиваемых регионах. Города с числом жителей от 20 до 50 тыс. должны были стать административно-культурными и промышленными центрами, поселки от 6 до 12 тыс. человек – опорными пунктами нефтегазодобычи, а в труднодоступных местах – малые поселки для обслуживания промышленных объектов.

Не соглашался с централизованным расселением выступавший от Сибирского научно-исследовательского и проектного института (СибЗНИИЭП) Г. Павлючик. Он утверждал, что в регионе «могут развиваться только малые или как максимум средние города»[130].

Несомненно, наибольший интерес представляла позиция Миннефтепрома СССР, которую на конференции представлял заместитель министра нефтедобывающей промышленности Ш.С. Донгарян. Нефтяное министерство было главным противником централизации населения в больших городах. Ш.С. Донгарян оспаривал позицию Б.Е. Щербины, критично восприняв идею превращения Сургута в крупный город. Он считал, что важно сначала «правильно оценить» нефтегазоносный район и при проектировании объектов общерайонного значения «не закладывать им такие гигантские сооружения»[131]. Фактически Ш.С. Донгарян

[128] Щербина Б.Е. Рубежи нефтяного края. – Свердловск: Средне-Уральское кн. изд-во, Тюменское отделение, 1972. – С. 71.
[129] ГАТО. Ф. 1933. Оп. 1. Д. 18. Л. 147.
[130] ГАТО. Ф. 1933. Оп. 1. Д. 18. Л. 188.
[131] ГАТО. Ф. 1933. Оп. 1. Д. 19. Л. 32.

выступил против концепции «базовый город–вахтовый поселок», предложив возводить благоустроенные поселения у месторождений. По его мнению, «опыт показывает, что люди хотят ездить на работу и возвращаться к себе домой. Сколько мы ни пытались делать вахтовых поселков, в которых неделю жить, работать, а потом возвращаться к семье, это не встречало одобрения тех, кому предлагается такой образ жизни»[132]. Заместитель министра Миннефтепрома настаивал на том, что новые небольшие города нефтяников должны были располагаться на расстоянии 40-50 км от месторождений, утверждая, что такое расселение более экономично, так как оно не требует возведения вахтовых поселков у мест нефтегазодобычи[133].

В конечном итоге конференция приняла идею централизованного расселения в крупных городах. При этом на пленарном заседании отмечалось, что в Тюмени не были окончательно решены «вопросы не только планировки, но и принципы и основные направления развития города, идти ли по пути размещения отдельных поселков или создавать концентрированные определенные пункты, где можно было бы создать хорошие условия для проживания»[134]. Тем не менее секция по районной планировке и расселению рекомендовала при создании городов-центров «сократить число стационарных поселков на отдельных месторождениях, заменяя их вахтовыми поселками со сменным дежурным персоналом, работающим по специальному графику»[135].

Таким образом, материалы конференции свидетельствуют, что в 1966 г. наметилось формирование концепции централизованного городского расселения, которая в дальнейшем получила название «базовый город–вахтовый поселок». На самой же конференции термин «базовый город», как формулировка системы централизованного расселения, не применялся. Следует также отметить, что понятия «внешний вариант» и «внутренний вариант» расселения тоже не употреблялись. Они стали применяться

---

[132] Донгарян Ш.С. По-хозяйски рассчитывать // Тюменская правда. – 1966. – 5 июля. № 152 (6095). – С. 2.

[133] Донгарян Ш.С. По-хозяйски рассчитывать // Тюменская правда. – 1966, 5 июля. – № 152 (6095). – С. 2.

[134] ГАТО. Ф. 1933. Оп. 1. Д. 19. Л. 4.

[135] ГАТО. Ф. 1933. Оп. 1. Д. 19. Л. 8.

позже, в 1970-х годах, и относились главным образом к системе расселения при эксплуатации газовых месторождений Ямала.

Другая ключевая проблема обсуждений на конференции была посвящена вопросу о капитальном строительстве при застройке городов, который увязывался с проблемой использования деревянной застройки. Главным аргументом в пользу дерева как строительного материала служила дешевизна такого строительства. Эти проблемы также связывались с поэтапностью формирования городов.

Начальник технического отдела института Гипротюменнефтегаз, научного центра главного нефтяного ведомства – Главтюменнефтегаза, С.Н. Вассерман отстаивал идею сохранения рабочих поселков и определения площадок их первоочередного (пионерского) строительства; впоследствии, как он считал, они гармонично соединились бы с капитальной застройкой населенных пунктов, не препятствуя их правильному размещению и развитию[136]. Представители Миннефтепрома СССР выражали несогласие не только с возведением крупных городов, но и с капитальной застройкой, в значительной степени опирались на возведение деревянных домов, особенно на начальном этапе строительства городов. Таким образом, материалы конференции опровергают предположение, что идею создания благоустроенных городов защищали нефтяники. Наоборот, строительство крупных городов поддерживали местные власти и многие научные институты. Но вот большая часть непосредственной застройки осуществлялась под руководством Главтюменнефтегаза, который действовал в соответствии со схемой, предложенной С.Н. Вассерманом.

Миннефтепром СССР обозначил проблему о едином заказчике строительства городов, считая, что функция планирования капиталовложений на культурно-бытовые и коммунальные объекты должна принадлежать нефтедобывающему министерству. На конференции слова Ш.С. Донгаряна звучали как угроза: «Если мы [Миннефтепром СССР] не будем сами получать деньги и намечать строительство, то и дальше придется создавать деревянные города, без крайне важных объектов, которые

---

[136] ГАТО. Ф. 1933. Оп. 1. Д. 18. Л. 14.

нужны всем там проживающим»[137]. Б.Е. Щербина также признавал пагубность ситуации, когда планирование осуществлялось одним органом, а строительно-монтажные работы велись другим[138]. Однако, признавая необходимость единого заказчика, Тюменский обком КПСС не поддержал идею наделения Миннефтепрома СССР статусом единого заказчика.

На конференции со стороны проектных институтов критиковались решения Тюменского руководства от 16 мая и 19 октября 1964 г. о разрешении временного деревянного строительства в городах. В докладе главного архитектора Башнефтепроекта М.П. Мазина отразилось возмущение переменчивостью местных властей: «Вероятно Главтюменнефтегазстрой сумел убедить областные партийные и советские органы, что только строительством брусчатых домов можно погасить острую жилищную проблему. Согласие Тюменского облисполкома на застройку дополнительных микрорайонов деревянными домами привело к серьезным изменениям всего инженерного хозяйства проектируемых населенных пунктов, нарушению структуры генпланов и т.д. А ведь эти генпланы были в свое время Тюменским облисполкомом утверждены, и были даны заверения и приняты письменные решения, запрещающие дальнейшее малоэтажное строительство в Урае, Нефтеюганске и Нижневартовском. Деревянное строительство развязало строителям руки и в другом вопросе: дома сдаются без благоустройства, без сетей водопровода, канализации. Территории микрорайонов, где стоят брусчатые дома, находятся, в связи с этим, в крайне антисанитарном состоянии»[139]. Несмотря на критику со стороны Башнефтепроекта, главный инженер Главтюменнефтегазстроя Ю.П. Баталин, который представлял точку зрения Мингазпрома СССР, являвшегося генеральным застройщиком в регионе освоения, высказался за капитальное строительство в городах и поселках. Он отмечал необходимость форсировать внедрение блочного строительства и создание собственной строительной базы (прежде всего предприятий по выпуску панелей и блоков)[140].

[137] Донгарян Ш.С. По-хозяйски рассчитывать // Тюменская правда. – 1966. – 5 июля. № 152 (6095). – С. 2.
[138] Щербина Б.Е. И встанут в тайге города // Тюменская правда. – 1966. – 5 июля. № 152 (6095). – С. 2.
[139] ГАТО. Ф. 1933. Оп. 1. Д. 18. Л. 275-276.

Сторонников «деревянных городов» было немного. В частности, представитель Уральского политехнического института им. С.М. Кирова В.В. Кавадеров предлагал максимальное использование древесины при строительстве «микрорайонов первооткрывателей»[141]. Представитель НИИПлесдрев акцентировал внимание на то, что при отсутствии строительных баз максимальное использование древесины в нефтегазоносных районах способно решить практические задачи сегодняшнего дня. По его мнению, поселки нефтяников городского типа с населением до 10–12 тыс. чел. необходимо было застраивать 16–24-квартирными деревянными домами по новым типовым проектам[142].

Для главных лиц конференции предпочтительным виделось капитальное строительство. Известный свердловский архитектор Г.В. Шауфлер подчеркивал, что «жилищное строительство в нефтеносных районах, основанное на поспешном возведении одно- и двухэтажных брусчатых домов, без надлежащего благоустройства, является неперспективным, социально и экологически неоправданным»[143]. За возведение домов повышенной этажности и расширение крупнопанельного домостроения с наибольшим количеством различных видов отделки выступали Печорпроект и Гипрогор[144]. Строительство таких домов вело к увеличению плотности застройки и сокращению трудноосваиваемых территорий под города.

Таким образом, взгляды нефтяников в лице Миннефтепрома СССР, Главтюменнефтегаза и Гипротюменнефтегаза не были поддержаны. Однако история показала, что города, характеризовавшиеся очень высокими темпами прироста населения, еще долгое время продолжали расширяться за счет деревянной застройки, балков и времянок, так как строительство осуществлялось нефтяниками, главной целью которых было не социальное осво-

[140] ГАТО. Ф. 1933. Оп. 1. Д. 19. Л. 52-53.
[141] ГАТО. Ф. 1933. Оп. 1. Д. 18. Л. 17-25.
[142] ГАТО. Ф. 1933. Оп. 1. Д. 18. Л. 213.
[143] ГАТО. Ф. 1933. Оп. 1. Д. 18. Л. 127.
[144] ГАТО. Ф. 1933. Оп. 1. Д. 18. Л. 39, 191-192.

ение региона, а добыча нефти и газа согласно установленным плановым величинам.

Очень важна была для выработки окончательных решений по вопросам градостроительства позиция Госплана СССР. Участники конференции были проинформированы о составлении Генеральной схемы развития и размещения производительных сил Западно-Сибирской низменности. Разработка Генеральной схемы была поручена Совету по изучению производительных сил при Госплане СССР в декабре 1964 г. Работу следовало закончить к концу 1968 г., что не устраивало многих участников конференции, так как за время разработки схемы городское строительство в Тюменской области обретало «хаотический характер»[145]. Представителем Госплана Д.В. Белорусовым подчеркивалось, что Западно-Сибирская низменность, с ее колоссальными запасами нефти, газа и древесины, являлась уникальной топливно-энергетической и лесосырьевой базой общесоюзного масштаба[146], не должна была подчиняться Уральским, Западно-Сибирским и другим местным влияниям, а требовала выделения в составе РСФСР нового Обь-Иртышского крупного экономического района[147]. Госплан также поддержал идею создания благоустроенных городов и рабочих поселков, которые способствовали бы формированию постоянных кадров рабочих и инженерно-технических работников и остановили бы их текучесть[148].

Такой оптимистический прогноз Госплана послужил началом для складывания концептуального подхода в градостроительной политике на Севере Западной Сибири. В конце своего выступления первый секретарь обкома Б.Е. Щербина обратился с просьбой к Госплану обсудить у себя итоги и предложения конференции, которые смогли бы содействовать определению конкретных задач по темпам строительства для каждого города, для каждого подразделения[149]. Мнения участников конференции были учтены Госпланом: генеральной линией градостроительного освоения становилось возведение крупных городов и централи-

[145] ГАТО. Ф. 1933. Оп. 1. Д. 19. Л. 3.
[146] ГАТО. Ф. 1933. Оп. 1. Д. 19. Л. 72.
[147] ГАТО. Ф. 1933. Оп. 1. Д. 18. Л. 166.
[148] ГАТО. Ф. 1933. Оп. 1. Д. 19. Л. 65.
[149] ГАТО. Ф. 1933. Оп. 1. Д. 19. Л. 41.

зованное расселение. Вместе с тем в Госплане СССР не совсем понимали размеры будущего строительства, что объяснялось неразведанностью территории. По мнению Ю.П. Баталина, конкретные предложения по городскому развитию не воспринимались Госпланом всерьез[150]. Например, Госплан утвердил строительство Сургута на 60 тыс. человек, тогда как проектировщики и строители доказывали целесообразность принятия генерального плана города на 250-300 тыс. человек.

В конце конференции было проведено итоговое заседание, на котором были согласованы рекомендации по каждой секции. В рекомендациях намечались основные направления, в соответствии с которыми должно было двигаться городское развитие в нефтегазоносных районах Тюменской области[151]. Рекомендации конференции сводились к следующим основным положениям: 1) «расселение в нефтегазоносных районах Западно-Сибирской низменности следует предусматривать централизованным с преимущественным созданием благоустроенных городов-центров крупных районов и близрасположенных групп месторождений»[152]; 2) для каждого нефтяного района должен был быть применен тот вариант расселения (город, стационарный поселок, вахтовый поселок), который при наименьших затратах гарантировал высокий уровень жизни; 3) рекомендовалось обеспечить полную занятость всего трудоспособного населения с помощью правильного баланса использования мужского и женского труда и широкого развития службы быта; 4) создание многопрофильных городов (в возможных случаях) признавалось лучшим решением в становлении производственной базы строящихся городов; 5) скорое завершение и утверждение технико-экономических обоснований и схем районной планировки промышленных районов, генеральных планов городов и поселков; 6) обеспечение опережающего строительства предприятий стройматериалов и стройиндустрии; 7) разработка оптимальных конструкций и типов жилых домов, пригодных для проживания в тяжелых северных условиях.

[150] Баталин Ю.П. Трудные годы становления // Нефтегазостроители Западной Сибири. В 2 кн. Кн. 1. Антология. – М.: Российский союз нефтегазостроителей, 2004. – С. 47.
[151] ГАТО. Ф. 1933. Оп. 1. Д. 18. Л. 171-180.
[152] ГАТО. Ф. 1933. Оп. 1. Д. 18. Л. 172.

«Особый след у меня оставила конференция по градостроительству», – через десятилетия вспоминал Ю.П. Баталин[153] и неудивительно, ведь выводы и рекомендации конференции определили концептуальное направление, в котором двигалась градостроительная политика в нефтегазоносных районах Западной Сибири в последующие годы. Применение рекомендаций конференции 1966 г. в градостроительной политике не заставило себя долго ждать. Они нашли отражение в Постановлениях партии и правительства СССР от 11 декабря 1969 г. № 967 «О мерах по ускоренному развитию нефтедобывающей промышленности в Западной Сибири» и от 21 декабря 1971 г. № 919 «О мерах по дальнейшему развитию городов и поселков в районах добычи нефти и газа Тюменской области». Государство решило возводить для нефтяников в Западной Сибири крупные города с капитальной застройкой.

Твердая позиция Тюменского обкома партии и лично Б.Е. Щербины способствовала тому, что правительство пошло по пути централизованного расселения. Главный архитектор Тюменской области в 1960-1976 гг. В.А. Бешкильцев вспоминал: «Б.Е. Щербине я признателен за его твердую и последовательную линию – это централизованное расселение нефтяников Среднего Приобья со строительством больших городов – Сургута, Нижневартовска и др. В большом городе можно более удобно организовать жизнь людей, да и строить легче. Дело в том, что пока Сургут в достаточной мере не был задействован, не были построены аэропорты, речные причалы, не было Сургутской ГРЭС и другого, нефтяники постоянно проявляли тенденцию строить мелкие города-поселки при каждом нефтяном месторождении. Однако Б.Е. Щербина безоговорочно поддерживал нас, архитекторов, в вопросе целесообразности концентрации ресурсов строителей в крупных городах»[154].

---

[153] Баталин Ю.П. Трудные годы становления // Нефтегазостроители Западной Сибири. В 2 кн. Кн. 1. Антология. – М.: Российский союз нефтегазостроителей, 2004. – С. 43.

[154] Из воспоминаний В.А. Бешкильцева, главного архитектора Тюменской области в период становления ЗСНГК // История и перспективы градостроительного освоения территорий Севера. Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс. – М.: МЦА «Суханово», 2004. – С. 199.

Несмотря на то, что участники конференции 1966 г. говорили о единой системе расселения в Тюменской области, которая затрагивала и нефтеносные, и газоносные районы, основной упор был сделан на градостроительное освоение территории нефтедобычи, т.е. на регион Среднего Приобья и Ханты-Мансийский округ. Однако с открытием череды уникальных газовых месторождений на Ямале остро встал вопрос о методах расселения в газоносных районах. В данной ситуации градостроительная политика в отношении ХМАО должна была существенно измениться, округ мог стать плацдармом для расселения газовиков Ямало-Ненецкого округа. Опираясь на Постановление Совета Министров СССР от 17 мая 1968 г. «О мероприятиях по подготовке к строительству мощных газовых промыслов и газопроводов»[155], Тюменский обком КПСС в срочном порядке принялся за разработку подхода градостроительного освоения территории Ямало-Ненецкого округа. Для этого было решено провести в г. Тюмени научно-техническую конференцию по проблемам градостроительства в газоносных районах Тюменской области.

Она состоялась 26-28 июня 1968 г. Было заслушано 47 докладов, в которых поднималось множество проблем, связанных с комплексным освоением ЯНАО, в том числе развитие системы транспорта, внедрение новых типов благоустроенных жилых домов и методов строительства, выявление природно-географических условий. Однако главный вопрос, на который должна была дать ответ конференция, звучал так: целесообразно ли строительство городов в газоносных районах Тюменской области?

Против строительства городов в ЯНАО выступил Госплан СССР. Руководитель сектора Западно-Сибирского промышленного комплекса СОПС при Госплане СССР В.Д. Белорусов высказал идею создания в регионе благоустроенных гостиниц, где могли бы жить и работать рабочие. Такой вариант не требовал расселения в северных районах семей рабочих: «Весь промышленно-производственный персонал живет в этих гостиницах, а семьи находятся в районе Тюмени, Тобольска, возможно в дру-

---

[155] Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Сборник документов за 50 лет. Т. 6 (доп.): 1966 – январь-июнь 1968 гг. – М.: Политиздат, 1968. – С. 716-720.

гих местах с достаточно хорошими климатическими условиями»[156]. Такими опорными «местами» могли стать и города нефтяников Среднего Приобья. Главным аргументом против возведения городов в ЯНАО служила дороговизна реализации данного проекта. Однако в конце доклада представитель Госплана подчеркнул, что строительство гостиниц и городов в регионе изучено недостаточно, и только после всестороннего исследования можно было решить, какой метод расселения больше подходил при освоении Ямало-Ненецкого округа.

Позиция Госплана СССР не была поддержана институтам Гипрогор и Ленинградским государственным институтом проектирования городов (Ленгипрогор). На пленарном заседании конференции проектировщики Гипрогора предложили два варианта решения проблемы расселения при эксплуатации газоносных месторождений: внутренний и внешний[157].

Система внутреннего расселения включала в себя три возможных варианта: 1) «групповой вариант», предусматривавший размещение населенных пунктов с численностью от 10 до 20 тыс. чел. при группах месторождений (такими городами должны были стать Уренгой, Надым, Тазовский, Тарко-Сале, Новый Порт); 2) «централизованный вариант», который допускал возведение одного большого города до 80 тыс. жителей в пределах ЯНАО для всех групп месторождений (таким городом могли стать Урен-гой или Надым), которые эксплуатировались вахтовым методом; 3) «децентрализованный вариант», согласно которому создавались мелкие населенные пункты до 2 тыс. жителей у каждого промысла.

Система внешнего расселения предусматривала расселение газовиков и их семей в одном из имеющихся городов Тюменской области в более благоприятных климатических условиях, с более дешевым жилищным строительством. По мнению Гипрогора, под такой город хорошо подходили Тюмень и Сургут. В этом случае в пунктах добычи газа организовывались вахты длительного пре-

[156] Белорусов В.Д. Перспективы развития производительных сил Ямало-Ненецкого национального округа // Научно-техническая конференция по проблемам градостроительства в газоносных районах Тюменской области. 26-28 июня 1968 г.: тез. докл. – Тюмень, 1968. – С. 14.

[157] Фейгина Э.Я., Замерцева В.И. Проблемы расселения и планировки населенных пунктов районов Тюменского Севера // Там же. – С. 20-21.

бывания и базисный аэродром, куда рабочие доставлялись из центра расселения и развозились по промыслам.

В целом большинство участников ясно высказались за возведение городов и поселков в районах газодобычи. Получил поддержку централизованный вариант системы внутреннего расселения, предложенный Гипрогором. Вместе с тем была одобрена идея передачи городам нефтяников Среднего Приобья части функций опорных городов при освоении ЯНАО. Во многом под влиянием конференции Госплан пересмотрел свою позицию.

Конференция, на которой окончательно было принято решение о строительстве городов в нефтегазодобывающих районах Западной Сибири, состоялась 15-18 марта 1969 г. в Тюмени. Она была посвящена проблемам развития и размещения производительных сил Тюменской области. Госплан вновь поддержал идею возведения крупных городов, но и не выступал против строительства более мелких. Вот как по этому поводу высказался в своем докладе представитель СОПС при Госплане СССР академик Н.Н. Некрасов: «По-видимому, сейчас мы не можем решить, где жить людям. Жить ли им в маленьких, средних и больших городах или рабочих поселках. Очевидно, люди должны жить во всех категориях этих городов. Одно ясно, что Тюмень – это западные ворота Западно-Сибирской низменности, Томск – это восточные ворота. И естественно, что около этих ворот должны быть созданы такие большие города, которые определяют соответственно и все дальнейшее развитие городов района. По-видимому, Тюмень должна в ближайшее десятилетие достигнуть уровня Новосибирска»[158]. На конференции 1969 г. первоочередной задачей в строительстве объявлялось создание мощностей и производственной базы строительных организаций. Решение вопросов капитального строительства должно основываться на комплексном научно обоснованном использовании материалов, генеральных планов городов и населенных мест, социологических и архитектурных требований. Конференция также просила союзное правительство снять огра-

[158] Некрасов Н.Н. Главные направления развития народно-хозяйственного комплекса Западно-Сибирской низменности, его место и роль в решении общесоюзных проблем // Материалы конференции по проблемам развития и размещения производительных сил Тюменской области. Том 1. – Тюмень, 1970. – С. 31-43.

ничение в строительстве городов и промышленных комплексов в бассейне реки Оби ниже отметки 30 и прекратить проектирование Нижне-Обской ГЭС[159].

Итак, в конце 1960-х годов в ХМАО выделились, в соответствии со схемой Гипрогора, предложенной на конференции, четыре быстрорастущих центра – Урай, Нефтеюганск, Сургут и Нижневартовск. Эти города стали базовыми для эксплуатации нефтегазовых месторождений вахтовым методом. Строительство других крупных поселений и поселков запрещалось. Однако ведомства продолжали застраивать свои вахтовые поселки, которые со временем превращались в настоящие рабочие поселки с населением в несколько тысяч человек. Борьба интересов между местной властью и нефтяными ведомствами в конечном итоге завершилась победой последних. В начале 1980-х годов по заказу Миннефтепрома СССР была разработана схема расселения, которая предусматривала отказ от централизованного расселения нефтяников в пользу группового (т.е. в пользу схемы, за которую ратовало министерство на конференции 1966 г.). Новая схема предусматривала возведение множества городов и рабочих поселков у нефтяных месторождений.

Таким образом, дискуссия на тюменских конференциях 1960-х гг. о строительстве городов нефтяников отразила борьбу интересов между местной властью и ведомствами, городским и отраслевым началом. Города подчинялись субординации производства, но в лице Тюменского руководства и архитекторов и противостояли ей. Исследование показало, что основные ресурсы градообразования и развития городов советского периода не были полностью монополизированы ведомственными элитами, а в некоторых регионах продолжали оставаться у городов. При начальном градостроительном освоении Севера Западной Сибири Советское правительство прислушалось не к министерствам, а к позиции Тюменского руководства, которое лучше знало специфику своих северных территорий. Рекомендации конференции 1966 г. – это маленькая и недолгая (до 1980 г.), но очень важная победа местной власти и архитекторов над советско-государственной производственной системой, где центральная власть и отраслевые министерства выступали главными акторами градообразования.

[159] ГАТО. Ф. 1112. Оп. 6. Д. 32. Л. 12об–13об.

Глава IV.

РЕАЛИЗАЦИЯ ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ «БАЗОВЫЙ ГОРОД–ВАХТОВЫЙ ПОСЕЛОК» (1969 – 1970-е гг.)

В конце 1960-х гг. активная деятельность руководства Тюменской области, которая проявилась в принимаемых решениях и постановлениях, постоянных письмах в государственные учреждения и проведенных в г. Тюмени конференциях в 1966, 1968 и 1969 гг., содействовала формированию долгосрочной государственной стратегии развития нефтегазовой промышленности и городского строительства в ХМАО. С конца 1960-х гг. государственная политика в сфере градостроительства на территории нефтегазодобывающих районов приобрела более отчетливый характер. Причинами этому были признание наличия в регионе огромных запасов нефти и газа и выполнение сверх нормы директив по добыче нефти (не менее 30 млн. т против установленных 20-25 млн. т). Также на политику градостроительного освоения повлияли открытия новых уникальных месторождений нефти и начало их эксплуатации: Самотлорское (открыто в 1965 г.; эксплуатируется с 1969 г.), Мамонтовское (1965 г.; 1970 г.), Аганское (1965 г.; 1973 г.), Правдинское (1966 г.; 1968 г.), Варьеганское (1968 г.; 1974 г.), Федоровское (1971 г.; 1973 г.).

Вскоре последовало принятие основополагающего документа, который определял стратегию развития нефтегазодобывающих районов. 11 декабря 1969 г. вышло совместное партийно-правительственное Постановление «О мерах по ускоренному развитию нефтедобывающей промышленности в Западной Сибири»[160]. Документ касался конкретных мероприятий на IX пятилетний план (1971–1975 гг.) и на перспективу до 1980 г.

Важнейшей народно-хозяйственной задачей объявлялось создание в Западной Сибири новой крупной нефтедобывающей базы и обеспечение добычи нефти в этом районе в 1975 г. в ко-

[160] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 10. – М., 1972. – С. 130-139; ГАТО. Ф. 814. Оп. 5. Д. 1422. Л. 64об-67об.

личестве 100-120 млн. т и в 1980 г. – 230-260 млн. т. Поменялось отношение к городскому и жилищному строительству в регионе, которое перестало рассматриваться как временное явление. Теперь оно расценивалось как важнейший компонент в создании крупной нефтедобывающей базы в Западной Сибири. Государство отказалось вести промышленное и жилищное строительство в деревянном исполнении. Ставилась задача внедрять «комплексно-блочное строительство с использованием наиболее совершенных индустриальных конструкций и новых строительных материалов». Известный специалист истории возрождения г. Сургута во второй половине XX века А.И. Прищепа справедливо указывает, что постановление имело «решающее значение для форсированного строительства» в Тюменской области[161].

Однако для урбанизации региона самым важным пунктом в постановлении 1969 г. было то, что строительство жилых домов, объектов коммунального и культурно-бытового назначения предписывалось вести на основе сосредоточения «во вновь создаваемых крупных городах, с обеспечением максимального благоустройства их, в комплексе с промышленным строительством, по проектам, отвечающим природно-климатическим условиям Западной Сибири, с применением блоков, узлов и деталей, имеющих повышенную степень сборности, а также эффективных теплоизоляционных и новых отделочных материалов». Таким образом, на государственном уровне была принята точка зрения руководства Тюменской области, которое ратовало за возведение крупных благоустроенных городов.

В то же время закреплялся ведомственный характер строительства. Разрешалось, в виде исключения, Мингазпрому (Главтюменнефтегазстрою), Миннефтепрому (Главтюменнефтегазу), Министерству геологии СССР (Главтюменьгеологии) и Совету Министров РСФСР осуществлять строительство объектов стройиндустрии и промышленности строительных материалов, строительство жилых домов, объектов коммунального хозяйства, культурно-бытового назначения, здравоохранения, просвещения в нефтегазодобывающих районах Тюменской и Томской областей[162]. Этим во многом обусловливалась некомплексная застройка городов в будущем, которая порождалась оборотной стороной планово-директивного механизма управления экономикой с ведомственными приоритетами – хаотичности управления на территориальном уровне»[163]. Вместе с тем власть понимала проблему ведомственности, преодоление которой было залогом успеха в освоении Тюменского Севера. Так, в Постановлении от 27 мая 1971 г. «О разработке комплексного долгосрочного плана развития народного хозяйства Тюменской области» Госплан СССР обязывал министерствам и ведомствам предусмотреть взаимосвязанное комплексное развитие всех отраслей народного хозяйства, опережающее развитие жилищно-бытового и социально-культурного строительства, создание необходимых условий для притока и закрепления кадров, а также улучшение культурно-бытовых условий народов Севера Тюменской области» [164].

Государство обратило внимание и на создание в регионе объектов строительной индустрии, промышленности строительных материалов и деревообрабатывающих комбинатов, которые были необходимы для обеспечения промышленного строительства. В постановлении Минпромстрою СССР было дано задание в 1971-1975 гг. построить жилых домов общей площадью 250 тыс. кв. метров, из них площадью 50 тыс. кв. метров в 1971 г. Жилые дома предназначались для рабочих, инженерно-технических работников и служащих организаций и предприятий Главтюменнефтегаза Миннефтепрома СССР. Госплану СССР обязывалось предусмотреть выделение в 1970 и 1971 гг. крупнопанельных жилых домов для Главтюменнефтегаза общей площадью 30 тыс. кв. метров и Главтюменнефтегазстроя общей площадью 40 тыс. кв. метров ежегодно.

---

[161] Прищепа А.И. Из истории проектирования города Сургута / А.И. Прищепа // Северные рубежи истории: Материалы межвузовской научной конференции с международным участием, посвященной 10-летию исторического факультета Сургутского государственного университета (1-3 марта 2012 г., Сургут). – Екатеринбург-Сургут: Изд-во АМБ, 2012. – С. 131.

[162] ГАТО. Ф. 814. Оп. 5. Д. 1422. Л. 66об.

[163] Сенявский А.С. Российский город в 1960-е–80-е годы / А.С. Сенявский. – М.: Институт российской истории РАН, 1995. – С. 100.

[164] ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 1. Д. 5403. Л. 109.

Итак, в конце 1960-х гг. государственная политика развития нефтяных городов Западной Сибири была ориентирована на ускоренное градостроительное развитие на базе комплексноблочного и крупнопанельного, а также ведомственного строительства с централизацией в строящихся крупных городах.

В действительности положение дел кардинально не изменилось: внедрение крупнопанельного строительства в городах шло медленными темпами. Основные проблемы были связаны с нехваткой денежных средств. Просьбы местных властей увеличить ассигнования не находили понимание в Госплане и Госстрое. Чтобы жилищные условия в районах нефтегазового освоения соответствовали республиканским показателям, а проблемы жилищного и культурно-бытового строительства были решены, обком КПСС предлагал на 1969-1970 гг. ежегодно выделять сумму в размере 160 млн. руб[165]. Госплан РСФСР отказывался предоставить такие деньги.

Руководство области в целом выступало против тех цифр финансирования, которые были заложены на жилищное и культурно-бытовое строительство на IX пятилетку. На эти нужды Госпланом РСФСР на 1971-1975 гг. предусматривалось 161,4 млн. руб., в то время как местная власть просила выделить 338,5 млн. руб[166]. Одним из возможных выходов было установление отчисления средств в местные бюджеты городов и поселков в соответствии с объемом добычи нефти. В 1970 г. Миннефтепром СССР и Тюменский обком КПСС вышли с таким предложением к Председателю правительства СССР А.Н. Косыгину[167]. За каждую тонну добытой нефти отчисления составляли бы 40 копеек. Такая мера способствовала бы значительному расширению городского хозяйства. Но она тоже не нашла поддержки.

В то же время Госплан РСФСР упрекал Тюменское руководство за то, что оно не полностью использовало выделяемые ему капитальные вложения[168]. Так, в 1970 и 1971 гг. оказались неосвоенными 1 млн. и 5,9 млн. руб. соответственно. Отчасти

---

[165] ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 1. Д. 4962. Л. 68.
[166] ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 1. Д. 5106. Л. 91-92.
[167] ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 1. Д. 5106. Л. 68-69.
[168] ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 1. Д. 5729. Л. 75.

потому Госплан не давал дополнительные средства. Другой причиной отказов было продолжающееся отставание в строительстве. Отмечалось, что средства могли быть выделены во втором полугодии 1972 г. в случае успешного выполнения планов по строительству.

Противоречия возникали в размере сумм, предоставляемых Госстроем РСФСР, на топографические, инженерно-геологические и проектно-планировочные работы. Недостаточные, по мнению обкома и окружкома, средства вели к задержке проектирования и строительства городов. Первый секретарь партии Б.Е. Щербина обращался к Председателю Совета Министров РСФСР Г.И. Воронову, чтобы тот обязал Госстрой РСФСР дополнительно профинансировать эти работы в размере 500 тыс. руб. на 1970-1971 гг.[169] Госстрой РСФСР и Госплан РСФСР отвечали отрицательно. В большинстве случаев Тюменскому руководству рекомендовалось обращаться к министерствам и ведомствам, так как данные работы и изыскания должны были вестись за счет средств, выделяемых на проектирование промышленных предприятий[170].

В феврале 1971 г. на заседании Тюменского облисполкома было принято решение «О соблюдении генерального плана развития города Сургута»[171]. Руководство области не устраивало качество застройки нового города, в которой проявлялась ведомственность. В протоколе заседания было записано: «в застройке города и инженерном оборудовании проявляется ведомственность, низкая градостроительная дисциплина»[172]. В частности, возмущение облисполкома вызывало самовольное строительство Сургутгазстроем и Сургутнефтью производственных объектов на землях, предназначенных для жилого фонда. За неудовлетворительное выполнение функций единого заказчика подверглось критике главное нефтяное ведомство: «Главтюменнефтегаз (г. Муравленко) задерживает проектирование общегородских и культурно-бытовых объектов и магистральных сетей во-

---

[169] ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 1. Д. 5106. Л. 65-67.
[170] ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 1. Д. 5109. Л. 16-17.
[171] ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 5033. Л. 7-12.
[172] ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 5033. Л. 9.

допровода, канализации и энергоснабжение города»[173]. Также отмечалось, что Сургутский горисполком не обеспечивал необходимое руководство и контроль за застройкой города и развитием городского хозяйства, в результате чего имели место факты нарушений утвержденного генерального плана, отставание в инженерном оборудовании города, медленно решались вопросы улучшения бытового обслуживания населения.

Становилось понятным, что для координации городского развития требовались специальные директивы. Еще в январе 1970 г. Тюменским облисполкомом были внесены предложения в Совет Министров РСФСР и Госплан РСФСР по улучшению культурно-бытового обслуживания населения, развитию промышленности, подведомственной облисполкому[174]. Всего было внесено 49 предложений. Первостепенное значение имели вопросы, связанные с благоустройством нефтяных городов. Руководство области просило поручить Госстрою РСФСР возложить на один из проектных институтов функции генерального проектировщика по проектированию жилья, культурно-бытовых учреждений, предприятий пищевой промышленности, коммунального хозяйства. Однако это предложение не было поддержано Госпланом, так как данные функции не находились в компетенции институтов Госстроя РСФСР[175]. Далее облисполком предложил определить заказчиками по строительству городов министерства нефтедобывающей и газовой промышленности СССР, а также предоставить право горрайисполкомам и облисполкому решать вопросы кооперирования средств предприятий и организаций различных министерств и ведомств на городское строительство вместо существующего порядка долевого участия. По мнению местных властей, это позволило бы решить вопросы строительства городов в соответствии с темпами развития нефтегазодобычи. Не нашло понимание и это предложение облисполкома в силу того, что постановление 1969 г. разрешало осуществлять городское строительство за счет средств, выделяемых на развитие нефтегазовой промышленности. В целом Госплан РСФСР

[173] ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 5033. Л. 9.
[174] ГАРФ. Ф. А-259. Оп. 45. Д. 436. Л. 80-95.
[175] ГАРФ. Ф. А-259. Оп. 45. Д. 436. Л. 74.

достаточно критично отнесся ко многим предложениям руководства области по 1970 г., обосновывая отказы тем, что отсутствовали необходимые ресурсы. Однако было обещано рассмотреть инициативы на 1971-1975 гг[176].

Инициативы были рассмотрены только через полтора года и послужили основой для правительственного Постановления «О мерах по дальнейшему развитию городов и поселков в районах добычи нефти и газа Тюменской области» от 21 декабря 1971 г.[177] Государство усиливало контроль над форсированным ростом городов в Тюменской области, который к этому времени обрел стихийные формы. В документе было отражено стремление государства придать урбанизации планомерный характер, улучшить жилищные условия горожан.

Ставилась задача союзным министерствам и республиканскому правительству обеспечить строительство и ввод в эксплуатацию в городах и поселках жилых домов, школ, детских дошкольных учреждений, учреждений культуры и здравоохранения, предприятий торговли и общепита, объектов связи, коммунального хозяйства и бытового обслуживания в 1971-1975 гг. В заданиях указывались конкретные цифры: предписывалось построить к 1975 г. жилых домов на 2003 тыс. кв. метров, общеобразовательных школ на 23420 ученических мест, детских дошкольных учреждений на 16860 мест, дворцов культуры и клубов на 5300 мест, лечебных учреждений на 2420 коек, поликлиник на 5700 посещений в день, 6 спортивных комплексов с бассейнами, предприятий торговли на 34440 кв. метров, предприятий общественного питания на 4780 мест, 7 предприятий связи, водозаборных сооружений на 56 тыс. куб. метров воды в сутки, общегородских очистных сооружений на 83,5 тыс. куб. метров воды в сутки, 63,5 км магистральных водоводов, 48 км канализационных коллекторов, 70,5 км городских магистральных дорог с твердым покрытием, ведомственных гостиниц на 1140 мест, бань на 1090 мест, прачечных на 21340 кг сухого белья в смену. Эти цифры не учитывали сооружения, необходимые для обеспечения производственных нужд промышленных предприятий, то есть постройки исключительно принадлежали городам и поселкам.

[176] ГАРФ. Ф. А-259. Оп. 45. Д. 436. Л. 71, 74, 76.
[177] ГАТО. Ф. 814. Оп. 5. Д. 1470. Л. 104-119.

Давались директивы по строительству промышленно-коммунальных объектов: хлебозаводов, пивоваренных заводов с цехами безалкогольных напитков, мясоперерабатывающих заводов и колбасных фабрик, городских молочных заводов, холодильников для скоропортящихся продуктов, овощехранилищ, автобусных гаражей. Также устанавливались задания по возведению предприятий стройиндустрии: заводов крупнопанельного домостроения, заводов по производству стеновых материалов, керамзита, нерудных материалов, заводов железобетонных изделий, деревообрабатывающих предприятий.

Постановлением определялись заказчики по проектированию и строительству городов. В Сургуте, Урае, Нефтеюганске и Нижневартовске обязанности возлагались на Миннефтепром СССР, а в ямальских поселках Надыме, Лабытнанги и Харпе – на Мингазпром СССР. Генподрядчиком по комплексной застройке городов и поселков, кроме Нижневартовска, становился Мингазпром СССР. В Нижневартовске эти функции передавались Минпромстрою СССР. Но именно предоставление функций единого заказчика по жилищному и социально-бытовому строительству предприятиям нефтяной промышленности объективно вело к устранению органов власти на местах от участия в программе комплексной застройки новых городов[178].

Вместе с тем постановление 1971 г. не решало проблемы недостаточного финансирования городского строительства. На протяжении 1972 г. Тюменские обком КПСС и облисполком неоднократно обращались в союзное и республиканское правительства, Госплан РСФСР и министерства с просьбой предоставить дополнительные ассигнования на благоустройство и содержание городов[179]. В январе 1973 г. Тюменский обком партии в письме на имя А.Н. Косыгина подчеркивал, что «благоустройство новых городов и поселков в Тюменской области отстает от потребностей. Выделяемые на эти цели средства недостаточны, в текущем году они сокращены по сравнению с прошлым годом»[180]. Местная власть просила выделить дополнительные средства в размере 3 млн. руб. на 1973 г. В другом послании, уже в Совет Министров РСФСР, говорилось, что «выделяемые средства на благоустройство крайне недостаточны и не позволяют улучшить содержание городов и поселков»[181].

После принятия постановлений 1969 и 1971 гг. началась реализация централизованной системы расселения в нефтегазодобывающих районах Западной Сибири. Эта система была поддержана в Ханты-Мансийском окрисполкоме и окружкоме. В январе 1972 г. в Сургуте прошла окружная конференция по проблемам планировки и застройки городов и поселков, на которой еще раз указывалось о необходимости реализации принятой схемы расселения[182]. На VI пленуме окружного комитета партии 11 июля 1972 г. второй секретарь Ю.П. Старцев говорил: «Предметом особой заботы окружной партийной организации должно быть формирование новых городов округа. … Партийным, советским органам, хозяйственным организациям надо сосредоточить усилия на успешном выполнении постановления Правительства, которое послужит планомерному развитию городов, значительному улучшению условий жизни населения»[183]. Горисполкомы и горкомы также высказались за централизованное расселение, хотя и не все были согласны с ней. Так, за следование этой системе в воспоминаниях жителей Нефтеюганска критикуется первый секретарь Нефтеюганского горкома партии Ю.А. Долгих: «Естественно, такой примитивный подход к строительству города Михаил Андреевич (председатель горисполкома М.А. Николаев) придумал не сам. Он был согласован в городском комитете КПСС и, очевидно, с вышестоящими советскими органами. … И было принято дикое решение – жить работникам, работающим в базо-

[178] Гаврилова Н.Ю., Карпов В.П. Жилищно-гражданское строительство в районах нового промышленного освоения Севера Западной Сибири (1964-1985 гг.) // Налоги, инвестиции, капитал. – 2002, № 1, 2. – С. 243.

[179] ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 1. Д. 5563. Л. 123, 157, 158; ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 1. Д. 5565. Л. 121.

[180] ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 1. Д. 5729. Л. 19.

[181] ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 1. Д. 5730. Л. 75.

[182] Ленинская правда. – 1972, 26 января. – С. 3.

[183] ГАСПИТО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 2260. Л. 102-103.

вых поселках, и их семьям следует в городе Нефтеюганске, а в поселках работать вахтовым методом в отрыве от семьи»[184].

Поскольку централизованное расселение из-за противодействия нефтяников не могло реализоваться в том виде, как задумывалось, критиков концепции «базовый город – вахтовый поселок» становилось все больше. Главный архитектор А.Н. Отраднов впоследствии признавал это: «нескольких лет было достаточно, чтобы понять, что выбор схемы расселения сделан далеко не лучший. Почти для каждого участника освоения новых, обустройства принятых к разработке месторождений приходилось дублировать жизненное пространство. Это вело к распылению средств. Катастрофически не хватало жилья в базовых городах, ежегодно прирост населения в которых составлял 10-12 тыс. человек. Тогда было принято запоздалое решение сдерживать рост временных вахтовых поселков»[185].

В начале 1970 г. Тюменская власть начала борьбу за переселение людей из ветхого жилья в благоустроенные квартиры и снос бараков и аварийных домов. 30 июня было принято решение «О сносе аварийного жилого фонда по городам и районам области в 1971-1975 гг.»[186]. За пятилетку в ХМАО должны были снести 3003 дома и переселить 4190 семей. Больше всего жилищного фонда подлежало снести Главтюменнефтегазу – 3565 домов. Но ведомства не только не выполняли планов сноса, но и продолжали застраивать и застраивали новые поселки временным неблагоустроенным жильем.

И такое положение было характерно для всех городов Ханты-Мансийского округа. Тюменское руководство нещадно подвергало критике ведомства за скверное качество жилищно-гражданского строительства в области. Особенно доставалось объединению Тюменьпромстрой и Главтюменнефтегазстрою за то,

[184] Вспоминает Валентин Владимирович Ямзин / Нефтеюганск: воспоминания, документы, публикации / Научный ред. А.В. Черноухов. – Екатеринбург: Архитектон, 1997. – С. 54-56.

[185] Отраднов А.Н. Города, как люди / Нефтегазостроители Западной Сибири. В двух книгах. Книга 2. Антология. – М.: Российский союз нефтегазостроителей, 2004. – С. 213.

[186] ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 5041. Л. 54, 446-453.

что на их домостроительных комбинатах в городах Тюмени и Сургуте до сих пор выпускали жилые дома серии 1-464 и 1-467, которые не соответствовали природно-климатическим условиям Севера[187]. При проверке строительства Нижневартовска и Мегиона осенью 1972 г. главный архитектор области В. Бешкильцев отмечал, что «Главтюменнефтегаз по существу не использует предоставленное право расходовать 5,4% от выделенных средств на жилищное строительство для строительства предприятий торговли и бытового обслуживания за счет строено-пристроенных помещений»[188]. Также местную власть волновало, что большинство зданий и домов вводились в эксплуатацию с недоделками, а генпланы городов не соблюдались.

25 апреля 1972 г. на заседании Совета Министров РСФСР были подвержены порицанию министерства РСФСР, которые неудовлетворительно выполняли правительственные решения[189]. По мнению республиканского правительства, Тюменское руководство недостаточно контролировало городское строительство. На заседании Коллегии Госстроя СССР 18 сентября 1972 г. Госстрою РСФСР было велено усилить контроль за качеством жилищно-гражданского строительства и обеспечением комплексной застройки в районах Севера[190]. Институтам ЛенНИИПградостроительства, Гипрогор и Ленгипрогор предписывалось обратить особое внимание на разработку схем расселения, организацию и методы жилищно-гражданского строительства, развитие баз стройматериалов и стройиндустрии для малых городов и мелких населенных мест региона.

9 марта 1972 г. был образован четвертый нефтяной город в ХМАО. Статус города окружного подчинения получил рабочий поселок Нижневартовский, который с начала 1970-х гг. в стратегии как нефтегазового, так и градостроительного освоения обрел первостепенное значение, поскольку Нижневартовский район становился основной базой нефтегазодобывающей промышленности Западной Сибири. Если в середине 1960-х гг. Нижневар-

[187] ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 5161. Л. 15–19.

[188] ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 5183. Л. 35.

[189] ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 1. Д. 5563. Л. 52.

[190] ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 1. Д. 5565. Л. 134-138.

товск был базой освоения Мегионского месторождения, то с конца 1960-х гг. он становится центром для эксплуатации крупнейшего нефтяного Самотлорского месторождения. Ханты-Мансийский окрисполком еще в октябре 1970 г. ходатайствовал перед Тюменским руководством о преобразовании Нижневартовского поселка в город в связи с принятием централизованной системы расселения, с присвоением ему нового имени в честь крупнейшего месторождения – город Самотлор[191]. Но поспешное, как считал облисполком, окружное решение не было поддержано в Тюмени, и получение поселком статуса города затянулось еще на полтора года.

Вопросы по повышению качества строительства и архитектурно-планировочных решений Нижневартовска имели федеральное значение и были рассмотрены на совещании у заместителя Председателя Совета Министров СССР В.Э. Дымшица в июне 1972 г[192]. Совещание способствовало проведению Госгражданстроем СССР ряда мероприятий по улучшению строительства города[193]. На СибЗНИИЭП были возложены обязанности головной проектной организации по Нижневартовску.

Развитие Нижневартовска не отвечало вызовам нефтегазодобывающих отраслей: крайне неразвитыми в городе оставались инфраструктура и благоустройство. Минпромстрой СССР плохо справлялся с функциями генподрядчика. Для строительства Нижневартовска в 1971 г. министерством был создан трест Нижневартовскжилстрой. В августе 1971 г. вышел Приказ Минпромстроя СССР «О выполнении организациями Министерства Постановления ЦК КПСС и СМ СССР от 11 декабря 1969 г. № 967»[194]. В мае 1973 г. новый Приказ: «О мерах по дальнейшему усилению и повышению качества строительства города Нижневартовска Тюменской области»[195]. В приказах отмечалось, что основной причиной невыполнения плана подрядных работ по Нижневартовску являлась недопоставка деталей домов и свай

191 ГАХМАО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1025. Л. 68-92.
192 ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 1. Д. 5563. Л. 116-117.
193 ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 1. Д. 5565. Л. 56-57.
194 ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 1. Д. 5565. Л. 78-84.
195 ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 1. Д. 5736. Л. 2-12.

главками из других регионов страны: Главзападуралстроем, Главвостоксибстроем, Главбашстроем, Главомскпромстроем.

30 ноября 1972 г. Тюменский облисполком принял решение «О соблюдении генерального плана застройки города Нижневартовска»[196]. В отличие от такого же решения по Сургуту, указывалось, что строительство Нижневартовска проводилось в основном в соответствии с утвержденным генпланом, внедрялись комплексная застройка жилых микрорайонов, малые архитектурные формы. Вместе с тем отрицательная оценка была дана местному горисполкому, который не предъявлял необходимой требовательности по застройке и развитию города. За отступления от генерального плана подверглись критике многие ведомства и предприятия: Главтюменнефтегаз, «Мегионнефть», «Нижневартовскжилстрой», «Мегионгазстрой», «Тюменьдорстрой», «Тюменьпромстрой».

На протяжении 1970-х гг. ход и качество строительства Нижневартовска находились на низком уровне. С некоторой периодичностью не выполнялись планы по вводу жилищного фонда и социально-культурных учреждений. Со значительными недоделками в эксплуатацию сдавались жилые дома, отставала прокладка инженерных сетей, плохо осуществлялось благоустройство городов. В конце 1970-х гг. Минпромстрой СССР оправдывался тем, что в Тобольске и Нижневартовске отсутствовали базы строительной индустрии, а предприятия стройиндустрии в Тюмени выполняли работу неудовлетворительно. В силу этого министерство было вынуждено подключить восемь Главстроев к поставке жилых домов и железобетонных конструкций. Однако эти поставки систематически не выполнялись Минстроем, Минтяжстроем и Минпромстройматериалами СССР. Еще одной причиной невыполнения заданий назывался медленный прирост численности рабочих на стройках из-за высокой текучести кадров и неразвитости жилищного фонда. Все это, естественно, срывало планы строительно-монтажных работ Минпромстроя[197].

В целом решения облисполкома и окрисполкома были направлены на улучшение качества городского строительства и жилищных условий горожан. Директивная часть документов в

196 ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 5183. Л. 14-20.
197 ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 1. Д. 6882. Л. 51-53.

основном касалась выполнения заданий по вводу в эксплуатацию жилых домов и культурно-бытовых объектов и подключению всего жилого фонда к сетям канализации и водопровода. Руководством отмечалась необходимость создания ведомствами служб коммунального хозяйства. Однако эти вопросы продолжали оставаться нерешенными в первой половине 1970-х гг.

Помимо Сургута и Нижневартовска, еще одним крупным городом в нефтегазодобывающих районах Тюменской области, согласно проектам Гипрогора по централизованному расселению, намечался Южный Балык, который должен был стать железнодорожным транспортным узлом, газоперерабатывающей базой и центром для освоения Мамонтовского и Южно-Балыкской группы месторождений. Итак, в 1966 г. Государственным институтом проектирования городов при проектировании Сургут-Ханты-Мансийского промрайона было выявлено три наиболее благоприятные площадки по градостроительным требованиям: Сургутская, Нижневартовская, Южно-Балыкская. Именно на этих площадках было целесообразно развитие трех населенных пунктов в большие города – до 150-200 тыс. жителей: Сургут, Нижневартовск и Южный Балык[198].

Город Южный Балык должен был стать центром расселения рабочих при эксплуатации Южно-Балыкской группы нефтяных месторождений. В 1964 г. были открыты Южно-Балыкское и Правдинское месторождения. В нефтеносный район также входило открытое 5 апреля 1965 г. крупное Мамонтовское месторождение, запасы нефти которого насчитывали 1,4 млрд. тонн. Во второй половине 1960-х гг. началась подготовка к промышленной разработке этих месторождений.

Уже в начале 1966 г. институту ЛенНИИПградостроительства было поручено проектирование города в районе Южно-Балыкских месторождений. Однако проектирование города задерживалось из-за того, что Гипрогор не успевал закончить разработку схемы Сургут-Ханты-Мансийского промрайона и не были произведены необходимые инженерно-геологические изыс-кания[199]. Только 18 мая 1967 г. Тюменским облисполкомом были

[198] ГАТО. Ф. 1933. Оп. 1. Д. 18. Л. 37-38.
[199] ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 4414. Л. 138-141.

утверждены проекты планировки Сургут-Ханты-Мансийского промрайона, разработанные Гипрогором[200]. Был принят вариант централизованного расселения с организацией «трех основных узлов расселения в Сургуте, Нижневартовске и в Южном Балыке». В проекте застройка городов намечалась капитальными многоэтажными домами, а возведение двухэтажных деревянных домов и индивидуальное строительство не предусматривалось. Теперь можно было снова говорить о формировании города Южный Балык.

В январе 1968 г. Председатель Совета Министров СССР А.Н. Косыгин просил Госстрой СССР обеспечить ускоренное завершение градостроительных проектных работ по городам Сургуту, Нижневартовску и определить местоположение города Южный Балык[201]. В марте 1970 г. Госгражданстрой СССР возложил обязанности головной проектной организации по разработке комплексной проектной документации по жилищно-гражданскому строительству, включая рабочие чертежи и авторский надзор, для города Южный Балык на институт ЛенНИИПградостроительства Госстроя РСФСР[202]. Однако проектирование города снова затянулось в силу того, что генеральные заказчики строительства городов нефтяников в Ханты-Мансийском округе – Миннефтепром и главное нефтяное управление Главтюменнефтегаз – не стремились обеспечить градостроительные институты финансированием.

Лишь 24 мая 1972 г. Тюменский облисполком согласовал эскиз генерального плана города Южный Балык, разработанный институтом ЛенНИИПградостроительства[203]. Согласно проекту, расчетная численность города должна была достигнуть 50 тыс. чел., а на первую очередь строительства (5 лет) – 22 тыс. чел. Генплан города был утвержден Тюменским облисполкомом 13 октября 1972 г[204]. Экономическая основа для развития города

[200] ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 4465. Л. 28-29.
[201] ГАТО. Ф. 1933. Оп. 1. Д. 15. Л. 185.
[202] Архивный отдел Администрации города Сургута. Ф. 80. Оп. 1. Д. 17. Л. 21.
[203] ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 5171. Л. 206-207
[204] ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 5179. Л. 294-295

определялась следующими отраслями: нефтедобыча, газоперерабатывающий завод, строительная индустрия, строительные организации, лесная промышленность, внешний транспорт.

Площадка для города располагалась в районе строящейся железнодорожной станции Южный Балык на железнодорожной линии Тюмень-Сургут. По функциональному зонированию территории города промышленная зона тяготела к железной дороге, а селитебная зона – к западу от промышленной территории. Жилищное строительство было принято в основном капитальными 5-этажными домами. Тюменский облисполком потребовал, чтобы районом первоочередной застройки становились территории, приближенные к железнодорожному вокзалу, с вариантом размещения жилой застройки вдоль железной дороги с усилением композиционной значимости привокзальной площади и магистрали, соединяющей ее с центром. Также предусматривался резерв для размещения временного жилого фонда для строителей. Город должен был иметь полное инженерное оборудование и обеспечение всеми социально-культурными и бытовыми учреждениями.

Но Миннефтепром СССР и Главтюменнефтегаз выступили резко против возведения города. В Главтюменнефтегазе проект генплана Южного Балыка получил твердый отказ во имя развития города Нефтеюганск. Нефтяники обосновывали это решение тем, что следует сосредоточивать силы на тех городах, которые уже строились, но отставали от резкой потребности в жилье[205]. Дело в том, что, пока затягивалось проектирование Южного Балыка, нефтяники самовольно и бесконтрольно застраивали город Нефтеюганск прямо на Усть-Балыкском месторождении нефти. Город фактически становился центром при эксплуатации Южно-Балыкских месторождений, вместо города Южный Балык. Для нефтяников этот сценарий был намного проще, чем возведение нового города. Но руководство Тюменской области было против дальнейшего строительства Нефтеюганска, поскольку город стоял прямо на нефтяном месторождении и непригодной для

[205] История и перспективы градостроительного освоения территорий Севера. Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс. – М.: МЦА «Суханово», 2004. – С. 157.

строительства площадке – он занимал островное местоположение на пойменных территориях реки Обь и ее протоки Юганская Обь. Город Южный Балык должен был функционально заменить Нефтеюганск, дальнейшее развитие которого прекращалось.

Однако нефтяники не стали согласовывать генплан Южного Балыка. Нефтеюганск продолжал оставаться базовым городом нефтяного района, а эксплуатация Южно-Балыкских месторождений стала осуществляться вахтами из Нефтеюганска и Сургута. В 1970 г. началась промышленная разработка Мамонтовского месторождения, из-за чего на месте проектируемого города Южный Балык Главтюменнефтегазом был возведен вахтовый поселок Мамонтово, который по факту стал базой для обустройства и эксплуатации Южно-Балыкской группы месторождений. Для постоянного места жительства трудящихся и семей Мамонтово были намечены города Нефтеюганск и Сургут. Однако отсутствие устойчивых транспортных связей, а также недостаток жилья в базовых городах привело к тому, что уже к 1971 г. Мамонтово стал для большинства трудящихся и их семей поселком постоянного проживания[206].

В 1972 г. Тюменский облисполком требовал от Главтюменнефтегаза обеспечить квартирами в базовых городах всех семейных трудящихся с детьми, занятых в обустройстве и эксплуатации Мамонтовского месторождения. В то же время облисполком посчитал целесообразным размещение жилого комплекса вахты Мамонтово на территории проектируемого города Южный Балык. Жилой поселок должен был стать районом нового города[207]. Однако строительство города не начиналось, а вахтовый поселок Мамонтово разрастался на том месте, где должен был стоять город Южный Балык. Отказавшись от строительства города, нефтяники в то же время застраивали вахтовый поселок без каких-либо градостроительных норм. Хаотичная застройка осуществлялась балками, палатками, вагон-домами и другим временным и непригодным жильем.

Рядом с поселком Мамонтово стали появляться новые населенные пункты. Один поселок формировался при строитель-

[206] ГАТО. Ф. 814. Оп. 1, Д. 5053. Л. 24-25.
[207] ГАТО. Ф. 814. Оп. 1, Д. 5053. Л. 28.

стве Южно-Балыкского газоперерабатывающего завода в 1974-1978 гг., возведение которого все-таки началось, несмотря на то, что нефтяники отказались от строительства города Южный Балык. Поселок получил название, которое должен был иметь город нефтяников, – Южный Балык. В 1976 г. рядом был поставлен поселок железнодорожников, получивший название Пыть-Ях.

В 1980 г. под влиянием Миннефтепрома СССР государство отказалось от централизованного расселения в регионе в пользу группового расселения. Нефтяникам было разрешено строить города при месторождениях, в силу чего многие вахтовые поселки стали переориентироваться в города. В 1989 г. поселки Мамонтово и Пыть-Ях были объединены в один – рабочий поселок Пыть-Ях, который в августе 1990 г. был преобразован в город окружного подчинения. Впоследствии поселок газовиков Южный Балык стал микрорайоном города Пыть-Ях.

Как справедливо отмечал архитектор С.Н. Лесков, отказавшись от строительства города Южный Балык вблизи Мамонтовского месторождения на свободной территории, Миннефтепром СССР против своей же воли, в силу объективной необходимости пришел к формированию города Пыть-Ях, расположенного непосредственно на нефтяном месторождении[208]. То есть министерство повторило градостроительную ошибку, какая произошла при возведении Нефтеюганска в начале 1960-х гг.

Таким образом, проектирование и строительство города Южный Балык, который, к сожалению, так и не был возведен, а на его месте из разрозненных ведомственных поселков был возведен город Пыть-Ях, показывает, что возведение городов нефтяников в Западной Сибири во многом определялось ведомственными и отраслевыми интересами, которые шли вперекор региональным и городским интересам и нормальной практике градостроительного планирования. Тотальная ведомственность в решении проектирования и строительства городов мешала созданию научно обоснованной системы расселения в нефтегазодобывающих районах Западной Сибири.

[208] Лесков С.Н. Градостроительная политика в нефтегазодобывающих районах в переходный период (на примере Тюменской области): дисс. … канд. арх.: 18.00.04. – Москва, 2000. – С. 79.

Итак, в 1970-х гг. Тюменским облисполкомом запрещалось возведение новых крупных поселений, эксплуатация месторождений должна была осуществляться только вахтовым методом, а проживать рабочие с семьями должны были в базовых городах. Однако на практике получалось по-другому. Из истории проектирования Южного Балыка ясно, что, не обращая внимания на решения облисполкома и окрисполкома, ведомства застраивали вахтовые поселки, которые постепенно превращались в настоящие рабочие поселки с населением в несколько тысяч человек (Пойковский, Мамонтово).

В ноябре 1971 г. областным отделом по делам строительства и архитектуры была проведена комиссия по проверке строительства Главтюменнефтегазом поселков Пойковский, Мамонтово, Белый Яр и Мегион[209]. Комиссия обратила внимание на плохое благоустройство поселков и допущение отставания в строительстве жилья. В декабрьском решении по этому вопросу предписывалось «обратить внимание Главтюменнефтегазу (т.т. Муравленко, Парасюк) на неудовлетворительную застройку, обустройство и плохое санитарное состояние в поселках»[210]. От ведомства было потребовано срочно обеспечить поселки генеральными планами и схемами застройки первой очереди, произвести в них санитарную очистку. Заместитель начальника Главтюменнефтегаза по капитальному строительству А.С. Парасюк заявлял осенью 1971 г., что «семьи рабочих, занятых обустройством и эксплуатацией Правдинского и Мамонтовского месторождений и проживающие в поселках Пойковский и Мамонтово, будут в течение 1972-1973 гг. переселены в гг. Нефтеюганск и Сургут, для чего в этих городах будет обеспечено строительство необходимого количества жилья»[211]. Но переселение семей не было осуществлено, и вахтовые поселки продолжали расти, превращаясь в города.

В январе 1973 г. Тюменскую область посетил Председатель Правительства СССР А.Н. Косыгин. На совещании им было поручено разработать Госгражданстроем СССР мероприятия по

[209] ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 5053. Л. 24-34.
[210] ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 5053. Л. 11.
[211] ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 5053. Л. 11-12.

улучшению строительства жилых домов в городах и поселках области[212]. Госгражданстрой, Тюменские обком КПСС и облисполком обязывались проверить ход выполнения постановления Совета Министров СССР от 1971 г. Доклад по итогам этой проверки обращал внимание на ряд положительных моментов, но в целом реализация постановления признавалась неудовлетворительной[213]. Причина виделась в неосуществлении заданий по вводу в действие большинства объектов стройиндустрии и промышленности строительных материалов. Образовался значительный дефицит железобетонных изделий для возведения жилых домов в 1973-1975 гг. За невыполнение своих обязанностей порицались заказчики и подрядчики – Миннефтепром, Мингазпром и образованное в сентябре 1972 г. Министерство строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности (Миннефтегазстрой). За строительство Нижневартовска критиковался подрядчик Минпромстрой СССР. С точки зрения докладчиков, «рост заданий по добыче нефти, сверх намеченных пятилеткой, не подкрепленный соответствующей программой жилищного и культурно-бытового строительства, может еще более усугубить положение, если не будут приняты неотложные меры»[214]. Однако неотложные меры не принимались.

Ведомства не стремились уменьшить диспропорции между развитой промышленной индустрией и неполноценной социокультурной сферой. 21 мая 1975 г. Тюменским облисполкомом было принято решение «О мерах по дальнейшему улучшению жилищного и культурно-бытового обслуживания трудящихся городов Нижневартовска, Сургута, Нефтеюганска и Надыма»[215]. В нем констатировалось, что постановление Совета Министров СССР от 1971 г. выполнялось неудовлетворительно, а планы по строительству и благоустройству городов не реализовывались. Например, за истекшие четыре года ввод в эксплуатацию жилых домов составил 63% к намеченным объемам, общеобразовательных школ – 74%, детских дошкольных учреждений – 41%, учреждений здравоохранения – 30%, культуры – 25%, предприятий торговли – 27%. Большое внимание в решении было уделено вопросам развития торговли и общественного питания в городах, которое находилось в плачевном состоянии. Давалась плохая оценка благоустройству городов.

[212] ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 1. Д. 5729. Л. 81.
[213] ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 1. Д. 5731. Л. 63-67.
[214] ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 1. Д. 5731. Л. 65.
[215] ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 5545. Л. 29-35.

Руководители области пошли на радикальные меры. До сведения Главтюменнефтегаза, Главтюменнефтегазстроя и «Тюменгазпрома» доводилось, что если ими не будут проведены мероприятия «по коренному улучшению водоснабжения и канализования гг. Нижневартовска, Нефтеюганска, Сургута и Надыма, облисполком вынужден будет ограничить въезд трудящихся в эти города до приведения их в надлежащее санитарное состояние»[216].

В целях повышения архитектурного облика городов горисполкомам обязывалось принять меры по увеличению строитель-ства домов повышенной этажности, обеспечить в течение 1975-1978 гг. переселение семей, проживающих в балках и бараках, в благоустроенные жилые дома, а также способствовать прекращению самовольного строительства времянок, запретить всем организациям дальнейшую установку вагончиков на городской территории.

В июле 1975 г. Госплан СССР сообщал, что за 1971-1974 гг. задание по введению жилых домов в эксплуатацию Миннефтепромом было выполнено на 84,4%, а Мингазпромом – на 34,9%[217]. Рассмотрев замечания и предложения, высказанные на пленумах партийных комитетов и собраниях партийного актива Тюменской области, Государственный комитет отвечал, что для улучшения темпов городского строительства Миннефтегазстрою необходимо ускорить возведение предприятий стройиндустрии и промышленности строительных материалов, а также принять меры к укреплению строительных организаций кадрами квалифицированных рабочих и обеспечению их техникой и транспортом[218].

[216] ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 5545. Л. 33.
[217] ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 1. Д. 6069. Л. 55.
[218] ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 1. Д. 6069. Л. 56.

3 февраля 1976 г. Тюменским облисполкомом было принято решение «О выполнении генеральных планов застройки городов Сургута и Нефтеюганска»[219]. Указывалось, что по итогам девятой пятилетки строительство городов осуществлялось в основном в соответствии с генпланами. В то же время отмечалось, что застройка велась некомплексно, а архитектурно-планировочные решения реализовывались не полностью, за что обвинялись горисполком, предприятия города и генеральный заказчик Главтюменнефтегаз.

Критическая позиция руководителей Тюменской области обусловила то, что в начале 1975 г. начальником Главтюменнефтегаза В.И. Муравленко перед республиканским правительством был поставлен вопрос об увеличении в 1975 г. и в последующих годах объема жилищного строительства в нефтегазодобывающих районах и о привлечении организаций Минэнерго СССР к работам по капитальному и промышленному строительству[220]. В.И. Муравленко хорошо осознавал проблему: «Самой трудной проблемой для нефтяников и строителей были и остаются вопросы застройки городов, рабочих поселков и культурно-бытовых учреждений. Отсутствие должных промышленных баз, местных материалов приводит к срывам планов в развитии жилищной и культурной базы нефтяников»[221].

С этого времени начинался новый этап развития нефтегазодобывающей промышленности Западной Сибири. Вырабатывалась новая стратегия развития ЗСНГК, для которой было характерно «стремление обеспечить сбалансированное развитие всех сфер функционирования комплекса, преодолеть наметившиеся диспропорции»[222]. Начало положило совместное Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О развитии нефтяной и

---

[219] ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 5662. Л. 20-23.

[220] ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 1. Д. 6069. Л. 43.

[221] Муравленко В.И. Перспективы развития нефтегазодобычи в северных районах Тюменской и Томской областей // Труды НИИСХ Сев. Зауралья. Вып. 24: Организационно-экономические проблемы развития сельского хозяйства в Северном Зауралье. – Тюмень, 1977. – С. 41.

[222] Колева Г.Ю. Стратегия развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса (1960-1980-е гг.) // Вестник Томского государственного университета. – 2007, № 300. – С. 98.

газовой промышленности в Западной Сибири в 1977-1980 годах», которое было принято 16 мая 1977 г.[223] В постановлении отмечалось, что нефтегазодобывающий район Западной Сибири «приобретает решающее значение для дальнейшего развития экономики страны». Директивная часть посвящалась вопросам строительства объектов производства и объектов, которые их обслуживали, – нефтепроводов, газопроводов, электрических станций, линий электропередач, автомобильных дорог, мостов, железнодорожных дорог и участков, взлетно-посадочных полос, речных причалов, предприятий строительной индустрии и деревообрабатывающей промышленности, жилищного фонда.

Для улучшения организации управления капитальным строительством, главным органом, осуществляющим сооружение жилых домов, объектов коммунального хозяйства, культурно-бытового назначения, здравоохранения и просвещения в городах и поселках, назначалось Министерство строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности СССР (Миннефтегазстрой СССР), кроме Нижневартовска, где главным подрядчиком оставался Минпромстрой. Постройку жилых домов для нефтяников и газовиков также должны были осуществлять Минпромстрой и Министерство энергетики и электрификации СССР. Из ведения Миннефтепрома и Мингазпрома СССР изымались предприятия бытового обслуживания и передавались в руки Министерства бытового обслуживания.

Значительное место в постановлении было уделено развитию Нижневартовска. Во-первых, комплексное строительство Нижневартовска возлагалось на Минпромстрой СССР, а не на Миннефтегазстрой СССР. Во-вторых, строительным министерствам давалось задание обеспечить комплексную поставку в 1977-1980 гг. конструкций и деталей крупнопанельных домов Минпромстрою СССР для строительства Нижневартовска. В-третьих, Верхнесалдинский металлообрабатывающий завод должен был обеспечить поставку в Нижневартовск объемно-блочных домов общей площадью 20-30 тыс. кв. метров ежегодно. В-четвертых, в 1977 г. по предложению Минпромстроя СССР в Нижневартовске организовывалось производственное строительно-монтажное объединение (Нижневартовскстрой). В-пятых, в Нижне-

---

[223] ГАТО. Ф. 814. Оп. 5. Д. 835. Л. 281об-288об.

вартовске обеспечивалось строительство Дома техники, гостиницы на 400 мест, больницы на 600 коек, поликлиники на 1200 посещений и спортивного комплекса. Ни одному городу в регионе не было уделено столько внимания. Все меры предусматривались с целью комплексного развития города на Оби, чтобы тот стал надежной социально-культурной базой для работников, осваивающих важнейшее Самотлорское нефтяное месторождение.

Социальные вопросы развития городов не рассматривались отдельно в постановлении 1977 г., однако Госплану СССР и Государственному комитету Совета Министров СССР по труду и социальным вопросам совместно с Министерством финансов СССР и ВЦСПС давалось задание внести в Правительство СССР предложения по улучшению социально-бытовых условий рабочих. На основе этих предложений 9 февраля 1978 г. ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли Постановление «О мерах по дальнейшему улучшению социально-бытовых условий работников предприятий, организаций и строек нефтяной и газовой промышленности Западной Сибири»[224]. А затем в апреле 1978 г. на совещании СМ СССР А.Н. Косыгин поручил министерствам рассмотреть вопрос о повышении качества проектирования и строительства жилых домов и культурно-бытовых объектов в новых городах Западной Сибири[225].

Постановлением признавалось, что развитие Западно-Сибирского нефтегазового комплекса зависело «от дальнейшего улучшения социально-бытовых условий нефтяников, работников газовой промышленности, геологов и строителей, закрепления квалифицированных кадров в этом районе». Документ в первую очередь определял мероприятия по городской застройке: обеспечение строительными материалами и конструкциями, сооружение жилых домов, общежитий и пансионатов, обеспечение развития речного транспорта и укрепления причалов. Утверждались основные цифры по строительству объектов городского благоустройства по каждому министерству. Основными исполнителями выступали Миннефтегазстрой, Миннефтепром и Мингазпром. Далее определялись задания по строительству и расширению пред-

224 ГАТО. Ф. 814. Оп. 5. Д. 855. Л. 165об-168об.
225 ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 1. Д. 6669. Л. 136-139.

приятий стройиндустрии. Постановление требовало в первом полугодии 1979 г. пересмотреть и скорректировать генпланы городов Сургута, Нижневартовска и Нефтеюганска, которые в 1970-х гг. стали бесспорными центрами расселения в ХМАО. Также было поручено разработать генпланы ямальских городов газовиков Надыма и Нового Уренгоя. Выполнение постановления было взято под жесткий контроль. Ход строительства жилых домов и объектов соцкультбыта в Западной Сибири в первом полугодии 1979 г. трижды рассматривался в Совете Министров СССР[226].

Корректировка генеральных планов гг. Сургута, Нефтеюганска, Надыма (институтом ЛенНИИПградостроительства) и Нижневартовска и будущего города Нового Уренгоя (Гипрогором) была завершена к лету 1979 г[227]. 17 октября 1979 г. откорректированные генпланы были утверждены решением облисполкома[228]. Пересмотр генпланов был связан с тем, что увеличение объемов нефтегазодобычи и размещение дополнительных производственных объектов в городах привело к росту численности населения в больших объемах, чем было запланировано в генеральных планах 1960-х гг. Показатели численности населения основывались на прогнозных материалах ведомств-заказчиков Миннефтепрома, Мингазпрома о промышленных запасах нефти и газа, которые также часто менялись, уточнялись, пересматривались[229], поэтому изменение генпланов было неизбежно. Так, по генплану Сургута, принятому в 1969 г., численность населения города на расчетный срок 25-30 лет предусматривалась 130 тыс. чел. и на первую очередь строительства до 1980 г. – 80 тыс. чел. Однако уже в начале 1979 г. в городе проживало 107 тыс. чел[230]. Генплан Нефтеюганска предусматривал для города 18 тыс. чел. на 1980 г., но к этому времени город вырос до 31,6 тыс. чел[231]. Единственным городом, который развивался в

226 ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 1. Д. 6879. Л. 45.
227 АОАГС. Ф. 80. Оп. 1. Д. 102. Л. 122-140.
228 ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 6140. Л. 54-55.
229 Из воспоминаний А.Н. Отрадного / История и перспективы градостроительного освоения территорий Севера. Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс. – М.: МЦА «Суханово», 2004. – С. 260.
230 АОАГС. Ф. 80. Оп. 1. Д. 102. Л. 123об.
231 АОАГС. Ф. 80. Оп. 1. Д. 102. Л. 125об.

1970-х гг. в соответствии с генпланом, был Нижневартовск: 1 января 1979 г. в городе проживало 109 тыс. чел., а генпланом на 1980 г. было предусмотрено 110 тыс. чел[232].

Предлагались разные варианты развития городов. Многие ратовали за увеличение к 2000 г. численности населения городов Сургута и Нефтеюганска до 350 тыс. чел. и 100 тыс. чел. соответственно. Для Сургута также называлась цифра в 500-550 тыс. чел. в случае размещения в городе газохимического комплекса НПО «Пластполимер». Госплан СССР не исключал, что население Сургута могло достичь 1 млн. чел[233].

Для Сургута был принят генплан, который предусматривал увеличение численности горожан до 170 тыс. чел. на первую очередь строительства до 1985 г. и 300 тыс. чел. до 2000 г. с резервами территории на более отдаленную перспективу[234]. Для Нефтеюганска были приняты другие цифры: 100 тыс. чел. – на перспективу, 75 тыс. чел. на первую очередь строительства[235]. Новый генплан Нижневартовска предусматривал рост населения города до 250 тыс. чел. на расчетный срок и 170 тыс. чел. на первую очередь до 1985 г[236]. Новые генпланы предопределили развитие базовых городов ХМАО в последующие двадцать лет, но в то же время невозможно говорить об их полной реализации.

Были «объективные» причины несоблюдения министерствами и ведомствами генеральных планов городов и другой градостроительной документации. Схемы и проекты районных планировок, проекты детальной планировки и застройки городов в Советском Союзе носили рекомендательный характер и не имели никакого юридического статуса, не были подкреплены никакими директивными или нормативными актами[237]. Вдобавок на местном уровне этим схемам и проектам уделялось мало внимания.

[232] АОАГС. Ф. 80. Оп. 1. Д. 102. Л. 128.
[233] ГАТО. Ф. 1933. Оп. 1. Д. 48. Л. 30-31.
[234] АОАГС. Ф. 80. Оп. 1. Д. 102. Л. 124.
[235] АОАГС. Ф. 80. Оп. 1. Д. 102. Л. 125об.
[236] АОАГС. Ф. 80. Оп. 1. Д. 102. Л. 128.
[237] Вайтенс А.Г., Косенкова Ю.Л. Развитие правовых основ градостроительства в России XVIII-XXI веков. Опыт исторического исследования. – Обнинск: Институт муниципального управления, 2006. – С. 235-239.

Но нельзя сказать, что такая практика была свойственна Тюменским властям. Наоборот, в 1960-1970-х гг. на заседаниях облисполкома и обкома КПСС эти вопросы поднимались неоднократно. Также неопределенный юридический статус был у генеральных планов. Большинство генпланов городов не подтверждались общесоюзными и республиканскими законами, только для Москвы и Ленинграда эти функции выполняли партийно-правительственные постановления. Однако генпланы городов нефтегазодобывающих районов Западной Сибири составляли исключение. Они, конечно, не подтверждались специальными постановлениями ЦК КПСС и Совета Министров СССР, но их разработка и корректировка утверждались в постановлениях, посвященных социальному и промышленному развитию нефтегазового комплекса Западной Сибири. Вместе с тем директивы по реализации генпланов в постановлениях отсутствовали, что нивелировало их значимость. Кроме того, как указывают А.Г. Вайтенс и Ю.Л. Косенкова, генпланы разрабатывались на расчетный срок 25-30 лет без обеспечения ресурсами и увязки с пятилетними планами развития народного хозяйства, представляли собой идеальную статистическую картинку будущего, не учитывали скрытые в городах противоречия[238]. В результате генпланы постоянно перерабатывались и устаревали еще до их утверждения. По мнению тех же исследователей, корректировка генпланов в зависимости от промежуточных результатов их реализации в Советском Союзе отсутствовала, что опять же делало их неэффективными. Города же нефтяников и газовиков постоянно обеспечивались новыми генеральными планами (можно выделить периоды их корректировки: 1964-1965 гг., 1968-1970 гг., 1978-1979 гг., 1982 г., конец 1980-х гг.). Однако они не достаточно учитывали возрастающие объемы нефтегазодобычи, размещение промышленных объектов и темпы роста населения. Таким образом, неясный правовой статус и ограниченный характер генпланов способствовали их нарушению министерствами и ведомствами.

[238] Вайтенс А.Г., Косенкова Ю.Л. Развитие правовых основ градостроительства в России XVIII-XXI веков. Опыт исторического исследования. – Обнинск: Институт муниципального управления, 2006. – С. 237-238.

Несмотря на то, что окружные органы власти поддержали систему централизованного расселения, с середины 1970-х гг. в ХМАО по инициативе руководства округа стали возникать новые рабочие поселки: Белоярский (1974 г.), Нях (1976 г.), Новоаганск (1978 г.), Барсово (1979 г.), Мамонтово (1979 г.). В 1978 г. окрисполком просил облисполком преобразовать вахтовый поселок Радужный в рабочий поселок, но был получен отказ[239]. Появление новых рабочих поселков шло вразрез со схемой расселения «базовый город – вахтовый поселок».

Но в целом акцентировав внимание в директивах на застройке базовых городов, ведомства фактически не вели капитальное строительство в рабочих поселках ХМАО. Показательная ситуация сложилась вокруг рабочего поселка Мегион. В 1973 г. был утвержден генеральный план развития поселка, разработанный Сибирским филиалом института Гипрогеолстрой[240]. Численность Мегиона намечалась в размере 15 тыс. чел.

В генплане поселка от 1973 г. указывалось, что он входил «в агломерацию г. Нижневартовска, а его развитие ограничивается завершением обустройства существующих предприятий»[241]. Однако ведомства не собирались считаться с генпланом и хаотично застраивали поселок. В 1976 и 1979 гг. окружком КПСС и окрисполком безрезультатно ходатайствовали перед облисполкомом и обкомом о преобразовании рабочего поселка Мегион в город окружного подчинения[242]. В конечном итоге в 1979 г. руководству Тюменской области и начальникам основных главков было послано коллективное письмо от депутатов областного, окружного, районного и поселкового Советов. Депутаты резко осудили деятельность ведомств, которая стала главным фактором деградации жилищно-бытовых условий в Мегионе. Еще в начале 1976 г. они обращались в Миннефтепром СССР с просьбой немедленно принять меры. На что от заместителя министра Ш.С. Донгаряна был получен следующий ответ: «Миннефтепром

[239] ГАХМАО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1274. Л. 17-19.
[240] ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 5299. Л. 425-426.
[241] ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 5299. Л. 425-426.
[242] ГАХМАО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1247. Л. 111; ГАХМАО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1335. Л. 231-232.

считает нецелесообразным свое участие в дальнейшем развитии поселка Мегион, а также размещение в нем нефтегазодобывающего управления»[243]. Но нефтяники, вопреки этому заявлению, расположили в городе не одно предприятие, а количество работающих в нефтяной промышленности увеличилось в три раза – с 1850 до 5700 чел.

Из-за отставания в строительстве социально-культурных и коммунальных объектов в 1976 г. Тюменский облисполком запретил дальнейшее возведение жилых домов в поселке до исправления сложившейся ситуации главками. Но ведомства не хотели решать проблемы, а самовольно принялись застраивать поселок жилыми домами: за 1976-1978 гг. ими было построено свыше 12 тыс. кв. метров[244]. Но этого не хватало. Депутаты отмечали, что ведомства, «комплектуя управления без жилья, вынуждены сначала селить людей в общежитие, а затем, когда приезжает семья, рабочие получают вагончик или строят временное жилье, по-северному называют «балки». Их в Мегионе более тысячи, в которых проживают более трех тысяч человек»[245]. В 1979 г. комиссия по проверке письма группы депутатов констатировала: «Неудовлетворительное положение с жилищно-бытовым и коммунальным обслуживанием населения поселка явилось следствием того, что Главтюменнефтегаз, организации Министерства строительства нефтяной и газовой промышленности превысили предусмотренную генпланом численность градообразующих кадров поселка в 2-2,5 раза»[246]. Депутаты выступили за строительство в ближайшие годы 150 тыс. кв. м жилья и преобразование поселка Мегион в город, что должно было способствовать развитию населенного пункта. Понимая, что дальнейшее хаотичное расширение поселка недопустимо, прошение депутатов было принято. 11 июля 1980 г. Мегион получил статус города, а институт Тюменьгражданпроект принялся за разработку генплана города с расчетной численностью населения 60 тыс. чел.

[243] ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 6218. Л. 171.
[244] ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 6218. Л. 139.
[245] ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 6218. Л. 177.
[246] ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 6218. Л. 138.

Между ведомствами не было координации. Отношения строительных министерств со своими заказчиками во многом строились на том, с какой симпатией или антипатией относились руководители строек и подрядных министерств к своим заказчикам-министерствам[247]. По воспоминаниям Ш.С. Донгаряна, «строительные министерства не принимали заказы от Миннефтепрома. Это особенно касалось возведения жилья, объектов соцкультбыта, нефтяного машиностроения в тех районах и городах, где не было строительных организаций Миннефтегазстроя СССР»[248]. Для решения этой проблемы в Миннефтепроме создавались собственные строительные тресты: «Каждое нефтегазодобывающее управление в своем составе должно иметь строительно-монтажную организацию для выполнения тех работ, которые неохотно принимались подрядными организациями»[249].

По мнению архитектора А.Н. Отраднова, ведомственность в строительстве городов была связана с тем, что на высшем уровне своевременно не был выработан эффективный механизм объединения финансовых средств различных министерств. «Они не концентрировались в руках одного заказчика, одного застройщика. Каждое ведомство строило дома для своих людей, руководствуясь одному ему известными целями, пользуясь своими проверенными каналами, поставляющими разнокалиберные жилые дома из Уфы, Омска, Новосибирска, других российских городов»[250].

Но в то же время во второй половине 1970-х гг. руководство Тюменской области нередко шло на поводу у ведомств, поощряло их некоторые начинания, которые в будущем могли только усилить городские проблемы. Например, обком КПСС настаивал, чтобы Госплан СССР увеличил поставки деревянных жи-

---

[247] Донгарян Ш.С. Подвиг созидателей / Нефтегазостроители Западной Сибири. В двух книгах. Книга 1. Антология. – М.: Российский союз нефтегазостроителей, 2004. – С. 204.

[248] Там же.

[249] Там же.

[250] Отраднов А.Н. Города, как люди / Нефтегазостроители Западной Сибири. В двух книгах. Книга 2. Антология. – М.: Российский союз нефтегазостроителей, 2004. – С. 213.

лых домов для организаций нефтегазодобывающих районов. По мнению первого секретаря обкома Г.П. Богомякова, поставка таких домов должна происходить в объеме 450-500 тыс. кв. метров[251]. А ведь раньше местная власть выступала всегда против деревянного строительства в городах. Весной 1978 г. обком КПСС даже просил Госстрой СССР включить площадь деревянных блочных домов, изготовленных Пышминским лесокомбинатом, в статистическую отчетность по вводу жилья в области. Госстрой ответил резким отказом, обосновывая это решение тем, что такие дома являлись временными жилыми домами, а значит, не относились к объектам жилищного строительства[252].

Имевшая место до 1970 г. практика выполнения проектных работ для городов и поселков техническими институтами министерств и ведомств показала, что они были не в состоянии справиться с такой задачей. По просьбе Тюменского руководства Госстрой РСФСР возложил эту работу на ведущие, специализированные градостроительные институты. Но с середины 1970-х гг. местная власть, уступая ведомствам и якобы в целях ускорения темпов строительства, неоднократно просила у Госгражданстроя разрешить разработку проектов детальной планировки застройки первой очереди техническим ведомственным институтам[253]. На что постоянно получала отказ. Например, в конце 1976 г. Тюменский обком ратовал перед Госстроем СССР за институт Гипротюменнефтегаз Миннефтепрома, чтобы тому разрешили осуществлять проектно-планировочные работы для жилищно-гражданского строительства в городах и поселках[254].

Но постепенно происходило преодоление узковедомственных интересов в градостроительной политике. 26 ноября 1979 г. Миннефтепром, Мингазпром, Минефтехимпром, Миннефтегазстрой, Минпромстрой, Госгражданстрой СССР и Госстрой РСФСР выпустили совместный Приказ «Об утверждении мероприятий по улучшению архитектуры, застройки и благоустройства горо-

---

[251] ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 1. Д. 6669. Л 28-29.

[252] ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 1. Д. 6678. Л. 47-8.

[253] ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 1. Д. 5923. Л. 6-8.

[254] ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 1. Д. 6283. Л. 236-237.

дов и поселков Тюменской области, повышению качества строительства жилых домов и объектов соцкультбыта, развитию базы индустриального домостроения на 1979-1980 гг. и 1981-1985 гг.»[255]. Объединения Миннефтепрома СССР назначались едиными заказчиками в городах и поселках Ханты-Мансийского округа: Сургуте и Лянторском – Сургутнефтегаз; Нижневартовске, Радужном, Мегионе, Лангепасе, Покачевском, Повховском, Когалымском – Нижневартовскнефтегаз; Нефтеюганске, Пойковском и Мамонтово – Юганскнефтегаз; Урае и Красноленинском – Урайнефтегаз. Подрядчиком назначалось Миннефтегазстрой, кроме Нижневартовска, Радужного, Мегиона, Лангепаса, Покачевского, Повховского – на эти города функции подрядной организации возлагались на объединение Нижневартовскстрой Минпромстроя СССР. Приказ также определял генеральных проектировщиков и проектные работы для населенных пунктов, меры и директивы по повышению качества и развитию индустриальной базы жилищно-гражданского строительства, улучшению архитектурного облика, застройки и благоустройства городов. Уделялось особое внимание проектам застройки ансамблей общественных центров, центральных улиц, площадей и набережных городов.

Однако какие бы решения государство ни принимало, градостроительные проблемы только множились. Со стороны региональной власти не утихала критика городского развития. В декабре 1979 г. на XII сессии областного Совета народных депутатов отмечалось, что «в застройке городов все еще имеет место однообразие архитектурных решений, фасады многих зданий имеют непривлекательный вид, медленно формируются общественные центры, застройка жилых микрорайонов осуществляется некомплексно, с отставанием строительства объектов культурно-бытового назначения и инженерных коммуникаций»[256].

Диспропорции в социальном развитии региона вели к кризису в нефтегазодобывающей промышленности Западной Сибири. В конце 1979 г. директором Института экономики и организации промышленного производства СО АН СССР академиком

[255] ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 1. Д. 6883. Л. 20-39.
[256] ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 6218. Л. 318.

А.Г. Аганбегяном была представлена записка «Об узловых вопросах развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса» президенту АН СССР академику А.П. Александрову. Записка поднимала острые вопросы и давала толчок новым подходам в развитии ЗСНГК. Наиболее острой проблемой академик считал отставание в жилищном строительстве, указывая на «катастрофическое положение» с обеспечением возрастающей численности работников жильем и соцкультбытом. А.Г. Аганбегян полагал, что от решения данной проблемы зависело будущее топливно-энергетической базы: «Совершенно очевидно, что если в течение ближайших 2-3 лет коренным образом не исправить это положение, организовав здесь массовое жилищное и социально-бытовое строительство, то перспективные планы добычи нефти и газа будут сорваны»[257]. Главным виновником отставания жилищного строительства академик объявлял Минпромстрой СССР, которое не выполняло возложенные на него правительством задания. В записке были предложены следующие меры для реанимации социальной системы региона: 1. Организация шефской помощи со стороны организаций Москвы, Ленинграда и других городов и республик; 2. Принятие перспективного плана добычи нефти и газа до 1990 г., с отдельными заданиями до 2000 г.; 3. Создание Комиссии Президиума СМ СССР по ЗСНГК. Эти меры требовали скорейшего принятия.

Таким образом, начала рушиться схема расселения «базовый город – вахтовый поселок». Во-первых, под влиянием Миннефтепрома СССР централизованное расселение в нефтедобывающих районах было осуществлено в ином варианте, помимо городов Сургут, Урай и Нижневартовск, в Среднем Приобье росли непредусмотренные планами города Нефтеюганск и Мегион и вахтовый поселок Мамонтово, а спроектированный город Южный Балык не нашел поддержки у нефтяников. Во-вторых, на практике создание вахтовых поселков осуществлялось без каких-либо проектов и диктовалось исключительно интересами ведомств[258]. Схема

[257] ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 1. Д. 6879. Л. 119.
[258] Гаврилова Н.Ю. Градостроительная модель освоения нефтегазодобывающих районов Западной Сибири // Налоги, инвестиции, капитал. 2002, № 1-2. – С. 234.

«базовый город – вахтовый поселок» деформировалась из-за того, что нефтяники не понимали суть временных благоустроенных вахтовых поселений, искали более легкие подходы градостроительного освоения, хаотично застраивая эти поселки и увеличивая в них рабочий персонал. Главный архитектор А.Н. Отраднов вспоминал: «Принятая схема расселения «базовый город–вахтовый поселок» не оправдывала себя в данной градостроительной ситуации. В базовых городах не хватало жилья. Вводимые объемы жилищного строительства не обеспечивали расселение ежегодного прироста населения – в городах по 10-12 тыс. человек. Несмотря на жесткую линию по сдерживанию роста временных, вахтовых поселков непосредственно на месторождениях, вокруг базовых городов стихийно формировались крупные поселения. ... Да и базовые города состояли из отдельных, самостоятельных поселков»[259].

Итак, в 1970-х гг. государственная стратегия развития нефтяных городов ХМАО определялась постановлениями 1969 и 1971 гг. Государство поддержало централизованную схему расселения – был выбран курс на создание крупных городов. Вместе с тем противоречия между местной властью и ведомствами, которые зародились в 1960-х гг., не были преодолены. На практике ведомства застраивали вахтовые поселки и неохотно осуществляли жилищное и социально-культурное строительство и благоустройство в городах нефтяников, что вызывало недовольство со стороны областного и окружного руководства. Окружные органы власти все больше отходили от принятой системы расселения и обращали внимание на создание в регионе новых городов и рабочих поселков. Хроническое невыполнение заданий по жилищно-гражданскому и социально-культурному строительству вело к пересмотру всего курса градостроительного освоения нефтегазодобывающих районов.

[259] Из воспоминаний А.Н. Отрадного // История и перспективы градостроительного освоения территорий Севера. Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс. – М.: МЦА «Суханово», 2004. – С. 259.

Глава V.

НОВАЯ КОНЦЕПЦИЯ ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОГО ОСВОЕНИЯ (1980-е – начало 1990-х гг.)

В конце 1970-х гг. Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс переживал кризис. В развитии комплекса наметились существенные диспропорции. От производственного развития значительно отставало строительство объектов городской инфраструктуры, жилья и социально-культурных учреждений. В силу этого оставалась высокой текучесть кадров. Планы по добыче нефти периодически не выполнялись. Падали темпы добычи нефти с крупных месторождений, последовал ввод в эксплуатацию более мелких месторождений с малыми дебитами, разбросанных на огромной территории ХМАО. Вахтовые поселки все дальше удалялись от базовых городов. В них появлялось постоянное население. Политика нефтяных ведомств фактически сорвала реализацию градостроительной концепции «базовый город – вахтовый поселок». Главный архитектор А.Н. Отраднов вспоминал, что «к 1980 году стало очевидным, что для создания надлежащих жилищно-бытовых условий северян необходима новая градостроительная политика освоения, наиболее полно отвечающая задачам эффективного использования природных богатств региона»[260].

Главными сторонниками смены градостроительной концепции были нефтяники. Они требовали формирования такой системы расселения, которая смогла бы приблизить жилье к месторождениям или объектам межпромыслового обслуживания, т.е. возврата к традиционному, стационарному, расселению посредством множества мелких населенных пунктов[261]. Инициатором принятия новой – групповой – схемы расселения нефтяников и

[260] Из воспоминаний А.Н. Отрадного // История и перспективы градостроительного освоения территорий Севера. Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс. – М.: МЦА «Суханово», 2004. – С. 260.

[261] Бот Ю.К. Особенности развития Тюменского нефтегазового комплекса и формирования его трудовых ресурсов / Ю.К. Бот // Проблемы развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса. – Новосибирск: Наука, 1983. – С. 211.

газовиков в ЗСНГК выступил Миннефтепром СССР, который заказал ее разработку у Гипрогора. Новая схема расселения была предложена Совету Министров СССР заместителем министра нефтяной промышленности Ш.С. Донгаряном[262].

Новый государственный подход к градостроительному освоению нефтегазодобывающих районов отразился в партийно-правительственном Постановлении № 241 от 20 марта 1980 г. «О неотложных мерах по усилению строительства в районе Западно-Сибирского нефтегазового комплекса»[263]. В значительной степени документ основывался на тех предложениях, которые были изложены в записке академика А.Г. Аганбегяна. Причиной сдерживания дальнейшего развития ЗСНГК признавалось отставание строительства объектов производственного и непроизводственного назначения, особенно жилых домов и автомобильных дорог.

Миннефтегазстрою и Минпромстрою СССР давалась неудовлетворительная оценка по выполнению постановлений 1977 и 1978 гг., вследствие чего партия и правительство дополнительно привлекали строительные организации Министерства строительства предприятий тяжелой индустрии СССР, Министерства строительства СССР, Министерства промышленности строитель-ных материалов СССР к строительству городов нефтяников и газовиков. Более того, в строительство вовлекались организации, подведомственные Советам Министров союзных республик России, Украины, Белоруссии, Узбекистана, Казахстана, Литвы, Латвии и Эстонии, а также горисполкомам Москвы и Ленинграда. Привлекаемые организации должны были осуществлять строительство по субподрядным договорам с Миннефтегазстроем и Минпромстроем СССР, на которых возлагались работы, связанные с устройством фундаментов и объектов социально-бытового назначения, с прокладкой наружных коммуникаций и благоустройством. Следует сказать, что в последующем именно организации союзных республик первыми выполняли планы по строительству жилья, в то время как Миннефтегазстрой, Минпромстрой, Миннефтепром, Мингазпром, Минэнерго СССР продолжали систематически не выполнять задания.

[262] Донгарян Ш.С. Подвиг созидателей // Нефтегазостроители Западной Сибири: в 2 кн. Кн. 1: Антология. – М.: Российский союз нефтегазостроителей, 2004. – С. 207.
[263] ГАТО. Ф. 814. Оп. 5. Д. 1673. Л. 202–229.

Определялись генеральные подрядчики по всем городам и поселкам ЗСНГК (включая Томскую область): Миннефтегазстрой (Сургут, Нефтеюганск, Надым, Новый Уренгой, Урай, Стрежевой, Ноябрьский, Пойковский, Мамонтово, Когалымский, Лянторский, Федоровский, Муравленковский), Минпромстрой СССР (Нижневартовск, Радужный, Мегион, Лангепас, Покачевский) и Минстрой СССР (Васюган, Пудино). Перед министерствами и руководством Тюменской и Томской областей главной целью ставилось обеспечение комплексной застройки городов и поселков «на высоком градостроительном уровне, с полным объемом инженерного оборудования, благоустройства и озеленения».

Групповая система расселения дополнялась более широким применением вахтового метода работ. Новые города нефтяников становились базовыми центрами для близлежащих месторождений, у которых организовывались вахтовые поселки. Всем заинтересованным министерствам и местной власти предписывалось уточнять схему развития новых городов и поселков с учетом вахтового метода проведения геолого-разведочных работ и обслуживания объектов нефтегазовой промышленности. Еще одним значимым моментом в постановлении было то, что важнейшая роль отводилась развитию автомобильных дорог, которые должны были стать стержнем в каркасе вахтового и городского расселения.

Вместе с вахтовым методом новое дыхание обрело и деревянное строительство. Государство взяло курс на увеличение жилищного фонда любыми средствами. Существенно возросли объемы жилищного строительства. Конечно, главенствующее место отводилось застройке крупнопанельными зданиями. Однако особое внимание было уделено поставке министерствам индивидуальных жилых домов, деревянных домов заводского изготовления, домов блочного типа и помещений контейнерного типа, вагон-домов, которые потом долго дополняли урбанистический пейзаж. По мнению архитектора А.Н. Отрадного, решение о размещении в городах двухэтажного строительства из сборных деревянных конструкций, бруса, индивидуального жилищного

строительства позволило улучшить жилищно-бытовые условия северян[264].

Постановление утвердило курс форсированного строительства в ЗСНГК. Увеличились объемы жилищного строительства. Так, в 1981 г. Миннефтегазстрой ввел в эксплуатацию 935 тыс. кв. метров жилых домов, что означало рост объемов на 24% по сравнению с 1980 г[265].

Таким образом, в 1980 г. изменился подход к социальному и градостроительному освоению Севера Западной Сибири. В основе пересмотренного подхода лежали новые методы: расширение вахтового труда, принятие групповой схемы расселения и развития городов и поселков, привлечение союзных министерств к строительству, увеличение жилищного фонда не только за счет капитального, но и деревянного строительства, качественное улучшение сети автомобильных дорог.

Вскоре и другие идеи академика А.Г. Аганбегяна воплотились в жизнь. Создавались новые органы управления ЗСНГК. Функции координации и контроля деятельности министерств и ведомств получила Комиссия Президиума Совета Министров СССР по вопросам развития ЗСНГК, образованная Постановлением Совета Министров СССР от 29 октября 1980 г. «Об усилении координации работ по созданию ЗСНГК»[266]. Председателем Комиссии был назначен заместитель Председателя СМ СССР В.Э. Дымшиц. В 1984-1986 гг. Комиссию возглавлял Б.Е. Щербина.

Постановлением от 29 октября 1980 г. был организован еще один орган управления и контроля над развитием нефтегазодобывающей промышленности в Западной Сибири – Междуведомственная территориальная комиссия по вопросам развития ЗСНГК (ЗапСибМВТК) с месторасположением в г. Тюмени. Основной задачей комиссии определялась разработка программ и предложения по развитию всех сфер деятельности ЗСНГК, которые направлялись в Госплан СССР. По большей части новые органы

---

[264] Из воспоминаний А.Н. Отрадного // История и перспективы градостроительного освоения территорий Севера. Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс. – М.: МЦА «Суханово», 2004. – С. 260.

[265] ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 1. Д. 7527. Л. 26.

[266] ГАТО. Ф. 814. Оп. 5. Д. 892. Л. 190.

стали определять направления градостроительной политики в нефтегазодобывающих районах Западной Сибири.

С выходом партийно-правительственного Постановления от 20 августа 1985 г. № 797 «О комплексном развитии нефтяной и газовой промышленности в Западной Сибири в 1986-1990 годах»[267] произошло окончательное оформление новой парадигмы в системе расселения нефтегазодобывающих районов Западной Сибири. В документе говорилось, что «ряд предприятий нефтедобывающей промышленности в Тюменской области в последнее время не выполняют планы по добыче нефти и попутного нефтяного газа». Причины определялись следующие: выход в районы с более сложными природно-климатическими и геологическими условиями, несвоевременный ввод в эксплуатацию вновь открытых месторождений, объектов электроснабжения, жилых домов в комплексе с социальной и культурно-бытовой инфраструктурой. В целом постановление затрагивало структурную трансформацию ЗСНГК, устанавливало приоритет научно-технических принципов и внедрение передовых методов организации труда в разработке комплекса. Был взят курс на «развитие социально-бытовой инфраструктуры, и в частности значительное увеличение объемов строительства жилых домов и объектов социального и культурно-бытового назначения, улучшение организации медицинского, торгового и бытового обслуживания населения; дальнейшее расширение и совершенствование вахтового метода работ на предприятиях и стройках Западно-Сибирского нефтегазового комплекса». На двенадцатую пятилетку министерствам давались конкретные задания и цифры по городскому благоустройству и строительству. К застройке вновь были привлечены Советы Министров союзных республик, но теперь к ним еще присоединялись организации Грузии, Азербайджана, Молдавии, Армении и Туркмении, а также компартии всех привлеченных республик.

В 1980 г. Гипрогором при участии Тюменского отдела по делам строительства и архитектуры была разработана схема расселения в ЗСНГК. Схема предусматривала формирование 18 новых поселений, 13 из которых приходились на ХМАО: Хохря-

---

[267] ГАТО. Ф. 814. Оп. 5. Д. 1799. Л. 2-15 об.

ковский, Радужный, Лангепас, Покачевск, Когалым, Лянтор, Федоровский, Мамонтово, Пыть-Ях, Покачи, Островной, Нягань, Талинский[268]. В последующую пятилетку схема дорабатывалась.

Ключевое значение в концептуализации урбанизационных процессов ЗСНГК имело Постановление Совета Министров РСФСР от 28 октября 1985 г. № 475 «О схеме расселения в зоне Западно-Сибирского нефтегазового комплекса»[269]. Схема была согласована Тюменским облисполкомом 26 сентября 1985 г[270]. В первоначальном варианте она звучала как «Генеральная схема градостроительства в районах добычи нефти и газа в Западной Сибири». Республиканское правительство констатировало, что в Тюменской и Томской областях «сложилась система городов, поселков и вахтовых поселков на месторождениях». Вместе с тем впервые подверглась критике прежняя схема централизованного расселения в крупных городах, функционировавшая в 1960-1970-х гг.: «Размещение жилищно-гражданского строительства преимущественно в крупных сложившихся городах сдерживает развитие поселков, расположенных в районах наращивания добычи нефти и газа»[271].

В документе были обозначены основные грубые недостатки в градостроительном развитии региона: 1) невыполнение планов по строительству жилья; 2) некомплексная застройка; 3) отставание строительства инженерных сооружений и коммуникаций, благоустройства и озеленения; 4) недостаточное количество общественных центров, магистралей, площадей и набережных; 5) невыразительный архитектурный облик; 6) медленная разработка проектов строительства, которые отвечали бы всем местным природно-климатическим условиям; 7) возведение промышленно-коммунальных зон без единого архитектурного замысла.

Постановление утверждало разработанную институтами ЛенНИИПградостроительства и Гипрогор схему расселения в зоне Западно-Сибирского нефтегазового комплекса на 1986-1990-е гг.

[268] Из воспоминаний А.Н. Отрадного / История и перспективы градостроительного освоения территорий Севера. Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс. – М.: МЦА «Суханово», 2004. – С. 262.

[269] ГАРФ. Ф. А-259. Оп. 48. Д. 7914. Л. 40-43 об.

[270] ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 7016. Л. 98.

[271] ГАРФ. Ф. А-259. Оп. 48. Д. 7914. Л. 40.

Первостепенная важность в системе расселения отводилась рабочим поселкам, основной упор делался на их развитие. Предписывалось также увеличить число вахтовых поселков с 18 в 1985 г. до 33 в 1990 г. Несмотря на то, что еще в постановлении 1980 г. был сделан акцент на развитие новых поселков с учетом вахтового метода, на самом деле это была лишь констатация фактов, так как практика широкого применения вахтового метода в ущерб расселению в крупных базовых городах повсеместно осуществлялась ведомствами с середины 1970-х гг[272]. Выход на новые нефтяные месторождения и постоянное расширение территорий освоения требовали новых поселений для рабочих, которые самостоятельно возводились ведомствами и со временем разрастались. Такая практика не соответствовала государственной стратегии развития городов. Отчасти понимая, что ведомства не исправить, партия и правительство взяли курс на развитие малых разрастающихся поселений.

В постановлении предусматривался рост численности населения в нефтегазодобывающих районах Западной Сибири с 1,1 млн. чел. в 1985 г. до 1,7 млн. чел. к 1991 г. и до 2,3 млн. чел. на перспективу (причем без учета численности населения Тюмени, Томска и Тобольска). Одним из приоритетов объявлялось повышение обеспеченности жилой площадью по сравнению с 1985 г. в 1,3-1,4 раза (с 11,7 до 15-16 кв. м общей площади на человека), школами, детскими дошкольными учреждениями и поликлиниками – в 1,2 раза, больницами – в 1,5 раза.

Вменялось осуществить в 1986-1987 гг. разработку генеральных планов новых городов и поселков, а также корректировку действующих в соответствии с показателями принятой схемы расселения. В соответствии с постановлением в 1985-1987 гг. областным Управлением архитектуры и строительства было проведено 47 областных градостроительных советов, 23 технических совещания, на которых рассматривались генеральные планы и проекты детальных планировок городов, поселков, сельских населенных мест, проекты городской черты, районные пла-

[272] Гаврилова Н.Ю. Социальное развитие нефтегазодобывающих районов Западной Сибири (1964-1985 г.г.) / Н.Ю. Гаврилова. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2002. – С. 37.

нировки административных районов и промрайонов и других объектов[273].

В соответствии со схемой расселения 1985 г. выделялись Сургутская, Нижневартовская, Нефтеюганская, Ноябрьская, Красноленинская, Северная группы расселения и группа расселения Томской области. В отличие от схемы «базовый город – вахтовый метод», новая концепция опиралась на более сложную структуру городского расселения, в которой были выделены 5 уровней: 1) региональные центры освоения северных районов – Тюмень, Томск; 2) производственные, административные, общественно-культурные и организационно-хозяйственные центры с населением 200-300 тыс. чел. – Сургут, Нижневартовск и Новый Уренгой; 3) города на 50-100 тыс. жителей, в которых располагались крупные производственные объединения – Нефтеюганск, Когалым, Радужный, Лангепас, Ноябрьск, Нягань, Надым, Лабытнанги и Стрежевой; 4) базовые города и поселки с населением 10-40 тыс. чел., где размещались производственные управления; 5) вахтовые поселки со сменным составом работающих, поселки при компрессорных станциях и поселки геологов. Сотрудники института ЛенНИИПградостроительства отметили, что в схеме расселения была применена концепция системного расселения[274]. За каждым производственным объединением закреплялись определенные города, рабочие и вахтовые поселки: за Сургутнефтегазом – Сургут, Лянторский и Федоровский; за Башнефтью – Когалым, Повховский; за Нижневартовскнефтегазом – Нижневартовск, Мегион; за Варьеганнефтегазом – Радужный; за Татнефтью – Лангепас, Покачевский; за Юганскнефтегазом – Нефтеюганск, Пойковский, Мамонтово; за Красноленинскнефтегазом – Нягань, Урай.[275].

---

[273] Из воспоминаний А.Н. Отрадного / История и перспективы градостроительного освоения территорий Севера. Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс. – М.: МЦА «Суханово», 2004. – С. 262.

[274] Миленина Э.А., Морозова К.И., Смирнов В.И. Проблемы реализации градостроительных предложений в проектировании и строительстве городов и вахтовых поселков // Вопросы реализации градостроительных предложений в Западной Сибири: Сборник научных трудов. – Л.: ЛенЗНИИЭП, 1988. – С. 11-22.

[275] ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 7016. Л. 101-105.

Принятая новая концепция градостроительного освоения способствовала тому, что в 1980-х гг. Ханты-Мансийский окрисполком и окружком активизировали свою деятельность по вопросам преобразования населенных пунктов в категорию рабочих поселков. Только в 1981 г. окрисполкомом были разработаны материалы по образованию 7 рабочих поселков. В 1980-х гг. статус рабочих поселков получили: 1981 г. – Лангепас; 1982 г. – Радужный, Пыть-Ях, Коммунистический, Агириш, Высокий; 1983 г. – Покачи; 1984 г. – Лянторский, Федоровский, Белый Яр, Солнечный, Андра; 1988 г. – Излучинск. Помимо этих поселков, весной 1985 г. ведущее нефтяное ведомство – Главтюменнефтегаз – сформировало планы по образованию еще 9 рабочих поселков в 1985-1988 гг., из которых 6 приходились на ХМАО: Белозерный, Хохряковский, Бахиловский, Тимченко, Айпимский, Талинский[276]. По планам некоторые рабочие поселки должны были стать городами. Например, началась разработка генплана города Бахиловский[277]. Однако из них был образован только рабочий поселок Талинка (в 1991 г.).

На базе рабочих поселков строились новые города. В январе 1983 г. окрисполком разработал проект решения о преобразовании поселков Белоярский, Радужный, Когалым (который должен был получить имя Нефтебратск) в города окружного подчинения[278]. 15 августа 1985 г. Указом Верховного Совета РСФСР были образованы города окружного подчинения Когалым, Нягань, Радужный, Лангепас. Они стали центрами освоения месторождений нефти: Повховского, Ватьеганского, Тевлинско-Русскинского – Когалым; Красноленинского – Нягань; Варьеганского – Радужный; Локосовской группы – Лангепас. 5 февраля 1988 г. окрисполком направил в Тюменский облисполком материалы по образованию городов Белоярский, Комсомольский и Пыть-Ях[279]. Однако из них только газотранспортный центр Белоярский был согласован с облисполкомом и в 1988 г. сделался городом. В по-

---

[276] ГАТО. Ф. 2146. Оп. 1. Д. 2924. Л. 13-15.

[277] Хромов Ю.Б., Коренев В.И. Поэтапное формирование северных городов Западно-Сибирского нефтегазового комплекса // Вопросы реализации градостроительных предложений в Западной Сибири: Сб. науч. тр. – Л.: ЛенЗНИИЭП, 1988. – С. 41.

[278] ГАХМАО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1464. Л. 1.

[279] ГАХМАО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1700. Л. 1.

яснительных записках о присвоении городского статуса поселениям отмечалось, что прежде поселки возникали как базовые для вахтовиков, нефтяников или лесозаготовительных организаций, и только в соответствии с постановлением 1980 г. они получили быстрое развитие. Например, указывалось, что объективная необходимость развития Радужного была «вызвана освоением новых нефтяных месторождений, которые требуют оперативного решения важных вопросов дорожного, трубопроводного строительства, обустройства нефтяных месторождений, строительства и реконструкции производительных баз в поселке с целью увеличения их мощности в соответствии с Постановлением ЦК КПСС и СМ СССР от 20.03.80 г.»[280].

Групповая система расселения продолжала расширяться. В Ханты-Мансийском окрисполкоме групповое расселение рассматривалось в совокупности с административно-территориальным устройством округа. Новые города должны были стать не просто центрами своих месторождений, но и центрами новых районов: Мегионского, Лангепасского, Радужнинского, Пыть-Яхского, Урайского, Белоярского, Когалымского, Няганьского. Инициаторами создания районов выступили горисполкомы и окрисполком. В течение 1987-1989 гг. их формирование разрабатывалось окрисполкомом, который ходатайствовал перед тюменским облисполкомом об их образовании[281]. Однако эта идея не была поддержана тюменским руководством, и районы ХМАО остались в прежних границах (кроме Белоярского района, который, в силу своей удаленности, все-таки был выделен из Березовского района).

Помимо деятельности ведомств, причинами того, что в нефтегазодобывающих районах образовалось так много городов, являлись обширные территории и, вследствие этого, удаленность поселений от районных центров. В условиях неразвитости транспортных сетей и отсутствия беспрерывной связи постоянное внимание со стороны районных Советов было невозможным. Преобразование поселений в города позволяло, как считали местные власти, более правильно и эффективно решать вопросы развития промышленности и благоустройства. В докладных записках в Президиум Верховного Совета РСФСР формирование новых городов аргументировалось так: «Многоотраслевое хозяйство, значительные объемы осваиваемых капиталовложений, высокие темпы развития, возросший уровень социальных задач требуют укрепления местных Советов в этих населенных пунктах»[282]. Конечно, помимо этого в ходе присвоения статуса города учитывались значение и перспектива развития поселков, претендующих на более высокий статус.

Новая градостроительная концепция не всеми была принята однозначно положительно. С досадой по поводу принятия новой концепции вспоминал главный архитектор Тюменской области В.А. Бешкильцев: «В 1980-е годы из-за беспринципной позиции Госстроя РФ «стройте что хотите и где хотите», нефтяники все-таки добились строительства небольших городов-поселков, таких, как Мегион, Лангепас, Южный Балык и др., расположенных в 50-60 км от базовых городов. Но было уже поздно – города Сургут, Нижневартовск состоялись, крепко встали на ноги, и новые поселковые образования все равно вольются в эти города как часть агломерации»[283]. Представители нефтяного министерства, наоборот, вспоминают принятие новой концепции градостроительного освоения как свою триумфальную победу: «Нефтяники считали, что все эксплуатационники должны жить с семьями рядом с производством, на котором они работают, в современных благоустроенных городах (поселках) со всей необходимой инфраструктурой. … В конечном итоге директивные органы признали правоту нефтяников и в одном из постановлений ЦК КПСС и Совета Министров СССР узаконили одним махом строительство 15 новых городов в Тюменской области. Это была важная победа знатоков основ непрерывного промышленного работающего человека»[284].

---

[280] ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 6860. Л. 43.

[281] ГАХМАО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1658, 1700, 1729.

[282] ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 6860. Л. 15.

[283] Из воспоминаний В.А. Бешкильцева, главного архитектора Тюменской области в период становления ЗСНГК / История и перспективы градостроительного освоения территорий Севера. Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс. – М.: МЦА «Суханово», 2004. – С. 199.

[284] Донгарян Ш.С. Взгляды на градостроительство на Севере Западной Сибири / История и перспективы градостроительного освоения территорий Севера. Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс. – М.: МЦА «Суханово», 2004. – С. 192.

Принятие новой стратегии градостроительного освоения нефтегазодобывающих районов Западной Сибири имело и оборотную сторону медали. Один из исследователей-современников высказывался, что возврат к мелким населенным пунктам означал «не что иное, как размещение большинства новоселов в деревянных, полублагоустроенных домах новых поселков, где сразу же возникнут проблемы обучения и воспитания детей, трудоустройства вторых членов семей, обеспечения питанием, лечения и отдыха населения. Такой путь фактически повлечет за собой все трудности и негативные тенденции, которые имели место на первом этапе становления нефтегазового комплекса»[285]. Поворот к вахтовому расселению привел к тому, что многие ведомства стали бесконтрольно и стихийно воздвигать вахтовые поселки, а количество вахтовиков стало значительно превышать плановую численность. Так, в первой половине 1980-х гг. Главтюменьгазпром, Главуренгойгазстрой, Главсибтрубопроводстрой, Тюменьстройпуть самовольно и незаконно возвели на Севере Тюменской области 25 неблагоустроенных поселков[286]. Особенно тяжелое положение сложилось в Сургутском и Нижневартовском районах. Поселки за счет строительства временного и ветхого жилья неумолимо разрастались, превращались в вагон-городки. Например, при эксплуатации Повховского месторождения объединение Башнефть отказалось от возведения постоянного поселка, который был намечен схемой расселения. Однако поселок самовольно появился, и объединению пришлось просить о его расширении до 7 тыс. чел[287].

В конце 1986 г. Тюменский облисполком сформировал специальную комиссию, которой поручил разобраться в грубейших нарушениях. Комиссия во главе с главным архитектором области А.Н. Отрадновым установила, что «планируемые первоначально как временные поселки, сроком на 2-3 года, по сути дела превратились в обычные рабочие поселки»[288]. Облисполком отметил, что «отмеченные недостатки являются следствием безответственного отношения руководителей главков и объединений к нуждам трудящихся»[289]. Чтобы остановить такое развитие событий, облисполкомом были приняты меры по сокращению численности вахтового персонала и ограничению развития поселков. Повсеместно запрещались вызов работников и их прописка в городах и поселках при необеспеченности жильем по установленным нормам[290].

[285] Бот Ю.К. Особенности развития Тюменского нефтегазового комплекса и формирования его трудовых ресурсов // Проблемы развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса. – Новосибирск: Наука, 1983. – С. 211.

[286] ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 7170. Л. 51.

[287] ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 7442. Л. 18.

[288] ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 7170. Л. 60.

Однако дело не сдвигалось с мертвой точки. Кардинального улучшения в жилищном и социально-бытовом строительстве не последовало. Председатель ЗапСибМВТК В.П. Курамин отмечал, что кроме Миннефтегазстроя, выполнявшего примерно половину общего объема строительных работ, в ЗСНГК были сосредоточены предприятия и главки около 30 министерств и ведомств. Их разобщенность не позволяла создать мощную, управляемую из единого центра материально-техническую базу строительства в области[291]. Министерства и ведомства не только не обеспечивали в полном объеме выполнения заданий по строительству, но и срывали планы по добыче нефти. В 1985 г. Главтюменнефтегаз не добыл 31,3 млн. тонн нефти[292]. В этом смог лично убедиться Генеральный секретарь ЦК КПСС М.С. Горбачев, когда осенью 1985 г. посетил Западную Сибирь.

Основная интенция постановлений конца 1970–1980-х гг. сводилась к тезису, что качественный уровень социально-бытовой инфраструктуры определял развитие нефтегазовой отрасли. Советское правительство вновь и вновь возвращалось к улучшению показателей социального развития региона. 8 февраля 1986 г. вышло Постановление Совета Министров СССР «О дополнительном строительстве объектов социального и культурно-бытового назначения в городах и поселках, расположенных на территории Западно-Сибирского нефтегазового комплекса, в 1987–1990 годах»[293]. Документом определялись заказчики (Миннефтепром,

[289] ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 7170. Л. 52.

[290] ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 7170. Л. 53.

[291] Курамин В.П. Западная Сибирь в одиннадцатой пятилетке / В.П. Курамин. – Свердловск: Средне-Урал. кн. изд-во, 1983. – С. 98.

[292] ГАТО. Ф. 814. Оп. 5. Д. 1007. Л. 67.

[293] ГАТО. Ф. 814. Оп. 5. Д. 1007. Л. 54-59 об.

Мингазпром, Мингео СССР, Совет Министров РСФСР), подрядчики (Минпромстрой, Миннефтегазстрой, Минстрой) и конкретные задания по сооружению в городах и поселках общеобразовательных школ, детских садов, спортивно-оздоровительных центров, больниц и кинотеатров. Вместе с тем государство не отходило от производственного принципа распределения средств («за счет капитальных вложений, выделяемых на строительство объектов производственного назначения»), который обусловливал ведомственность городской среды.

10 апреля 1986 г. последовало очередное Постановление Совета Министров РСФСР «О ходе выполнения министерствами и ведомствами РСФСР заданий, предусмотренных постановлениями ЦК КПСС и Совета Министров СССР, постановлениями Совета Министров РСФСР по вопросам комплексного развития нефтяной и газовой промышленности в Западной Сибири»[294]. За неустранение недостатков в социально-бытовой и культурной сфере и проявление медлительности в реализации постановлений критиковались министерства и ведомства РСФСР, Тюменский и Томский облисполкомы. Давалась плохая оценка деятельности Госстроя РСФСР, Тюменского и Томского облисполкомов, которые не смогли добиться «заметного улучшения проектирования и застройки городов и рабочих поселков с учетом природно-климатических условий». Отмечалось, что облисполкомы не предъявляли должной требовательности к руководителям предприятий и организаций за выполнение планов ввода в действие жилых домов и объектов непроизводственного назначения. Вместе с тем им было поручено «добиваться строгого соблюдения положений и требований схемы расселения в зоне Западно-Сибирского нефтегазового комплекса», утвержденной 28 октября 1985 г. Задачей первостепенной важности объявлялось быстрейшее «переселение трудящихся нефтегазового комплекса из временного жилья в благоустроенные квартиры».

Критика ведомств продолжалась на областном уровне, однако уже не долго. В решении облисполкома от 26 октября 1987 г. «О мерах по обеспечению выполнения плана строительства жилых домов и объектов социально-культурного назначения в об-

---

[294] ГАРФ. Ф. А-259. Оп. 48. Д. 8650. Л. 9-10 об.

ласти» отмечалось: «коренного улучшения в строительстве объектов социальной сферы не произошло. Руководители ряда горрайисполкомов, организаций и ведомств не сделали необходимых выводов из указаний ЦК КПСС о политической значимости безусловного выполнения планов строительства жилья и объектов соцкультбыта»[295]. Местную власть волновало, что теперь ведомства в недостаточной степени уделяли внимание развитию малых и средних городов области. Но по большому счету новая система расселения способствовала тому, что борьба между городскими и областными властями и ведомствами к концу 1980-х гг. затихла. В Тюменском облисполкоме все меньше и меньше обсуждались вопросы по преодолению ведомственности и контролю над деятельностью основных объединений и организаций в отношении застройки и развития населенных пунктов. Малые города нефтяных районов во многом были отданы на откуп ведомствам.

Таким образом, новая градостроительная концепция кардинально не улучшила городское развитие в нефтяном крае. Вместо крупных городов ведомства теперь в недостаточной степени уделяли внимание развитию малых и средних городов Ханты-Мансийского округа, продолжали по-своему толковать вахтовый метод работ: вместо благоустроенных временных вахтовых поселков создавались неблагоустроенные поселения, которые хаотично и стихийно застраивались и превращались в настоящие рабочие поселки с постоянным населением.

Экономический и политический кризис конца 1980-х гг. внес коррективы не только в политику государства, но и в саму сущность урбанизационных процессов в стране. По мнению историков архитектуры А.Г. Вайтенса и Ю.Л. Косенковой, в новых условиях центральная власть как бы дистанцировалась от решения проблем развития городов и законодательно передавала их решение на уровень местного самоуправления[296]. Только местная власть к такому была не готова. Как отмечал известный ур-

---

[295] ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 7308. Л. 10.

[296] Вайтенс А.Г., Косенкова Ю.Л. Развитие правовых основ градостроительства в России XVIII-XXI веков. Опыт исторического исследования. – Обнинск: Ин-т муниципального управления, 2006. – С. 258-259.

банист В.Л. Глазычев, с распадом СССР проблемы пространственного развития страны выпали из поля интересов властной элиты[297]. В 1990-х гг. градостроительная политика в отношении городов ХМАО была практически заброшена. В протоколах заседаний Тюменского облисполкома до конца 1993 г. не отразились вопросы городского развития и жилищно-гражданского строительства. Работы же над генеральными планами прекратились по всей стране, за исключением некоторых городов[298]. Исследователи выделяют следующие особенности, которые присутствовали в отечественном градостроительстве в 1990-х гг.: тенденция потери управления, кризис городского планирования и управления, бюджетный кризис в городах, неразвитость рынка недвижимости, стагнация инфраструктуры, ухудшение экологической обстановки и социальное разрушение городской среды[299]. Все перечисленные особенности были характерны и для городов ХМАО.

Вместе с тем в начале 1990-х гг. в ХМАО поселки продолжали получать статус городов. В 1990 г. городом стал Пыть-Ях. В 1992 г. статус городов районного подчинения получили Лянтор и Югорск (Комсомольский), а окружного – Покачи. В 1996 г. последним поселком в ХМАО, который был преобразован в город районного значения, был Советский.

Этот процесс действовал скорее как инерция тех преобразований, которые произошли в системе городского расселения в 1980-х гг. Поселки, которые превышали 10 тыс. чел. и становились базовыми при освоении групп месторождений, продолжили получать статус городов. Мотивы местных властей оставались прежними: «Необходимость преобразования поселка Лянторский в город районного подчинения и образования городского Совета народных депутатов вызвана интенсивным развитием нефтегазового района, ростом численности населения, объемом промышленного производства, ростом социально-культурных, бытовых учреждений, а также сложностью решения задач, стоящих перед Лянторским поселковым Советом народных депутатов, по улучшению работы с населением поселка»[300]. Особенно показательна ситуация, которая сложилась вокруг рабочего поселка Покачи.

Руководство поселка ни в коей мере не устраивало административное подчинение Лангепасскому городскому Совету и отсутствие экономической самостоятельности поселкового Совета. В решении Покачевского поселкового Совета от 24 мая 1991 г. было записано: «Статус рабочего поселка при наличии соответствующей экономической базы, развитой социальной инфраструктуры, при численности населения 17,5 тыс. чел., не является политической, экономической и правовой гарантией проживающих в нем граждан. Значительная часть бюджетных средств уходит на содержание аппарата вышестоящего Совета, который фактически не занимается решением проблем поселка Покачи, поселковый Совет народных депутатов добился Лангепасским городским Советом решения о передаче поселковому Совету отдельных полномочий городского Совета, но это не решает основную проблему, невозможность поселкового Совета в полной мере выражать волю избирателей и защищать свою территорию»[301]. Не имея по-настоящему развитой инфраструктуры, достаточного количества жителей и ясных перспектив развития, власти поселка смогли отвоевать право считать его городом, хотя некоторые поселки (Пойковский, Федоровский) имели для этого все основания.

В градообразовании возникла и новая тенденция. Если с 1965 г. и по начало 1990-х гг. городами становились только центры нефтегазодобычи, то с появлением «демократических начал» городами становились поселки, которые никогда такими центрами не были. К примеру, необходимость изменения статуса рабочего поселка Комсомольский была «вызвана интенсивным развитием газотранспортной и лесотехнической промышленности»[302]. В той же мере это можно сказать и про поселок Советский, ко-

[297] Глазычев В.Л. Город без границ. – М.: Изд. дом «Территория будущего», 2011. – С. 194.
[298] Там же. – С. 195.
[299] Вайтенс А.Г., Косенкова Ю.Л. Развитие правовых основ градостроительства в России XVIII-XXI веков. Опыт исторического исследования. – Обнинск: Институт муницип. управления, 2006. – С. 259-260.

[300] ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 7844. Л. 94.
[301] ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 7945. Л. 63.
[302] ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 7938. Л. 85.

торый к тому же даже не был обозначен в схеме расселения 1985 г. Статус города получали те поселки, которые в 1960-х гг. были созданы при строительстве железной дороги Ивдель-Обь, играли большую роль в лесозаготовительной отрасли, в них базировались леспромхозы. Теперь же они имели огромное значение как узловые центры транспортировки газа с месторождений Севера Тюменской области в европейскую часть страны. К тому же города Югорск и Советский образовывали единую агломерацию, так как располагались друг от друга на расстоянии 15 км.

Зарождались новые «демократические начала» в градостроительной политике. Жители населенных мест сами выбирали – жить ли им в поселке или в городе. Вопрос о преобразовании в город ставился в рабочих поселках на своеобразный референдум. Например, в Комсомольском было опрошено 9339 жителей поселка: за статус города высказались 6352 человека, что составило 68%, а пожелали оставить населенный пункт поселком 2987 человек, то есть 31%, 68 опрошенных (0,7%) не определились с ответом[303]. Также 52,1% участвовавших в опросе проголосовали за переименование поселка, выбрав для города «деполитизированное» имя Югорск.

Тем не менее, несмотря на появление новых городов, в 1990-х гг. градостроительная политика в ХМАО не нашла развития. В декабре 1994 г. Правительством Российской Федерации была принята «Генеральная схема расселения на территории Российской Федерации»[304]. Документ вкратце уделял внимание городскому расселению в зоне ЗСНГК. Совершенствование расселения на Ближнем и Крайнем Севере должно было осуществляться через создание буферных подзон, расположенных на территории между основной полосой расселения и Крайним Севером. Здесь были более благоприятные условия для проживания, и поэтому они могли рассматриваться в качестве основы для размещения производств по переработке сырья и минералов, добытых на Севере. Подчеркивалась важность развития в буферных подзонах крупных городских поселений как базовых центров проживания населения. Можно лишь предполагать, что это было неким возвратом к централизованной схеме расселения. Под такую буферную подзону идеально подходил ХМАО. Также отмечалось, что «на Севере Западной Сибири важно решить дальнейшую судьбу городов и поселков нефтегазового комплекса».

---

[303] ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 7938. Л. 108.

[304] Генеральная схема расселения на территории Российской Федерации (основные положения). – URL: http://bestpravo.ru/ rossijskoje/bhpravo/p6k/index.htm (дата обращения: 17.07.2012).

В то же время государство отказалось от практики строительства крупных городов в малопригодных для жизни условиях, что, впрочем, не означало отказ от осуществления проектов освоения минеральных ресурсов Севера. По мнению В.Л. Глазычева, такие проекты требовали «формирования принципиально новых программ создания баз для вахтенного освоения в северных городах, которые в противном случае обречены на угасание в течение пары десятилетий»[305].

Однако Генеральная схема расселения не нашла конкретной реализации в постановлениях правительства и указах Президента. В последующем государственная политика в сфере развития Тюменской области затрагивала только круг экономических проблем, иногда обращая внимание на социальные вопросы. В 1990-х гг. не произошло концептуализации курса городского развития Тюменской области. Не были разработаны в этой области нужные постановления и проекты. В первой половине 1990-х гг. городской рост в нефтегазоносных районах Тюменской области продолжился как инерция той стратегии городского расселения, которая была выработана в 1980–1986 гг. Отсутствие четкого государственного концепта стало одной из причин стагнации урбанизационных процессов в ЗСНГК. Другой глубинной причиной был кризис нефтегазодобывающей промышленности Западной Сибири, который окончательно привел к пресечению преобразований поселков в города и торможению роста городского населения в ХМАО.

Таким образом, в 1980-х гг. под влиянием Миннефтепрома СССР сформировалась новая система городского расселения в нефтегазодобывающих районах Западной Сибири, в ее основе лежали принцип строительства небольших городов у месторож-

---

[305] Глазычев В.Л. Город без границ. – М.: Изд. дом «Территория будущего», 2011. – С. 197.

дений и широкое развитие вахтового метода. Взамен централизованному расселению пришла система группового расселения, которую активно стали осуществлять окружные органы власти. Такая градостроительная политика способствовала тому, что в 1980-1996 гг. в ХМАО статус городов получили 11 поселков. Однако групповая система действовала недолго. Развал Советского Союза и экономический кризис обусловили спад урбанизационных процессов в регионе в 1990-х гг., а градостроительная политика в отношении нефтяных городов по большей части была прекращена.

Глава VI.

ГРАДОСТРОИТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ СУРГУТА (1960-е – начало 1990-х гг.)

Дискурс ведомственного города. История Ханты-Мансийского автономного округа 1960-1990-х гг. неразрывно связана с урбанизацией, вызванной нефтегазовым освоением Западной Сибири. Ключевым центром формирующейся урбанизированной сети поселений выступал город Сургут, который аккумулировал значительную часть градообразующих факторов региона, что способствовало стихийному росту и расширению города. Главными движущими силами урбанизации Сургута выступали ведомства – всесильные промышленные предприятия, обеспечивавшие создание огромного индустриального комплекса по добыче, переработке и транспортировке углеводородного сырья. Ведомственность выступала механизмом государственной политики, при котором решение общих задач формирования территориально-производственных комплексов распределялось между отдельными министерствами и ведомствами[306]. Этот политический механизм и предопределил градостроительную историю Сургута в 1960-х – начале 1990-х гг.

Основные тенденции градостроительного развития Сургута в советский период, выявленные в данном исследовании, находят подтверждение в сибирской историографии. Историки рассматривают Сургут ведомственным и разрозненным городом. Практически все они отмечают, что строительство Сургута осуществлялось «хуторским методом». В частности, об этом много пишет Тюменская школа историков по развитию Западно-Сибирского нефтегазового комплекса. Историки Н.Ю. Гаврилова и В.П. Карпов интерпретируют проблемы градостроительства нефтегазового региона следующим образом: «Серьезным препятствием в формировании единого архитектурного облика городов, комплексного развития в них социальной инфраструктуры

[306] Тимошенко А.И. Государственная политика формирования и закрепления населения в районах нового промышленного освоения Сибири в 1950–1980-е гг.: планы и реальность. – Новосибирск: Сибирское научное издательство, 2009. – С. 130.

являлась ведомственность. <…> в практике освоения Западной Сибири в 60-е годы появилась новая категория «городов-ведомств». Города застраивались методом «хуторского хозяйства». <…> Особенно заметно ведомственный характер застройки проявился при строительстве Сургута, в сооружении которого принимали участие 8 крупнейших министерств. В Сургуте практически не существовало единого городского поселения…»[307]. Специалист по истории нефтегазовых районов Западной Сибири Г.Ю. Колева также видела в ведомственности серьезную городскую проблему: «Нельзя не признать очевидного факта, что до конца 1970-х гг. ведомственный принцип в развитии городов был преобладающим»[308]. В новейших исследованиях В.П. Карпов продолжает акцентировать внимание на том, что ярким примером ведомственности «была застройка Сургута хуторским методом: поселок речников, поселок геологов, поселок нефтяников… Но местные советы, по существу, не имели никакой власти: все решали начальники главков, трестов, управлений, не согласуя своих действий с советскими органами»[309].

Схожие оценки в отношении градостроительной истории Сургута дает известный югорский историк А.И. Прищепа: «Начавшееся в 1960-е гг. интенсивное промышленное освоение края при отсутствии комплексной программы его социально-экономического развития предопределило ведомственный характер застройки города методом «хуторского хозяйства». Каждое ведомство на вверенной ему территории не только имело жилой фонд, но и отвечало за его эксплуатацию, создавало свои предприятия связи, торговли, общественного питания, бытового обслуживания, учреждения культуры. Город представлял собой конгломе-

[307] Гаврилова Н.Ю., Карпов В.П. Жилищно-гражданское строительство в районах нового промышленного освоения Севера Западной Сибири (1964-1985 гг.) // Налоги, инвестиции, капитал. – 2002, № 1-2. – С. 243.
[308] Колева Г.Ю. Строительство городов в районах нового промышленного освоения в 1960-1980-е годы // Вестник Тюменского государственного университета. – 2007, № 1. – С. 243.
[309] Карпов В.П. Анатомия Тюменского подвига // Родина. – 2012, № 8. – С. 22.

рат разбросанных по обширной территории ведомственных микрорайонов»[310].

Устоявшийся «ведомственный» образ Сургута в историографии подчеркивает производственную сущность урбанизации Ханты-Мансийского округа в период нефтегазового освоения. Вместе с тем все еще остаются белые пятна в исторической ретроспективе эволюции архитектурно-планировочных пространств городов в условиях абсолютного доминирования ведомств. Лакуны связаны в первую очередь с поэтапностью градостроительного освоения территории Сургута и проектами противодействия архитектурных институтов ведомственному хаосу.

Город из поселков. Первый кирпич в фундамент ведомственной архитектурно-планировочной структуры Сургута заложили геологи. Геологическая разведка на территории Ханты-Мансийского округа в конце 1940-х гг. – 1950-х гг. способствовала появлению в регионе новых типов поселений – поселков геологов, которые ставились вблизи существующих населенных пунктов (Сургут) или на абсолютно необжитых местах (Мегион, Усть-Балык). Рост населения и расширение застройки в поселках геологов получили развитие после открытия нефтяных месторождений в начале 1960-х гг. Именно с застройки поселков геологов начиналось рождение новых городов на Севере Западной Сибири.

В Сургуте поселок геологов расположился между Старым Сургутом и деревней Черный Мыс. Геологи застраивали свои населенные пункты балками, землянками и палатками. Балки – деревянные или металлические неблагоустроенные домики, строившиеся из различных подсобных материалов – выступали главным элементом застройки. Чуть позже стали возводиться брусчатые двухэтажные дома, разработанные институтом Гипролеспромом для строительства временных поселков лесников[311].

Эстафету вслед за геологами подхватили нефтяники. Первые нефтяники высадились в Ханты-Мансийском округе в феврале 1964 г., когда последовала пробная, а затем и промышлен-

[310] Прищепа А.И. Градостроение в Сургуте во второй половине XX века // Отечественная история. – 2007, № 2. – С. 96.
[311] ГАТО. Ф. 1933. Оп. 1. Д. 15. Л. 3.

ная эксплуатация нефтяных месторождений. Поселки нефтяников начали строиться в Сургуте, Нижневартовске, Урае, Нефтеюганске. Поселки располагались на несколько километров в отдалении от существующих поселений. Временный жилой поселок нефтепромыслового управления Сургутнефть возводился западнее рабочего поселка Сургут и поселка геологов.

Также, как и поселки геологов, населенные пункты нефтяников застраивались двухэтажными брусчатыми домами на 8, 12 и 16 квартир. Изготовление этих домов общей площадью 10 тыс. кв. м в 1964 г. и 24 тыс. кв. м в 1965 г. поручалось Белогорскому лесопильному заводу Средне-Уральского совнархоза постановлением Совета Министров СССР от 4 декабря 1963 г.[312]. На территориях, примыкающих к поселкам, хаотично ставились одноэтажные дома на 1-2 квартиры, балки, землянки, бараки и палатки. Так, возле поселка НПУ «Сургутнефть» образовалось поселение из неблагоустроенного жилья – Таратыновка, получившее такое название в честь замначальника НПУ Б.Н. Таратынова.

После нефтяников в Сургуте стали квартироваться строители. В 1965 г. в рабочих поселках началось возведение жилого фонда для строителей Главтюменнефтегазстроя. В июле 1965 г. Тюменский облисполком отвел Главтюменнефтегазстрою для проектирования собственного двухэтажного деревянного жилищного строительства в Сургуте земельные участки микрорайона № 1 в Засайменском районе Сургута площадью 11,5 га[313]. Краевед И.П. Захаров вспоминал о первых строителях Сургута: «Круто изменилась жизнь за Саймой, начиная с 1965 года, когда здесь обосновались строители нового города. Быстро начали вырубать лес, ставить вначале одноэтажные бараки, потом двухэтажные дома на восемь и шестнадцать квартир. Возник самостоятельный поселок, с которого начинался микрорайон строителей»[314]. Здесь уже было построено первое каменное здание нового города – Дом культуры «Строитель», но который, к сожалению, уже к сере-

[312] ГАТО. Ф. 814. Оп. 5. Д. 1280. Л. 13об.
[313] ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 4154. Л. 52.
[314] Захаров И.П. Моя земля. – Сургут: РИИЦ «Нефть Приобья», 1999. – С. 51.

дине 1970-х гг. пришел в аварийное состояние[315]. В 1968 г. в городе Сургуте появились энергетики, которые также построили свой поселок.

Ведомства ставили поселки без надлежащих инженерно-геодезических изысканий в местах, которые наиболее отвечали производственным интересам. Проектно-изыскательные работы по пионерным поселкам начинались уже в разгар их строительства. Проектирование происходило ведомственно. Работы выполняли отраслевые институты, которые не специализировались на градостроительных проектах. Например, в Сургуте Гипротюменнефтегаз проектировал поселки нефтяников и строителей, Гипрогеолстрой – поселок геологов, Сибгипроречтранс – речников, Уралтеплоэлектропроект – энергетиков, Сибгипротранс – железнодорожников. Институтами не учитывался единый архитектурно-планировочный комплекс будущего Сургута.

Начало проектирования новых городов было положено весной 1964 г. Заказ на разработку генерального плана города Сургута был получен Государственным институтом проектирования городов (Гипрогор). Выбор площадок для строительства города осуществляли комиссии Госгражданстроя и Госстроя СССР, в состав которых входили представители различных градостроительных институтов и министерств. 21 июля 1965 г. на заседании Тюменского облисполкома «О состоянии и перспективах развития градостроительства, связанного с народно-хозяйственным освоением нефтегазоносных районов области» был одобрен генплан развития города Сургута[316]. Благоприятные условия для размещения г. Сургута позволяли формировать город как крупный промышленный центр с населением до 250 тыс. чел.

Согласно решению Тюменского облисполкома, начиная с 1966 г. основной объем жилищно-гражданского строительства в Сургуте, как и в других городах округа, предусматривалось осуществлять только в капитальном исполнении, а строительство деревянных зданий должно было производиться лишь с разре-

[315] Карпов В.П. Анатомия подвига. Человек в советской модели индустриализации Тюменского Севера: Монография. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2014. – С. 67.
[316] ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 4153. Л. 6-.

шения облисполкома. Вместе с тем на 1964-1965 гг. предусматривалась двухэтажная застройка из брусчатых деревянных домов по типовым проектам, под которую в Сургуте отводился микрорайон № 1 (в поселке нефтяников). Руководство области разрешило первоначальное строительство в дереве для того, чтобы за это время главки могли в соответствующих министерствах решить вопрос о поставке капитальных крупноблочных и крупнопанельных жилых домов для застройки городов и поселков нефтяников.

Изначально город Сургут планировался как крупный промышленный центр на 250 тыс. чел. Однако в Миннефтепроме СССР сомневались относительно строительства крупного города. Опираясь на позицию Миннефтепрома, Госплан РСФСР согласовал расчетную численность населения города на 1970 г. только в количестве 60 тыс. чел. На ее основе Гипрогором был разработан план регулирования текущей застройки Сургута до 1970 г., утвержденный в феврале 1966 г. Тюменским обкомом и облисполкомом[317]. 18 мая 1967 г. Тюменским облисполкомом был утвержден проект детальной планировки жилого района г. Сургута[318]. Жилой район, решенный системой микрорайонов, должен был достигнуть 67 тыс. чел. и располагаться западнее поселка НПУ «Сургутнефть». Границами района выступали: на севере – проектируемая магистраль восток-запад, на востоке – река Кедровка, на западе – намечаемый общегородской центр, на юге – пойма реки Оби[319]. В развитии Сургута не учитывалась застройка зоны существующего старого города, который располагался восточнее на берегу реки Сайма.

Постепенно ведомственные поселки стали преображаться. Началось строительство типовых пятиэтажных домов. В 1966 г. в поселке нефтяников города Сургута был возведен первый крупнопанельный пятиэтажный дом в Ханты-Мансийском округе, который заселили геофизики объединения «Тюменнефтегаз» с семьями. В 1968 г. в поселке нефтяников Сургута изменилось соот-

317 ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 1. Д. 4641. Л. 7-8.

318 ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 4465. Л. 28-29.

319 Город Сургут. Проект детальной планировки жилого района. Пояснительная записка. – М.: Гипрогор, 1967. – С. 11.

ношение брусчатых и капитальных домов в пользу последних: микрорайон № 2 – соответственно 100% и 0%, микрорайон № 4 – 40% и 60%, микрорайон № 1 – 20% и 80%, микрорайон № 3 – 0% и 100%, микрорайон № 5 – 0% и 100%. Микрорайоны № 2 и 4 строились первыми, поэтому и были в основном деревянными, а микрорайоны № 1, 3 и 5, в которых преобладала капитальная застройка, возводились позднее[320]. В других ведомственных поселках Сургута пятиэтажное строительство последовало только в 1969 г. Капитальное строительство осуществлялось домами серий 1-464, Т-335, 1-439А. Наружные стены домов имели толщину 350 мм, предусмотренную для средней полосы страны, что не соответствовало местному климату[321]. Однако вплоть до конца 1960-х гг. крупнопанельная застройка в новых городах велась точечно – в микрорайонах возвышались лишь единичные пятиэтажные дома. Основная масса жилой застройки была малопривлекательной, и осуществлялась в деревянном исполнении. Вместе с тем урбанизация медленно, но все же приводила и к преображению облика города за счет строительства социально-культурных учреждений, в первую очередь школ и детских садов[322].

Новый город. Открытие новых месторождений, увеличение планов по объему нефтедобычи и большая миграция в новые города вели к пересмотру прежних генпланов и строительству более крупных городов. Фактически генпланы не пересматривались, а создавались новые, поскольку прежние генпланы так и не были реализованы. Проектированием Сургута продолжал заниматься Гипрогор.

320 Вассерман С.Н. Дополнительные показатели проекта планировки промзоны и поселка нефтяников в Сургуте // Проектирование обустройства нефтяных месторождений Западной Сибири. – Тюмень, 1968. – С. 78.

321 Архивный отдел Администрации города Сургута (АОАГС). Ф. 80. Оп. 1. Д. 28. Л. 12-13.

322 Кирилюк Д.В. «Рывок к современности». Югорские общеобразовательные школы в условиях урбанизации // Историческая урбанистика: прошлое и настоящее города. Сборник научных статей Всероссийской конференции с международным участием (г. Сургут, СурГУ, 14 ноября 2014 г.). – Курган: Курганский Дом печати, 2015. – С. 713-722.

Для размещения города Сургута рассматривались две площадки: 1) на территории западнее реки Кедровки вдоль поймы реки Оби – между поселком Белый Яр и поселком НПУ «Сургутнефть»; 2) район от рыбоконсервного комбината до реки Кедровки вдоль основного русла реки Оби с охватом лесного массива, существующего аэродрома и застроенных территорий города – Старый Сургут, поселки геологов, строителей, нефтяников[323]. До конца 1960-х гг. большинство склонялось к первому варианту. Но при этом варианте новый город уходил на 20 км от старого Сургута, против чего выступили местные руководители, и в частности председатель горисполкома П.А. Мунарев. Он вспоминал: «На этом варианте очень настаивали нефтяники, ссылаясь на опыт строительства городов Татарии и Башкирии, где почти все города, как они уверяли, построены рядом со старыми селами и поселками… Мы, местные работники, были в недоумении. Старый Сургут существует уже почти 400 лет, здесь освоенная территория, самые высокие места, а постройки все ветхие. Но старый Сургут и Черный Мыс приближены к Оби, а по варианту нефтяников от нового города до Оби будет километров семь заливной поймы, которая после весеннего паводка представляет собой настоящее болото с разбросанным кое-где чахлым кустарником»[324].

На заседании 31 октября 1968 г. Тюменский облисполком отдал предпочтение второму варианту[325]. Этот вариант был поддержан главным архитектором Тюменской области В.А. Бешкильцевым и вторым секретарем Тюменского обкома А.К. Протозановым[326]. Выбранная площадка отвечала градостроительным требованиям: компактность города, эффективное использование территории, приближение жилья к местам приложения труда,

---

323 ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 4637. Л. 41-42.
324 Мунарев П.А. Так было, так начиналось (записки председателя). Воспоминания о становлении Сургута в 1960-1970-х годах. – Сургут: Сургутская типография, 2008. – С. 67.
325 ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 4637. Л. 41-42.
326 Бешкильцев В.А. Из воспоминаний В.А. Бешкильцева // История и перспективы градостроительного освоения территорий Севера. Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс. – М.: МЦА «Суханово», 2004. – С. 198-199.

учет природных факторов – включение в композицию города рек Оби и Саймы. Необходимость больших затрат по выторфовке и осушению болот при реализации генплана по первому варианту также предопределила решение в пользу второго варианта. Окончательно генплан Сургута был утвержден Тюменским облисполкомом 27 декабря 1968 г[327].

Облисполком и Гипрогор ратовали за развитие города с расчетной численностью в 250 тыс. чел. Однако Госплан РСФСР установил численность населения Сургута на расчетный срок в количестве 130 тыс. чел. В генплане намечалось развитие жилой застройки вдоль реки Оби до протоки Кедровки с образованием трех жилых районов – западного, центрального и восточного. Для нефтяников был зарезервирован микрорайон А западнее реки Кедровки. Промышленные предприятия были сгруппированы в северную, восточную и западную промзоны. Под общегородской парк Сургута предназначался существующий лесной массив за рекой Саймой. Социально-бытовое и торговое обслуживание велось по трехступенчатой системе: микрорайон–жилой район–город.

В марте 1970 г. Госгражданстрой СССР возложил обязанности головных проектных организаций по разработке комплексной проектной документации по жилищно-гражданскому строительству, включая рабочие чертежи и авторский надзор, в Сургуте на Ленинградский зональный научно-исследовательский и проектный институт типового и экспериментального проектирования жилых и общественных зданий (ЛенЗНИИЭП), филиал которого также организовывался в городе[328]. Историк А.И. Прищепа высоко оценивает деятельность ЛенЗНИИЭПа в градостроительном развитии города: «Сургут в полной мере можно назвать продуктом деятельности института как его генерального проектировщика со всеми присущими городу архитектурно-строительными плюсами и минусами»[329].

---

327 ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 4644. Л. 4-5.
328 АОАГС. Ф. 80. Оп. 1. Д. 27. Л. 21.
329 Прищепа А.И. Архитектурная и проектно-изыскательная работа в Сургуте // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2012, № 2 (16). Ч. II. – С. 186.

Среди всех строящихся городов в нефтегазодобывающих районах Западной Сибири, именно застройка Сургута выступала в архитектурно-планировочном отношении наиболее сложной. Город, сформированный в 1960-х гг. из множества пионерных поселков и растянувшийся вдоль реки Оби на 15-20 км, требовал особого градостроительного подхода. Здесь уже было невозможно применить линейную планировку, поскольку на территории находился разобщенный большой жилой массив ведомственных поселков, в которых началось пятиэтажное капитальное строительство. Таким образом, регулярная шахматная застройка, которая предусматривалась в генпланах Сургута, должна была вклиниваться в уже сложившуюся хаотичную планировку. Как отмечает архитектор В.В. Кадников, планировочная структура в городе Сургуте реализовывалась как линейно-полосовая, в то время как в других городах линейная (г. Нижневартовск), линейная с ответвлением (г. Урай), компактная (г. Нефтеюганск)[330].

Первоочередное строительство Сургута предусматривалось в Западном жилом районе, охватывавшем территорию западнее реки Сайма и вдоль реки Бардыковка. Проектируемая площадь составляла 420 га, где размещалось около 700 тыс. кв. м жилого фонда. При норме 9 кв. м на 1 жителя численность населения Западного жилого района Сургута предусматривалась в количестве 77,5 тыс. чел.[331]. Границами первоочередной застройки выступали: на западе – поселок и пионерная база НПУ «Сургутнефть», на востоке – ул. Свободы и поселок строителей, на юге – микрорайон энергетиков и река Обь. Район формировался из 9 микрорайонов, которые должны были соединить разрозненные ведомственные поселки. На первую очередь строительства предлагалось окончание капитальной застройки поселка энергетиков (микрорайон 8), строительство микрорайонов 2 и 3 в поселке нефтяников и возведение одной жилой группы со школой в микрорайоне 7[332]. Основу архитектурной композиции района составлял общественный центр, спроектированный как система площадей, связанных бульварами, проспектами и набережной, включавший районный парк, административную площадь, общественно-торговый и спортивный центры[333].

330 Кадников В.В. Особенности градостроительства в нефтегазоносных районах Западной Сибири (расселение и структура городов): автореф. дисс. … канд. арх.: 18.00.04. – Л., 1973. – С. 21.

331 Город Сургут. Проект детальной планировки Западного района. Пояснительная записка. – М.: Гипрогор, 1970. – С. 4.

332 Там же. – С. 11-12.

В 1972-1973-х гг. архитекторами ЛенЗНИИЭПа и Гипрогора был разработан проект детальной планировки Центрального и Западного районов Сургута. По проекту разобщенные жилые комплексы соединялись в единый организм города. Обеспечивалось создание анфилады площадей центра, увязанных с существующей застройкой. В апреле 1972 г. Сургутский горисполком выступил за сохранение реки Саймы и отказ от засыпки ее рукавов, где должны были быть проложены городские дороги и построены объекты городского центра, что являлось недопустимым, поскольку это вело к уничтожению естественного рельефа местности и было дорогостоящим мероприятием[334].

Однако эти проекты Центрального и Западного жилых районов так и не были полностью реализованы. В 1970-х гг. строительство многоэтажных жилых домов в городе осуществлялось в трех основных районах: в Западном районе было построено 320 тыс. кв. м, в Центральном районе – 280 тыс. кв. м, в Восточном районе – 49 тыс. кв. м[335]. В конце 1970-х гг. Сургут продолжал оставаться городом из обособленных жилых микрорайонов с массивами капитальной застройки в кирпичном и панельном исполнении, 1-2-этажных деревянных домов и неорганизованной застройки из балков и вагон-домов. Временные поселки, вагон-городки, балки, склады и гаражи размещались на территориях, предназначенных для капитальной застройки и общегородского центра, набережной и зеленых массивах. В западной части строился поселок нефтяников (микрорайоны 1, 2, 3, 4, 5 и 6), в центральной части – поселок энергетиков (микрорайон 8) и поселок строителей, южнее – исторический центр Старый Сургут, в восточной части за рекой Сайма – поселки геологов, рыбоконсервного комбината и поселок Черный Мыс. По инициативе Министерства путей сообщения СССР жилой фонд железнодорожной станции

333 ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 5032. Л. 49.

334 АОАГС. Ф. 80. Оп. 1. Д. 45. Л. 56-57.

335 АОАГС. Ф. 80. Оп. 1. Д. 102. Л. 136.

Сургут строился не в городской черте, а отдельным поселком в несколько километров северо-восточнее от города.

Общественные центры размещались в различных микрорайонах и поселках города и тем самым не формировали застройку общегородского центра. Наиболее удачно общественные центры складывались в поселках нефтяников и строителей. Административный центр города, предусмотренный в проекте детальной планировки Центрального района Сургута, сложился в поселке энергетиков, где были построены здания горисполкома, почты, сберкассы, строился Дворец культуры. Кстати, во всем городе именно микрорайон энергетиков отличался наилучшей комплексностью застройки и инженерно-коммунальной обеспеченностью[336].

Таким образом, застройка Сургута к концу 1970-х гг. оставалась неудовлетворительной, имела разобщенную архитектурно-планировочную композицию, в городе не было ни одной завершенной общегородской магистрали, улицы, площади, набережной. Несмотря на то, что генеральным заказчиком строительства Сургута было всесильное нефтяное ведомство, осуществлявшее нефтегазовое освоение, – Главтюменнефтегаз, фактически застройка города осуществлялась 23 заказчиками, которые не стремились к централизации средств и организации единой архитектурно-планировочной городской структуры[337].

Проблемы размещения промышленных зон в новых городах получили относительно удачные решения. Промышленные предприятия, которые не требовали специальных санитарных разрывов (ремонтно-механические цехи, предприятия строительной индустрии, базы НПУ, промысла, геофизиков, ОРСа, МТС, транспортные базы и др.), группировались в промзоны на единой площадке, примыкающей непосредственно к селитебным территориям. В Сургуте промзона формировалась восточнее и севернее от жилой застройки. Вместе с тем при правильно решенной схеме функционального зонирования промышленные территории хаотично застраивались мелкими промышленными зданиями, не кооперировались в крупные объекты, проектирование площадок велось несогласованно. Главтюменнефтегаз отказывался выступать генеральным заказчиком строительства промзоны, из-за чего не решалось обеспечение ее инженерными коммуникациями[338].

---

[336] Мантикова Э.К. Жилищное строительство Минэнерго СССР в городах Тюменской области (1965-1990 гг.) // Историческая урбанистика: прошлое и настоящее города. Сборник научных статей Всероссийской конференции с международным участием (г. Сургут, СурГУ, 14 ноября 2014 г.). – Курган: Курганский Дом печати, 2015. – С. 709.
[337] ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 5662. Л. 21.

Первоочередное строительство базовых городов нефтяников в первой половине 1970-х гг. массово осуществлялось пятиэтажными крупнопанельными и крупноблочными домами по устаревшим типовым проектам, не рассчитанным на суровые северные условия. Так, Сургутский завод крупнопанельного домостроения выпускал 5-этажные 90-квартирные жилые дома серии 1-467А. Большая часть домов устаревших серий доставлялись по воде из других областей Советского Союза. Только во второй половине 1970-х гг., вместо устаревших серий капитальных домов 339 и 467, пришли новые дома серий 123, И-164 и 112, 125[339]. 19 августа 1974 г. решением Тюменского облисполкома в соответствии с требованиями Госгражданстроя и Госстроя РСФСР с 1976 г. прекращался выпуск домов серии 1-467 на Сургутском ДСК и начиналось производство 5- и 9-этажных домов, общежитий и детских садов серии И-164-07, разработанной по заданию Миннефтепрома СССР институтом ЛенЗНИИЭП с учетом требований СНиП П-Л. 1-71, предъявляемых к строительству домов в северных районах[340]. Однако устаревшая серия 1-467 продолжала выпускаться до конца 1970-х гг. В Сургуте для выявления градостроительных возможностей домов серии И-164-07 институтом ЛенЗНИИЭП был разработан проект застройки экспериментального микрорайона А[341]. Строительство 9-этажных домов, имев-

---

[338] ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 1. Д. 6060. Л. 2.
[339] История и перспективы градостроительного освоения территорий Севера. Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс. – М.: МЦА «Суханово», 2004. – С. 157.
[340] АОАГС. Ф. 80. Оп. 1. Д. 60. Л. 112.
[341] Антонов А. Особенности застройки городов Севера // Архитектура СССР. – 1976, № 11. – С. 16.

ших разное решение фасадов, способствовало преодолению монотонности застройки микрорайонов, но поскольку оно осуществлялось точечно и в небольших масштабах, города продолжали страдать от архитектурного однообразия. В 1978 г. группа Госгражданстроя и Госстроя РСФСР, проводившая комплексную проверку состояния и качества застройки Сургута, отмечала: «Отсутствие 9-этажных зданий привело к тому, что ни один из микрорайонов не имеет завершенного вида, внутридворовые пространства раскрыты на магистрали и создают неблагоприятное впечатление неорганизованностью архитектурно-пространственного решения»[342].

Архивные документы свидетельствуют, что в 1970-х гг. систематически нарушались генпланы развития и проекты детальной планировки городов нефтяников, в том числе и Сургута. В решении Тюменского облисполкома от 3 февраля 1976 г. «О выполнении генпланов застройки городов Сургута и Нефтеюганска» обозначались следующие проблемы в городской застройке: некомплексная застройка; отсутствие объектов общегородских центров; нет ни одной сложившейся магистрали; не ведется строительство домов повышенной этажности; значительно отстает прокладка инженерных сетей и магистральных дорог; строительство осуществляется с применением устаревших серий жилых домов, не отвечающих климатическим условиям Севера; отсутствует надлежащее архитектурное оформление микрорайонов, фасадов зданий, благоустройства и озеленения[343]. Строительство города осуществлялось некомплексно: объекты социально-бытового назначения и культурные учреждения возводились значительно позже жилых домов, с опозданием на 5-7 лет. Одна из главных причин некомплексности была связана с тем, что доля капиталовложений на непроизводственное строительство в нефтегазодобывающих районах Западной Сибири снизилась в 1976-1980-х гг. против уровня 1966-1970-х гг. в 1,5 раза (с 17 до 10%)[344].

---

[342] АОАГС. Ф. 80. Оп. 1. Д. 102. Л. 165.

[343] ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 5662. Л. 20.

[344] Гаврилова Н.Ю., Карпов В.П. Жилищно-гражданское строительство в районах нового промышленного освоения Севера Западной Сибири (1964-1985 гг.) // Налоги, инвестиции, капитал. – 2002, № 1-2. – С. 242.

Единый город. Все эти проблемы вели к пересмотру строительства и корректировке генеральных планов новых городов. Корректировка генпланов Сургута, Нижневартовска, Нефтеюганска предусматривалась Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 9 февраля 1978 г. «О мерах по дальнейшему улучшению социально-бытовых условий работников предприятий, организаций и строек нефтяной и газовой промышленности Западной Сибири»[345]. Пересмотр градостроительной документации был также связан с тем, что увеличение объемов нефтегазодобычи и размещение дополнительных производственных объектов приводило к превышению темпов роста численности населения в городах относительно расчетных показателей, предусмотренных в ранее утвержденных генпланах. Показатели численности населения основывались на прогнозных материалах ведомств-заказчиков Миннефтепрома и Мингазпрома о промышленных запасах нефти и газа, которые также часто менялись, уточнялись, пересматривались[346], поэтому изменение генпланов было неизбежным. Так, по генплану Сургута, принятому в 1968 г., численность населения города на расчетный срок 25-30 лет предусматривалась 130 тыс. чел. и на первую очередь строительства – до 1980 г. – 80 тыс. чел. Однако уже в начале 1979 г. в городе проживало 107 тыс. чел.[347].

Новый генплан для Сургута разрабатывался Ленинградским научно-исследовательским институтом по разработке генеральных планов и проектов застройки городов (ЛенНИИПградостроительства). Корректировка была завершена к лету 1979 г. 17 октября 1979 г. откорректированный генплан был утвержден решением Тюменского облисполкома[348]. Генплан предусматривал увеличение численности горожан до 170 тыс. чел. на первую очередь строительства до 1985 г. и 300 тыс. чел. до 2000 г. Селитебная территория увеличивалась с 976 га до 2850 га на расчетный срок и до 1462 га на первую очередь строительства до 1985 г.

---

[345] ГАТО. Ф. 814. Оп. 5. Д. 855. Л. 165об.

[346] Из воспоминаний А.Н. Отрадного / История и перспективы градостроительного освоения территорий Севера. Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс. – М.: МЦА «Суханово», 2004. – С. 260.

[347] АОАГС. Ф. 80. Оп. 1. Д. 102. Л. 123-128.

[348] ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 6140. Л. 54-55.

Новое жилищное строительство на расчетный срок предполагалось в объеме около 4300 тыс. кв. м общей площади при обеспеченности 18 кв. м общей площади на 1 человека. Территориальное развитие города осуществлялось в западном (Центральный жилой район), северо-западном (Западный район) и северо- и юго-восточном (Восточный район) направлениях вдоль правого берега реки Оби. В генплане отмечалось: «Система основных планировочных узлов предусматривает размещение общегородского центра и центров планировочных районов заглубленными в тело селитебной зоны. Рациональная структура прямоугольной сети планировочных связей, дополненная диагональными направлениями, создает удобные внутренние и внешние связи всех функциональных зон, планировочных и транспортных узлов»[349].

Общегородской центр формировался на берегах р. Саймы и ее рукавов. В 1980-1985 гг. должна была осуществляться застройка центральных магистралей, площадей и набережной в Центральном районе. Запрещалось строительство временных поселков на территориях города, предназначенных для капитальной застройки[350]. Резервом для дальнейшего развития Сургута становились земли, расположенные на пойменных островах к югу, что давало возможность более компактно организовать город[351]. На территории города создавались три промзоны: 1) Восточная (ГРЭС); 2) Северная (домостроительный комбинат и пищевые предприятия); 3) Северо-Западная (предприятия по обустройству нефтепромыслов)[352].

На основе генпланов началось массовое жилищное строительство, реконструкция существующих микрорайонов и формирование общегородских архитектурных ансамблей. 26 ноября 1979 г. вышел совместный Приказ Миннефтепрома, Мингазпрома, Миннефтехимпрома, Миннефтегазстроя, Минпромстроя, Гос-

[349] Генеральный план города Сургута (корректировка). Том 1. Архитектурно-планировочная структура города и технико-экономическое обоснование. – Ленинград: ЛенНИИПградостроительства, 1979. – С. 76.
[350] АОАГС. Ф. 80. Оп. 1. Д. 102. Л. 124.
[351] АОАГС. Ф. 80. Оп. 1. Д. 102. Л. 138.
[352] Генеральный план города Сургута (корректировка). Том 1. Архитектурно-планировочная структура города и технико-экономическое обоснование. – Ленинград: ЛенНИИПградостроительства, 1979. – С. 79.

гражданстроя СССР и Госстроя РСФСР «Об утверждении мероприятий по улучшению архитектуры, застройки и благоустройства городов и поселков Тюменской области, повышению качества строительства жилых домов и объектов соцкультбыта, развитию базы индустриального домостроения на 1979-1980 и 1981-1985 годы»[353]. Мероприятия предусматривали в 1980-1985 гг. осуществить строительство основных градостроительных комплексов в базовых городах нефтяников. В Сургуте к таким комплексам относились: 1) ансамбль площади у Дома Советов; 2) плавательный бассейн, кинотеатр и примыкающие к ним жилая застройка и площади; 3) главная улица центральной части города с системой площадей; 4) Дворец молодежи с благоустройством и озеленением прилегающей территории; 5) Центральный жилой район, комплексная застройка которого должна была завершиться к 1983 г.

Развитие Сургута в 1980-х г. шло по генплану 1979 г., согласно которому в городе планировалось строительство 30 микрорайонов на 180 тыс. чел.[354]. Капитальная застройка 1980-х гг. соединила некоторые ведомственные поселки. В архитектурно-планировочном отношении Сургут стал превращаться в единый город. На месте пустоши и леса между поселками протянулись главные городские магистрали. Общегородской центр Сургута приобрел окончательное оформление к концу 1980-х гг. Был выстроен главный проспект города, который получил имя Ленина в сентябре 1987 г. Проспект рассекал новый центральный жилой массив города и представлял собой ломаную линию, соединяющуюся площадями. Фрагментация Сургута на поселки способствовала организации основных улиц города не по регулярному, а скорее по полицентрическому барочному плану с несколькими взаимосвязанными узлами площадей и важных зданий. В схеме проекта застройки ядра центра Сургута от 1986 г. центр города формировался следующими зданиями: горисполкома и горкома КПСС, РЭУ «Тюменьэнерго», драматическим театром, Дворцом молодежи, административными зданиями производственного объ-

[353] ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 1. Д. 6883. Л. 20-39об.
[354] ГАТО. Ф. 2240. Оп. 1. Д. 6. Л. 35.

единения Сургуттрансгаз, административными зданиями общественных организаций, комсомольско-молодежным комплексом Сургуттрансгаза, гостиницей на 500-600 мест, торгово-общественным центром, рядом зданий общественного назначения (кинотеатром, рестораном, библиотекой и др.), а также тремя жилыми группами застройки[355].

В 1980-х гг. постепенно уничтожалась деревянная застройка города. В Сургуте были ликвидированы неблагоустроенные поселки производственного объединения Сургутгазпром, треста Сургутстройгаз, ОРС-13, АВП, ПТП, ПТТиСТ, часть поселка Таежный[356]. Западный, Центральный и Восточный жилые районы были застроены капитальными крупнопанельными и крупноблочными домами.

Историческая деревянная застройка, располагавшаяся в Старом Сургуте, полностью уничтожалась по генплану 1979 г. В первой половине 1980-х гг. вместо деревянных домов были выстроены крупнопанельные многоэтажки, и Старый Сургут стал частью микрорайона энергетиков. Сургутский краевед И.П. Захаров писал в 1983 г.: «За два года снесено больше пол-Сургута. Бульдозер строителей прошел с одного края села до другого, не встретив никаких препятствий на своем пути. Никто из старых жителей не возражал против сноса прежних построек, наоборот, все хотели быстрее перебраться в благоустроенные квартиры»[357]. Разрушение Старого Сургута привело к тому, что город потерял исторический центр и памятники сургутского деревянного зодчества XIX – начала XX вв. В 1980-х гг. общественность Сургута поняла, что теряет идентичность с городской историей. Дискуссии о возведении в Сургуте музейно-этнографической зоны и сохранении части исторической застройки начались в 1982 – 1983-х гг. Но только в постсоветский период в Сургуте, в пределах того места, где когда-то стоял исторический город, был образован историко-культурный центр «Старый Сургут».

---

[355] ГАТО. Ф. 1933. Оп. 1. Д. 81. Л. 84.

[356] Зорин Л.З., Трутнев А.Н. Сургутский вариант. – М.: Недра, 1993. – С. 114.

[357] Захаров И.П. На месте старого Сургута // К победе коммунизма. – 1983. 7 декабря.

Впечатляющие темпы строительства в Сургуте в 1980-х гг. привели к тому, что территории, предназначенные для городской застройки, были исчерпаны, а население города превысило плановые показатели. Понадобилась корректировка генплана, принятого в 1979 г.

Тюменский облисполком утвердил генплан Сургута, спроектированный институтом ЛенНИИПградостроительства, решением от 6 мая 1991 г.[358]. На первую очередь строительства генпланом предусматривалось население города в количестве 400 тыс. чел., а на расчетный срок – 450 тыс. чел. В городе предполагалось строительство нефтехимического комплекса. Территориальное развитие города осуществлялось за счет освоения пойменных земель реки Оби, располагавшихся на юге и западе от жилых районов, и включением в планировочную структуру города поселков Белый Яр, Барсово и Солнечный. Селитебная зона делилась на крупные планировочные районы: Центральный (ядро города у реки Сайма), Восточный (от Саймы и поселка Геологов до речпорта), Западный (от протоки Бардыковки до Белого Яра, включавший микрорайон железнодорожников), Северный (район индивидуальной усадебной застройки в лесном массиве от аэропорта до города), Белый Яр (жилой массив западнее города, включавший поселки Юность и Барсово), Солнечный (жилой поселок на территории Западно-Сургутского месторождения и Западная промзона), Пойменный (территории, прилегающие к общегородскому центру и раскрытые на Обскую акваторию)[359]. Однако в силу системного экономического и политического кризиса в 1990-х гг. новый генплан Сургута воплотить в жизнь так и не удалось. Расширение городской застройки продолжалось главным образом в рамках старого генплана 1979 г.

Значительные объемы городского жилищного строительства в 1980-х гг. велись 5- и 9-этажными домами серий И-164, 112, ИИ-04 и 83. Создавались кварталы из домов 125 серии, так называемых «трехлистников». В Сургуте 5- и 9-этажными жилыми

---

[358] ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 7859. Л. 14.

[359] Генеральный план г. Сургута, Тюменской области (корректировка). Общая пояснительная записка. Том I. – Ленинград: ЛенНИИПградостроительства, 1990. – С. 116-118.

домами серий 112 и И-164-07, разработанных ЛенЗНИИЭПом для северных районов страны, был застроен Центральный жилой район. Из этих серий формировались основные проспекты и площади, общегородские магистрали. Многоэтажные дома также привозились из других городов России.

Важную роль в улучшении архитектурно-планировочного пространства Сургута сыграло строительство Главзапсибжилстроем Миннефтегазстроя СССР блок-секционных домов, в основу которых был заложен принцип типизации не целых зданий, а секций, с улучшенными объемно-планировочными решениями, что позволило повысить архитектурную выразительность застройки. В Сургуте были созданы архитектурные ансамбли из жилых блок-секционных домов различной объемно-высотной композиции, конфигурации и протяженности (например, проспект Ленина)[360].

Значительной проблемой городского строительства стала запоздалая функциональная и композиционная организация общегородских центров. В 1960-1980-х гг. функции центра переносились в микрорайоны и ведомственные поселки. Здания учреждений с общегородскими функциями, которые выступали ключевыми элементами центральных архитектурных ансамблей и главных магистралей, были построены только к концу 1980-х гг. Вместе с тем отсутствие каменной или даже деревянной исторической застройки досоветского периода и большого стиля (например, сталинского монументализма) с классическими дворцами, колоннами, ордерами, барельефами, фонтанами, памятниками и садово-парковыми скульптурами привносило скудность и оголтелость в облик главных архитектурных ансамблей Сургута с их типовыми зданиями, остававшимися к тому же композиционно незавершенными. В 1980-х гг. возведение 9-этажных домов и формирование городских ансамблей по регулярному плану, с просторными площадями и эспланадами, привело на практике к появлению в Сургуте вместо архитектурно завершенных участков городской среды и градостроительных комплексов огромных пустынных пространств. Прибрежные территории Оби так и

[360] Курамин В.П. Прогрессивные методы строительства в Западной Сибири. – М.: Недра, 1987. – С. 78.

не были включены в архитектурно-планировочную структуру Сургута.

Этапы и факторы градостроительной истории. В градостроительной истории Сургута в период нефтегазового освоения Западной Сибири выделяются три основных этапа, которые почти полностью совпадают с границами десятилетий 1960-х, 1970-х и 1980-х гг. На начальном этапе строительства архитектурно-планировочная структура Сургута формировалась из разрозненных ведомственных поселков. Балки, бараки, вагон-дома, дома-цилиндры или бочки, палатки и землянки являлись главными объектами пионерной застройки Сургута. Первоочередное строительство осуществлялось двухэтажными деревянными домами заводского изготовления. Несмотря на то, что периодически велся снос временного жилья, на протяжении 1960-1980-х гг. жилые массивы из балков продолжали разрастаться в Сургуте, как и в других городах нефтяников. Однако в 1970-1980-х гг. строительство в основном велось крупнопанельными, крупноблочными и кирпичными домами. Организовывалась микрорайонная система городской застройки, которая не могла окончательно оформиться из-за наличия в Сургуте разобщенной среды ведомственных поселков. В планировке микрорайонов многоэтажная крупнопанельная застройка не сочеталась с малоэтажной деревянной. Существенная часть жилого фонда Сургута (20%) приходилась на 1-2-этажную застройку из деревянных конструкций, на капитальные дома – 80%[361]. В силу типового строительства Сургут имел однообразный и серый вид. Только в 1980-х гг. внедрение новых усовершенствованных типовых проектов, распространение облицовки наружных стен и фасадов и привлечение строительных организаций из различных регионов страны способствовало разнообразию городской застройки Сургута, которая отчасти стала соответствовать суровым климатическим условиям.

Таким образом, градостроительная история Сургута в 1960 – начале 1990-х гг. определялась двумя факторами: 1) градостроительной политикой ведомств, которые без согласования с архи-

[361] Давиденко П., Жегалина Г. Нормы для региона // Архитектура СССР. – 1986, № 5. – С. 29.

тектурными институтами стремились быстрей поставить свой поселок, где бы проживали их работники, что вело к хаотичной городской планировке; 2) постоянной корректировкой генеральных планов, служивших идеальным типом архитектурно-планировочной структуры Сургута и выступавших главным механизмом противодействия и ограничения ведомственной градостроительной политики. В конечном итоге к началу 1990-х гг. идеальный архитектурно-планировочный тип достичь, к сожалению, так и не удалось в связи с несогласованной застройкой множества заказчиков. По этой причине Сургут представлял собой настоящий ведомственный город.

Глава VII.

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ АРХИТЕКТУРНО-ПЛАНИРОВОЧНОГО ПРОСТРАНСТВА И ЗАСТРОЙКИ ГОРОДОВ ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА (1960-е – начало 1990-х гг.)

Развитие городской среды является важнейшей составляющей урбанизации и градостроительства. Урбанизационные процессы определяют качество городской среды, которая выступает как соотнесенность, сопряженность, взаимосвязанность предметно-пространственного окружения к межчеловеческим взаимодействиям, происходящим в нем[362]. Содержание предметно-пространственного окружения составляют главным образом городской ландшафт, архитектура и застройка города. Именно архитектурно-планировочная структура организовывает все элементы городской среды, ее социально-культурное развитие, наполняет жизнь горожанина теми образами и символами, которые формируют городской образ жизни.

Согласно историкам С.С. Букину и В.И. Исаеву, в Сибири складывались два типа социально-культурной городской среды: 1) образцовый социалистический тип городской застройки, часто с хорошей архитектурой, озеленением и удачной планировкой всех элементов; 2) стихийно складывающийся тип беспорядочной городской застройки, в основном с подворным расселением, сохраняющий элементы деревенского образа жизни; этот тип, включающий бараки, землянки, шалаши и времянки, особенно был характерен для начального этапа урбанизации Сибири[363]. Два обозначенных типа со своими особенностями были характерны для городов Ханты-Мансийского округа, которые получили жизнь после нефтегазового освоения Западной Сибири.

---

362 Глазычев В.Л. Социально-экологическая интерпретация городской среды / В.Л. Глазычев. – М.: Наука, 1984. – С. 96.

363 Букин С.С. Урбанизация в Сибири в XX веке: закономерности и особенности / С.С. Букин, В.И. Исаев // Хозяйственное освоение Сибири в контексте отечественной и мировой истории: Сб. науч. трудов. – Новосибирск: Сибирское отделение РАН, 2005. – С. 153.

Все началось с геологов. Именно геологи дали толчок рождению городов на Севере Западной Сибири. Поселки геологов ставились вблизи существующих населенных пунктов, которые благодаря геологическим открытиям получили ресурсный потенциал для развития. В Сургуте поселок геологов расположился между Старым Сургутом и деревней Черный Мыс. В Мегионе геологи расквартировались на берегу протоки Оби – Меги. Поселок Усть-Балыкской нефтеразведочной экспедиции возник летом 1961 г. на берегу реки Юганская Обь. В 1962 г. он получил название Нефтеюганск. Геологи застраивали свои населенные пункты балками, землянками и палатками, а затем стали строиться брусчатые двухэтажные дома.

Первые нефтяники высадились в округе в феврале 1964 г., когда последовала промышленная эксплуатация месторождений. Поселки нефтяников появились в Сургуте, Нижневартовске, Нефтеюганске, Урае. В Сургуте поселение нефтяников расположилось западнее рабочего поселка Сургут и поселка геологов. Другой поселок нефтяников, с которого начинался будущий город Нижневартовск, располагался западнее поселка Старый Вартовск, и он стал называться – Новый Вартовск. Эти поселки также застраивались двухэтажными брусчатыми домами.

В 1965 г. в ХМАО расквартировались строители. В июле 1965 г. Тюменский облисполком отвел Главтюменнефтегазстрою для проектирования собственного двухэтажного деревянного жилищного строительства земельные участки: микрорайона № 6 в Нефтеюганске площадью 15,6 га, микрорайона № 1 в Засайменском районе Сургута площадью 11,5 га, микрорайона № 1г в Урае площадью 11,5 га[364].

Возведение поселков имело хаотический характер. Как отмечал главный архитектор института Башнефтепроект М.П. Мазин: «Во многих случаях вопросы размещения новых населенных пунктов решаются волевым порядком без достаточных технико-экономических обоснований, или просто исходя из конъюнктурных соображений»[365].

[364] ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 4154. Л. 52.
[365] ГАТО. Ф. 1933. Оп. 1. Д. 18. Л. 262.

Проектирование городов нефтяников началось весной 1964 года. Заказ на разработку генеральных планов городов Урая, Нижневартовска и Нефтеюганска был получен институтом Башнефтепроект, а города Сургута – Гипрогором.

19 октября 1964 г. Тюменский облисполком утвердил проекты генеральных планов развития Урая, Нижневартовска и Нефтеюганска[366]. Генпланы определяли расчетную численность населения в 33 (для Урая), 44 (для Нижневартовска) и 18 (для Нефтеюганска) тыс. человек. Размещение Нефтеюганска на 18 тыс. чел. требовало дополнительных обоснований и соответствующих согласований с заинтересованными организациями, так как по проекту развитие города намечалось на нефтяном месторождении, а площадка строительства представляла островную территорию поймы реки Оби. 21 июля 1965 г. на заседании Тюменского облисполкома «О состоянии и перспективах развития градостроительства, связанного с народно-хозяйственным освоением нефтегазоносных районов области» был одобрен генплан развития города Сургута[367].

Начиная с 1966 г. основной объем жилищно-гражданского строительства в городах Сургуте, Урае и рабочих поселках Нефтеюганск и Нижневартовск предусматривалось осуществлять только в капитальном исполнении, а строительство деревянных зданий должно было производиться лишь с разрешения облисполкома. Но на 1964-1965 гг. предусматривалась двухэтажная застройка из брусчатых деревянных домов по типовым проектам, под которую в городах отводились микрорайоны: № 4 и № 5 в Нефтеюганске, № 1 и № 1А в Урае, № 5 и № 5А в Нижневартовске, микрорайон № 1 в Сургуте (в поселке нефтяников). Тюменской областной конторе Стройбанка запрещалось с 1966 г. финансирование деревянного строительства, за исключением объектов в микрорайонах, предусмотренных под деревянную застройку.

В генпланах городов институтом Башнефтепроект были заложены следующие планировочные элементы: 1) ввиду равнинного характера рельефа, сетка улиц преимущественно проектировалась прямолинейной, ориентируясь при этом на характер-

[366] ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 3977. Л. 24-25.
[367] ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 4153. Л. 6-9.

ные изгибы береговых линий; 2) в силу удорожания строительства из-за северных условий – формировались из достаточно крупных микрорайонов; 3) максимальное сохранение существующих лесов, которые служили естественными границами между селитебной территорией и промзоной и выступали главным элементом озеленения микрорайонов и парков; 4) промзона максимально приближалась к селитебной, имела удобную с ней связь и общее энергетическое и сетевое хозяйство; 5) промышленные предприятия, требующие больших санитарных разрывов до селитьбы (нефтесборные парки, установки по подготовке нефти, головные сооружения трубопроводов), выделялись в отдельные зоны: в Урае зона была отнесена от города на 8 км, в Нефтеюганске на 7 км, в Нижневартовске на 5 км[368].

Таким образом, жилая двухэтажная застройка пионерных поселков должна была развиться в микрорайонную систему. В октябре 1964 г. главный архитектор Тюменской области В.А. Бешкильцев писал, что в Нефтеюганске, Урае и Нижневартовске «первые микрорайоны регулярной жилой застройки с площадью по 20 тыс. кв. м жилой площади, со зданиями культурно-бытового обслуживания и полным инженерным благоустройством строятся полным ходом»[369].

В декабре 1965 г. Тюменским облисполкомом были утверждены проекты детальной планировки (ПДП) городов Урая и Нефтеюганска, разработанные институтом Башнефтепроект[370]. ПДП Урая охватывал территории: 1) микрорайон № 2, зону общественного центра и комплексы социально-культурных и бытовых объектов, которые возводились в кирпиче, панелях и железобетоне по типовым проектам; 2) предусмотренные в дереве – микрорайоны № 1 и № 1а[371]. ПДП Нефтеюганска затрагивал: 1) деревянное строительство – микрорайоны № 4 и № 5; 2) капитальное строительство по типовым проектам – микрорайоны № 1 и № 2, а также общественные здания[372].

[368] ГАТО. Ф. 1933. Оп. 1. Д. 18. Л. 268-269.
[369] ГАТО. Ф. 1933. Оп. 1. Д. 10. Л. 9.
[370] ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 4162. Л. 27-28.
[371] ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 4162. Л. 28.
[372] ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 4162. Л. 28.

Схема планировки и строительство Нижневартовска шло не лучшим образом. В 1967 г. в Нижневартовске НПУ «Мегионнефть» самовольно застроило одноэтажными домами прибрежную зону реки Оби перед фронтом 2-этажных домов микрорайона № 5. Территория между микрорайонами № 5 и 5а застраивалась коммунальными и производственными предприятиями с грубым нарушением санитарных и градостроительных требований[373]. Тюменское руководство отмечало, что при проектировании города Нижневартовска не была использована в достаточной степени радиально-лучевая система планировки, которая диктовалась условиями площадки. Центр будущего города размещался случайно и композиционно не являлся организующим элементом планировки. В июне 1964 г. Тюменский облисполком просил доработать схему планировки Нижневартовска с учетом замечаний: 1) центральную площадь раскрыть в сторону Оби и разместить на пересечении улиц 3, 4 и 7 с организацией радиальной системы магистралей к центру города; 2) лесной массив береговой полосы до улицы № 4 трактовать как прибрежный парк, органически увязав его с городским центром[374]. Постепенно ведомственные поселки стали преображаться. В 1966-1969 гг. первые крупнопанельные дома стали возводиться в Сургуте, Урае, Нефтеюганске и Нижневартовске. Строительство осуществлялось домами серий 1-464, Т-335, 1-439А. Но эти дома все-таки были единичными, а города продолжали оставаться деревянными.

По воспоминаниям одного из жителей Нефтеюганска, архитектурный облик города в декабре 1967 г. был таким: «… город состоял из законченных четвертого и пятого микрорайонов и недостроенного шестого микрорайона с двухэтажными деревянными домами. Вокруг этих микрорайонов сгрудились частные строения из балков, вагончиков и приспособленных – чуть ли не картонных – домиков на территории первого, второго и третьего микрорайонов, а также в сторону речки Акопас. В седьмом микрорайоне стояли так называемые особняки руководителей»[375]. В

[373] ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 4478. Л. 13.
[374] ГАСПИТО. Ф. 2010. Оп. 1. Д. 159. Л. 12-13.
[375] Вспоминает Валентин Владимирович Ямзин / Нефтеюганск: воспоминания, документы, публикации / Науч. ред. А.В. Черноухов. – Екатеринбург: Архитектон, 1997. – С. 49.

конце 1960-х гг. в Нефтеюганске на высоком берегу Юганской Оби оставалось еще много землянок.

Осознав, что Север Западной Сибири обладает колоссальными запасами нефти, государство принялось за возведение крупных городов в этом регионе. Началась разработка новых генпланов городов. Проектирование Нижневартовска передавалось Гипрогору, который также продолжал заниматься Сургутом. Миннефтепром СССР отказался обеспечить корректировку генпланов Урая и Нефтеюганска. В связи с этим Тюменский облисполком в апреле 1968 г. счел необходимым принять на себя финансирование проектных работ по этим городам[376]. Имевшаяся до 1970 г. практика выполнения проектных работ для городов и поселков институтами министерств и ведомств показала, что они были не в состоянии справиться с градостроительными задачами. По просьбе Тюменского обкома и облисполкома Госгражданстрой и Госстрой РСФСР возложили эту работу на ведущие, специализированные в градостроительном отношении, институты. Разработка генпланов Нефтеюганска и Урая передавалась институту ЛенНИИПградостроительства[377].

Вновь последовала работа по выбору площадок для строительства городов. В 1969 г. институтом Гипрогор обследовались четыре площадки – Сороминская, Мегионская, Рязанская, Нижневартовская – для строительства и развития города Нижневартовска. Обследование показало, что Сороминская площадка находилась вдали от основных транспортных путей – рек Оби и Вах. Мегионская площадка оказалась небольшого размера (350-400 га), поэтому тоже была недостаточна для размещения города, для которого требовалось около 1500 га. Рязанская площадка, непосредственно примыкавшая к существующему поселку Нижневартовску, была наиболее благоприятна для развития города, однако здесь был уже расположен аэродром. Гипрогор ратовал за Нижневартовскую площадку, освоение которой требовало проведения берегоукрепительных работ на протяжении около 4 км береговой полосы и затрат на инженерную подготовку территории. На этой площадке как раз размещался пионерный поселок

[376] ГАТО. Ф. 1933. Оп. 1. Д. 15. Л. 120.
[377] ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 1. Д. 5923. Л. 6.

нефтяников, и здесь уже было возведено 60 тыс. кв. м жилой площади. Госстрой РСФСР посчитал целесообразным продолжить развитие Нижневартовска на этой площадке[378].

Генплан Нижневартовска был утвержден Тюменским облисполкомом 26 декабря 1969 г. с расчетной численностью 130 тыс. чел[379]. Облисполком просил, в целях сокращения освоения заболоченных территорий, повысить плотность застройки города, а также учесть частичное расселение нефтяников в поселке Мегион, наметить зоны для 2-этажной деревянной застройки индивидуального строительства и временного жилья сборного, инвентарного типа, применить в застройке микрорайонов принцип замкнутых пространств. Структура генплана представляла четкую функциональную организацию территории на производственные и жилые зоны. Застройка города утверждалась зданиями 4, 5, 9 и выше этажей с полным инженерным оборудованием и благоустройством.

Разработка генпланов базовых городов завершилась 27 марта 1970 г., когда решением облисполкома были утверждены генеральные планы и проекты детальной планировки городов Нефтеюганска и Урая, разработанные институтами ЛенНИИПградостроительства и Башнефтепроект[380]. Генпланы городов, принятые в 1964 г. и разработанные Башнефтепроектом, утрачивали силу. Численность населения Нефтеюганска и Урая на расчетный срок была принята в размере 18 тыс. чел. и 31 тыс. чел. соответственно. Для Нефтеюганска также намечалась возможность роста населения до 30 тыс. чел., поскольку до возведения города Южный Балык он становился центром эксплуатации Южно-Балыкских месторождений.

В марте 1970 г. Госгражданстрой СССР возложил обязанности головных проектных организаций по разработке комплексной проектной документации по жилищно-гражданско-му строительству, включая рабочие чертежи и авторский над-зор, в городах и поселках нефтяников на следующие институты: ЛенНИИПградостроительства – по Нефтеюганску и Ураю,

[378] ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 1. Д. 4968. Л. 97-98.
[379] ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 4760. Л. 4-5.
[380] ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 4760. Л. 14-16.

ЛенЗНИИЭП – по Сургуту, СибЗНИИЭП – по Нижневартовску. Также был организован филиал ЛенЗНИИЭПа в Сургуте[381].

В городах последовало проектирование детальных планировок и строительство первой очереди, предусмотренной генпланами до 1975 г. Архитектор О.В. Стахеев выделил три основных группы проектных предложений по планировке и застройке северных городов, которые рассматривались в то время[382]:

1) закрытая планировочная структура – это организация перекрытых городских образований или формирование их в виде крупных домов-комплексов с численностью населения от одной до нескольких тысяч человек; в силу высокой затратности так и не была реализована;

2) полузакрытая – формирование высокоплотной жилой и общественной застройки, которая предусматривала улучшение микроклимата внутри зданий и на открытых территориях с помощью ветрозащитных сооружений;

3) открытая – широкое функциональное использование основных элементов ландшафта в городской среде, которое основывалось на возможности длительного пребывания человека на открытом воздухе без проведения значительных специфических планировочных мероприятий.

За основу планировочных структур новых городов были положены второй и третий варианты.

В 1970-х гг. градостроительным институтам неоднократно приходилось разрабатывать и корректировать проекты детальной планировки городов нефтяников. Вызвано это было отдельными отступлениями в процессе реализации от утвержденных генпланов, изменением номенклатуры применяемых для застрой-ки типов жилых и общественных зданий, а также отдельными уточнениями, учитывающими конкретные условия строительства[383].

---

[381] АОАГС. Ф. 80. Оп. 1. Д. 27. Л. 21.

[382] Стахеев О.В. Совершенствование планировочных структур и застройки селитебных территорий базовых городов Западной Сибири: Автореф. дисс. … канд. арх.: 18.00.04. – С-Пб.: С-ПбГАСУ, 1995. – С. 12-14.

[383] Буберман А.С. Проекты детальной планировки I и II очереди строительства города Нижневартовска // А.С. Буберман, О.И. Жигалова, В.В. Обозенко // Планировка и застройка Нижневартовска: Сб. науч. трудов СибЗНИИЭП, №7. – Новосибирск, 1974. – С. 37.

Архитекторы при проектировании Нижневартовска основывались на принципах регулярной планировки сибирских городов XIX века – линейный тип застройки вдоль транспортных магистралей – главная проходила вдоль реки, а другая связывала набережную с железнодорожным вокзалом. Применяемая прогрессивная схема планировочной структуры, основанная на принципах линейности, непрерывности и динамичности, отражала общую градостроительную концепцию для городов базового крупного перспективного центра, характерную для 1960-х гг. и впервые получившую реализацию при строительстве города Тольятти[384].

Планируемая территория строительства Нижневартовска предусматривалась в размере 432,6 га, где должно было разместиться 567,7 тыс. кв. м жилой площади, в том числе в домах повышенной этажности 187 тыс. кв. м. Проектная численность населения первой очереди принималась в количестве 62,5 тыс. чел. (при 9 кв. м жилой площади на 1 чел.)[385].

Первая очередь строительства Нижневартовска предусматривалась на территории западнее пионерного поселка нефтяников. Здесь размещались 6 микрорайонов, общегородской центр, а ближе к берегу Оби – санитарно-защитная зона с предприятиями коммунально-бытового обслуживания и набережной, подлежащей освоению после сноса временных сооружений и проведения берегоукрепительных работ. С запада к микрорайонам примыкала промзона, на севере площадка ограничивалась городскими магистралями, на востоке – ул. Нефтяников, а с юга – Обью. В пределах жилых микрорайонов возводились административные, культурно-просветительные учреждения, торговая зона с домом быта и медицинский центр. Композиционной осью планируемой территории являлась улица Космонавтов, которая со временем была переименована в улицу Победы, начинающаяся с набереж-

---

[384] Оглы Б.И. Формирование центров крупных городов Сибири. Градостроительные и социально-культурные аспекты / Б.И. Оглы. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1999. – С. 137.

[385] Буберман А.С. Проекты детальной планировки I и II очереди строительства города Нижневартовска // А.С. Буберман, О.И. Жигалова, В.В. Обозенко // Планировка и застройка Нижневартовска: Сб. науч. трудов СибЗНИИЭП, №7. – Новосибирск, 1974. – С. 42.

ной Оби и подходившая к первоочередным объектам городского центра. В южной части бульвара проектировался сад жилого района с кафе и танцзалом, музыкальной школой и кинотеатром. Улица застраивалась 5- и 9-этажными зданиями с широким пешеходным бульваром. Перспектива улицы замыкалась зданием Дома культуры, перед которым раскрывалась площадь, являвшаяся композиционным центром района[386].

Общегородской центр города находился в середине между жилыми микрорайонами – 1 и 2, располагавшимися южнее, и 3 и 4, которые примыкали с севера. Микрорайон 5 застраивался восточнее 4 микрорайона, а микрорайон 6, намечавшийся для экспериментального проектирования и строительства, возводился на севере жилого массива. Для микрорайонов, площадь которых колебалась от 23,9 га до 36,1 га, была характерна периметральная застройка полузамкнутыми группами жилых домов. В центре микрорайонов размещались детские учреждения, зеленые насаждения общего пользования с сохранением лесных массивов. Организовывалось внутримикрорайонное пешеходное движение, обеспечивающее кратчайшие пути от остановок общественного транспорта и учреждений обслуживания в пределах 350-400 м. В городе предусматривалась двухступенчатая организация культурно-бытового обслуживания: учреждения повседневного пользования находились в микрорайонах, учреждения периодического и эпизодического пользования в зоне общегородского центра. Прилегающие к Нижневартовску озера рассматривались как территории массового отдыха горожан[387].

Строительство второй очереди Нижневартовска последовало в середине 1970-х гг. Новая городская застройка, которая являлась продолжением линейной структуры первой очереди, при-

[386] Буберман А.С. Проекты детальной планировки I и II очереди строительства города Нижневартовска // А.С. Буберман, О.И. Жигалова, В.В. Обозенко // Планировка и застройка Нижневартовска: Сб. науч. трудов СибЗНИИЭП, №7. – Новосибирск, 1974. – С. 38-39.
[387] Буберман А.С. Проекты детальной планировки I и II очереди строительства города Нижневартовска // А.С. Буберман, О.И. Жигалова, В.В. Обозенко // Планировка и застройка Нижневартовска: Сб. науч. трудов СибЗНИИЭП, №7. – Новосибирск, 1974. – С. 40-41.

мыкала к первым микрорайонам с востока по ул. Нефтяников. С севера границей района выступала железная дорога, с востока – городская магистраль (Ханты-Мансийская улица), с юга – прибрежная территория Оби. Композиция новой застройки строилась на взаимно пересекающихся направлениях с системой скверов и бульваров: первое направление – с севера на юг соединяло железнодорожный вокзал с прибрежной территорией, где проектировался речной вокзал (улица Чапаева); второе – с запада на восток связывало общегородской центр первой очереди строительства с центром второй очереди (улицы Мира и Ленина). Общегородской центр представлял собой зону, где размещались учреждения коммунально-бытового обслуживания, торговый и культурно-просветительный центр с учебными заведениями и жилыми комплексами для молодежи. Завершался центр общегородским спортивным комплексом, возле которого должна была находиться главная площадь города[388].

Значительной проблемой при проектировании второй очереди строительства Нижневартовска стал пионерный поселок нефтяников, застроенный двухэтажными брусчатыми домами, который располагался как раз на территории строящихся микрорайонов и прилегал непосредственно к общегородскому центру второй очереди. При проектировании было решено сносить пионерный поселок, однако это предложение так и не было реализовано.

Другой сложностью при строительстве Нижневартовска и организации благоустроенного выхода к реке выступало интенсивное разрушение береговой полосы (8-10 метров в год), вдоль которой на 6 км растянулись жилые районы и речные причалы, а также временная неблагоустроенная застройка на прибрежных территориях Оби в зоне микрорайонов 1 и 2. Берегоукрепительные работы продолжались на протяжении 1970-х гг., однако благоустройство набережной согласно проектам так и не было осуществлено.

[388] Буберман А.С. Проекты детальной планировки I и II очереди строительства города Нижневартовска // А.С. Буберман, О.И. Жигалова, В.В. Обозенко // Планировка и застройка Нижневартовска: Сб. науч. трудов СибЗНИИЭП, №7. – Новосибирск, 1974. – С. 44.

На принципах компактной линейной планировки формировались города Нефтеюганск и Урай. Так же как и в Нижневартовске, в Нефтеюганске основная композиция города строилась на двух взаимно-перпендикулярных магистралях: 1) первая простиралась вдоль реки и вела к промышленной зоне, находившейся восточнее жилых микрорайонов (улица Нефтяников); 2) вторая подходила к излучине Юганской Оби, где создавалась зона отдыха и спорта (улица Ленина). В месте пересечения этих направлений размещалась центральная площадь города, сформированная зданиями городского Совета, НПУ «Юганскнефть», кинотеатра, городского спортивного комплекса. Главный бульвар Нефтеюганска выходил к реке, где на живописной надпойменной террасе парка возвышался Дворец культуры, который выступал связующим элементом между застройкой общегородского центра и парковой зеленой зоной. В юго-восточной части террасы формировалась детская зона с Домом пионеров, спортивной школой и зданием интерната[389]. Система обслуживания в городе принималась, как и в Нижневартовске, двухступенчатой.

Общегородской центр создавался вдоль главного бульвара между 1, 2, 3 и 4 микрорайонами. Севернее располагались микрорайоны 5, 6 и 7, основным элементом застройки которых выступали двухэтажные брусчатые и каркасно-засыпные дома, поскольку здесь находился пионерный поселок. Первая очередь строительства Нефтеюганска охватывала городской центр и два прилегающих микрорайона. До 1975 г. строился микрорайон 1 (объем строительства – 29 тыс. кв. м) и около трети 2 и 3 микрорайонов (21,3 тыс. кв. м)[390]. ПДП второй очереди строительства Нефтеюганска, согласованный облисполкомом 18 сентября 1973 г., располагался северо-восточнее микрорайонов № 1, 2, 3 и включал в себя микрорайоны № 4, 5, 6 и 7[391]. Проектом предусматривалась частичная реконструкции микрорайонов двухэтажной застройки для усиления архитектурной выразительности центра города и главной улицы – улицы Ленина. В дальнейшем был намечен полный снос деревянной застройки с тем, чтобы улучшить условия проживания населения и вместе с тем получить законченный и благоустроенный район города. Однако снос осуществить так и не удалось. Микрорайоны № 8, 9, 10, проектируемые на резервных территориях, являлись основными территориями, где размещалась новая жилая застройка. Согласно проекту, 2-этажная застройка должна была составлять 40,8 тыс. кв. м (12,5%), 5-этажная – 250,4 (76,7%), 9-этажная – 35,4 (10,8%)[392].

Генплан и проект детальной планировки Урая охватывал территории пятиэтажных микрорайонов 1 и 2 и общегородского центра восточнее пионерного поселка нефтяников[393]. Микрорайоны поочередно застраивались на правом берегу вдоль речки Колосья и реки Конда. Общегородской центр Урая представлял собой систему площадей и озелененных пространств, размещенных вдоль главной магистрали (ул. Ленина), которая соединяла между собой жилые микрорайоны. Главная площадь города формировалась в центре 2 микрорайона. От центральной площади широкий бульвар вел к излучине реки Конда. Зона отдыха проектировалась на внутригородскую, располагавшуюся в глубине застройки и защищенную от резких северных ветров, и прибрежную – на пойменной террасе, используемой населением преимущественно летом. Промышленная и складская зоны города размещались в 2-3 км к северо-западу и были связаны с жилой зоной транспортной магистралью[394]. Урай интенсивно строился в 1970-х гг. В 1980-х гг. строительство города практически прекратилось, поскольку центр нефтяного района переместился в город Нягань. В 1980-х гг. в Урае сформировалось шесть микрорайонов – три деревянных в западной части и три капитальных в восточной.

---

[389] Прокопьев В. Города нефтяников на Севере Тюменской области / В. Прокопьев, Л. Тимофеев // Архитектура СССР. – 1976, № 11. – С. 29; Генеральный план г. Нефтеюганска Тюменской области // Научно-исследовательские и проектные работы ЛенНИИПградостроительства 1969 года: Сб. аннотаций. – М., 1971. – С. 14-15.

[390] Давыдов И.М. Проект детальной планировки первой очереди строительства в г. Нефтеюганске / И.М. Давыдов, В.В. Прокопьева, Г.С. Шур, О.Н. Адерихина // Научно-исследовательские и проектные работы ЛенНИИПградостроительства 1969 года: Сб. аннотаций. – М.,1971. – С. 15-16.

[391] ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 5425. Л. 142-146.

[392] ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 5425. Л. 146-148.

[393] ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 4879. Л. 15.

[394] Прокопьев В. Города нефтяников на севере Тюменской области / В. Прокопьев, Л. Тимофеев // Архитектура СССР. – 1976, № 11. – С. 29.

Проблемы размещения промышленных зон в городах нефтяников получили удачные решения. Промышленные предприятия, которые не требовали специальных санитарных разрывов (ремонтно-механические цехи, предприятия строительной индустрии, базы НПУ, промысла, геофизиков, ОРСа, МТС, транспортные базы и др.), группировались в промзоны на единой площадке, примыкающей непосредственно к селитебным территориям. В Сургуте промзона формировалась восточнее и севернее от жилой застройки, в Нижневартовске и Нефтеюганске – западнее жилых районов. В Нижневартовске территория промышленно-коммунальной зоны из-за непланомерной и экстенсивной застройки была исчерпана в 1975 г., в связи с этим в северной части города был организован новый промрайон. Только в Урае, где не оказалось подходящей территории, промзона размещалась в удалении на 2 км от жилой части города[395]. Вместе с тем при правильно решенной схеме функционального зонирования промышленные территории хаотично застраивались мелкими промышленными зданиями, не кооперировались в крупные объекты, проектирование площадок велось несогласованно. Главтюменнефтегаз отказывался выступать генеральным заказчиком строительства промзоны, из-за чего не решалось обеспечение ее инженерными коммуникациями. Самовольно строились ведомственные котельные, бурились водозаборные скважины[396].

Первоочередное строительство базовых городов нефтяников в первой половине 1970-х гг. массово осуществлялось пятиэтажными крупнопанельными и крупноблочными домами по устаревшим типовым проектам, не рассчитанным на суровые северные условия. Сургутский и Тюменский заводы КПД Миннефтегазстроя СССР и Тюменский завод КПД Мингазпрома СССР выпускали 5-этажные 90-квартирные жилые дома серии 1-467А. Урайский комбинат выпускал крупноблочные дома серии 439-А. Большая часть домов устаревших серий доставлялись по воде из других областей Советского Союза. Например, в Нижневартовск Минпромстроем СССР поставлялись дома: из г. Усолье-Сибирское серия 335-1с (10 тыс. кв. м), из Омска серия 1-335А (10 тыс.

[395] ГАТО. Ф. 1933. Оп. 1. Д. 18. Л. 269.
[396] ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 1. Д. 6060. Л. 2.

кв. м), из Перми серия 1-439А (20 тыс. кв. м), из Казани серия 1-467, из Новосибирска серия 1-464Д, из Москвы П-1В, из Новокузнецка 1-464А[397].

Только во второй половине 1970-х гг., вместо устаревших серий капитальных домов 439 и 467, пришли новые дома серий 123, И-164 и 112, 125[398]. Для строительства второй очереди в Нижневартовске были приняты дома 5 и 9 этажей серий И-164-07, 114-71[399]. К середине 1970-х гг. Сургутский ДСК начал изготовлять 5-этажные 84-квартирные жилые дома серии И-164-07, разработанные по заданию Миннефтепрома СССР институтом ЛенЗНИИЭП с учетом требований СНиП П-Л. 1-71, предъявляемых к строительству домов в северных районах. 19 августа 1974 г. решением Тюменского облисполкома в соответствии с требованиями Госгражданстроя и Госстроя РСФСР с 1976 г. прекращался выпуск домов серии 1-467 на Сургутском ДСК и начиналось производство 5- и 9-этажных домов, общежитий и детских садов серии И-164-07[400]. Однако серия 1-467 продолжала выпускаться до конца 1970-х гг.

Во второй половине 1970-х гг. началось строительство домов повышенной этажности. На Сургутском ДСК был внедрен выпуск 9-этажных домов серии И-164-07. Расчеты проектировщиков показали, что Нижневартовск было целесообразно застраивать 9- и 16-этажными домами, поскольку их возведение обходилось дешевле по сравнению с 5-этажной застройкой на 12700 тыс. руб. и 3300 тыс. руб. соответственно. 12-этажная застройка наоборот выходила дороже на 10600 тыс. руб[401].

[397] АОАГС. Ф. 80. Оп. 1. Д. 45. Л. 27-28.
[398] История и перспективы градостроительного освоения территорий Севера. Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс / Главный ред. В.А. Бешкильцев. – М.: МЦА «Суханово», 2004. – С. 157.
[399] Буберман А.С. Проекты детальной планировки I и II очереди строительства города Нижневартовска // А.С. Буберман, О.И. Жигалова, В.В. Обозенко // Планировка и застройка Нижневартовска: Сб. науч. трудов СибЗНИИЭП, №7. – Новосибирск, 1974. – С. 46.
[400] АОАГС. Ф. 80. Оп. 1. Д. 60. Л. 112.
[401] Колпакова М.Р. Формирование планировочной структуры Нижневартовска / М.Р. Колпакова, Е.С. Нестеренок // Планировка и застройка Нижневартовска: Сб. науч. трудов СибЗНИИЭП, №7. – Новосибирск, 1974. – С. 26.

Несмотря на то, что основная часть строительства городов велась в капитальном исполнении, в некоторых случаях ведомства продолжали вести застройку двухэтажными брусчатыми домами, а на городских окраинах продолжали возводиться балки и вагон-дома.

Застройка пятиэтажными типовыми домами приводила к тому, что города становились серыми, безликими и монотонными. Однообразие порождалось недостаточным внедрением современных приемов ландшафтной архитектуры, благоустройства и озеленения, неоновой рекламы, малых архитектурных форм, элементов наглядной агитации и монументальной пропаганды. В отделке фасадов и интерьеров жилых домов и общественных зданий недостаточно применялись облицовка, стойкие красители, современные материалы и методы. Входные блоки, балконы, карнизы и другие архитектурные детали имели слабую выразительность[402].

Генпланы постоянно нарушались. Предприятия самовольно застраивали административными зданиями, складами ОРСов, овощехранилищами, временным деревянным жильем территории, предусмотренные для капитальной жилой застройки. С отступлением от генпланов размещались жилые дома и социально-культурные учреждения, производилась застройка транспортных развязок и городских дорог. Застройка была некомплексной, сначала жилые дома, а затем, намного позже, социокультурные учреждения. Жилые дома сдавались в эксплуатацию с множеством недоделок.

Требовалась корректировка генпланов согласно новым производственным задачам. Новые генпланы разрабатывались институтом ЛенНИИПградостроительства для Сургута и Нефтеюганска, и Гипрогором для Нижневартовска. Корректировка была завершена к лету 1979 г. 17 октября 1979 г. откорректированные генпланы были утверждены решением Тюменского облисполкома[403].

Новый генплан Нижневартовска предусматривал рост населения города до 250 тыс. чел. на расчетный срок и 170 тыс. чел.

[402] АОАГС. Ф. 80. Оп. 1. Д. 60. Л. 110об.
[403] ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 6140. Л. 54-55.

на первую очередь до 1985 г. Увеличивались территории городской застройки с 2540 га в конце 1970-х гг. до 4810 га к концу расчетного срока. Размещение жилищного строительства в объеме 3812 тыс. кв. м общей площади, обеспечивающего население города на расчетный срок жилищным фондом из расчета 18 кв. м общей площади на 1 жителя, осуществлялось преимущественно на свободных территориях. Первоочередное строительство было принято на прибрежных территориях Оби в южной и юго-восточной частях города, далее застройка проходила в восточной части города и на севере. Малоценный, деревянный жилищный фонд пионерного поселка в объеме 173 тыс. кв. м общей площади и 30 тыс. кв. м ветхого фонда жилья бывшего села Нижневартовского, предполагался к сносу[404].

По генплану 1979 г. население Нефтеюганска на перспективу должно было составить 100 тыс. чел., а на первую очередь строительства – 75 тыс. чел. Территориальное развитие города шло главным образом в южном направлении за счет освоения пойменных территорий протоки Юганской Оби. Строительство нового жилого фонда на расчетный срок предполагалось в размере 1400 тыс. кв. м общей площади из расчета обеспеченности 18,0 кв. м на 1 человека. Первая очередь строительства до 1985 г. предусматривалась в объеме 580 тыс. кв. м общей площади. Малоэтажный и деревянный жилой фонд подлежал реконструкции. К концу 1970-х гг. в Нефтеюганске были практически исчерпаны все территории, не требующие специальной инженерной подготовки. Было решено увеличить селитебные территории с 280 га до 609 га на правом берегу протоки Юганская Обь, юго-восточнее существующей застройки, ближе к протоке Окопас. Промышленные зоны размещались в северо-западной части города, непосредственно примыкая к границам жилой застройки[405].

Основные градостроительные комплексы Нижневартовска были следующими: 1) общественный центр первой очереди строительства со зданиями Дома техники, универмага, универсама, Дома быта и других объектов; 2) прибрежная спортивная зона со стадионом, плавательным бассейном, Домом пионеров, гостиницей на 480 мест, с благоустройством и озеленением территории;

[404] АОАГС. Ф. 80. Оп. 1. Д. 102. Л. 128.
[405] АОАГС. Ф. 80. Оп. 1. Д. 102. Л. 125-26.

3) микрорайоны 1, 2, 3, 4 и 5, завершение их комплексной застройки; 4) торгово-общественный центр на 9 тыс. чел. и 12- и 9-этажные кирпичные жилые дома со встроенно-пристроенными учреждениями культурно-бытового обслуживания. В Нефтеюганске главными объектами строительства были: 1) улица Ленина от набережной до выхода к аэропорту и улица Нефтяников от больничного комплекса до улицы Мира; 2) комплекс общежитий в микрорайоне 10; 3) ансамбль главной административной площади города и выход к набережной реки Юганская Обь; 4) микрорайоны 1, 2, 3 и их застройка в соответствии с откорректированной планировочной документацией.

В 1980-х гг. в Нижневартовске сформировалось три жилых района – Западный, Центральный и Старовартовский, и две промышленные зоны – Западная и Северная. Концентрация капитальной застройки привела к разрыву города на две части: собственно капитальный город и восточнее его – зону индивидуальной застройки (Старовартовский район). Вокруг капитального города образовалось три ареала временного и неблагоустроенного жилого фонда: 1) самый большой располагался на территории западной промышленной площадки; 2) чуть меньше по занимаемой площади и количеству временного жилья – район Старого Вартовска; 3) юго-западная часть города вдоль реки Большая Рязанка[406]. При строительстве Нижневартовской ГРЭС во второй половине 1980-гг. на расстоянии 18 км восточнее от города сформировался жилой поселок энергетиков, получивший название – Излучинск. План застройки поселка был разработан институтом ЛенНИИПградостроительства на 27 тыс. чел. Отвод земельного участка под застройку поселка площадью 95,6 га был произведен по решению Тюменского облисполкома в мае 1986 г[407]. Таким образом, к началу 1990-х гг. архитектурно-планировочная структура Нижневартовска сохраняла следы поселковости.

Общегородской центр Нижневартовска, предусмотренный генпланами 1970 и 1979 гг., длительный период оставался незанятый учреждениями, призванными выполнять общегородские

[406] Клевакин А.Н. Сибирский город в эпоху перемен / А.Н. Клевакин. – Новосибирск: Наука, 2008. – С. 51.
[407] ГАТО. Ф. 814. Оп. 5. Д. 7258. Л. 98.

функции. Такие учреждения размещались в жилых районах. Например, центр первой очереди строительства, спроектированный в 1970 г., оформился только в начале 1990-х гг., когда в сентябре 1992 г. открылся Дом техники. Таким образом, центральная часть города в 1970-1980-х гг. не получила ни функционального, ни пространственного оформления.

Город Нефтеюганск в 1980-х гг. застраивался капитальными районами в юго-восточном направлении на пойменные земли и вдоль реки Юганская Обь. Однако в этот период продолжалось строительство балков и вагон-городков. В северо-восточной части города образовался обширный ареал индивидуальной жилой застройки (микрорайон 11А), к которому с южной стороны прилегал 11 микрорайон, состоявший из хаотично построенных двухэтажных брусчатых домов. Трущобы Нефтеюганска были отделены от капитальных микрорайонов промышленной зоной.

Новая групповая система расселения, принятая в 1980-м г., подразумевала строительство новых небольших городов нефтяников при месторождениях. Началась разработка проектной документации по новым городам и рабочим поселкам. 30 марта 1982 г. Тюменский облисполком утвердил генпланы и проекты детальных планировок городов и поселков Мегиона (проектировщик – институт Тюменьгражданпроект), Радужного (институт Новосибгражданпроект), Лангепаса (институт Новосибгражданпроект), Мамонтово – Пыть-Яха (институт Челябинскгражданпроект)[408]. В 1982-1985 гг. были утверждены генпланы и проекты детальных планировок следующих городов и рабочих поселков: Нягань (проектировщики – ЛенНИИПградостроительства и Свердловскгражданпроект), Пойковский (Сургутский филиал ЛенЗНИИЭПа), Когалым (Ленгипрогор), Комсомольский (Донецкпроект), Покачевский (Тюменьгражданпроект), Ханты-Мансийск (Ленгипрогор), Лянторский (ЗапСибЗНИИЭП и Гипротюменнефтегаз), Федоровский (Сургутский филиал ЛенЗНИИЭПа), Советский (Гипрогор), Талинский (ЛенНИИПградостроительства)[409].

[408] ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 6569. Л. 160-161.
[409] ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 6574. Л. 111-112; Д. 6576. Л. 216; Д. 6699. Л. 349; Д. 6716. Л. 376; Д. 6855. Л. 208; Д. 6999. Л. 169; Д. 7016. Л. 200; Д. 7162. Л. 81; Д. 7437. Л. 143.

Расчетная численность населения Мегиона принималась в количестве 45 тыс. чел., Радужного – 60 тыс. чел., Лангепаса – 50 тыс. чел., Мамонтово – Пыть-Яха – 45 тыс. чел., Когалыма – 110 тыс. чел., Нягани – 110 тыс. чел., Комсомольского – 44 тыс. чел., Покачевского – 20 тыс. чел., Ханты-Мансийска – 60 тыс. чел., Лянторского – 25, а потом 40 тыс. чел., Федоровского – 25,1 тыс. чел., Советского – 24-30 тыс. чел., Талинского – 25 тыс. чел.

Первоочередное строительство велось в двухэтажном деревянном исполнении в 1983-1985 гг. или до 1990 г. За расчетный срок брались 2000, 2005, 2010 гг. Города застраивались двух-, пяти- и девятиэтажными домами по микрорайонной системе. Прямоугольный регулярный (шахматный) стиль был положен в основу планировочной структуры большинства городов. Из-за того, что в небольших городах не было окраин и пригородов, отсутствовали микрорайоны регулярной индивидуальной застройки, города не вписывались в окружающую среду, а скорее ей противостояли. Города состояли от 4 до 8 жилых микрорайонов, рядом с которыми или на отдалении в несколько километров организовывались промзоны. Однако пионерная временная застройка из разобщенных ведомственных поселков вела к тому, что линейная архитектурно-планировочная структура городов формировалась лишь отчасти, и то только во второй половине 1980-х гг. при капитальном строительстве.

Проектирование Когалыма началось в 1980 г., когда на место будущего города выехала группа проектировщиков института Ленгипрогор. Был сделан выбор площадки под временный поселок строителей генподрядного треста Самотлорнефтепромстрой и поселок Прибалтийских республик, строителями которых возводился город, а также производственную базу[410]. В Когалыме по обе стороны реки Ингу-Ягун организовывалось два планировочных района – правобережный и левобережный, связующим звеном которых являлась рекреационная спортивно-пар-ковая зона города, формирующаяся на базе существующих лесов[411]. На левом берегу в восточной части вдоль железной дороги Сургут-

[410] ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 1. Д. 6883. Л. 91.
[411] ГАТО. Ф. 1933. Оп. 1. Д. 91. Л. 2.

Ноябрьск с юга на север строились деревянные поселки Пионерный, МПС, Фестивальный, Прибалтийских строителей. Параллельно им с восточной стороны железной дороги формировались Северная и Восточная промзоны. На правом берегу возводились капитальные микрорайоны с преобладанием 9-этажной застройки. Капитальное строительство города должно было осуществляться поэтапно в 12-14 пятилетках. В 12-ой пятилетке велась комплексная застройка Центрального жилого района (микрорайоны 1, 2, 3, 4А, 13), административной площади города, спортивно-парковой зоны. В 13-ой пятилетке строился Южный жилой район (микрорайоны 10, 11, 12, 14 и 15). В 14-ой пятилетке обеспечивалось формирование Северного жилого района и развитие рекреационной системы города, застройка кварталов № 23 и 24 в зоне малоэтажной застройки[412]. Генплан города удалось реализовать только частично – был построен Центральный жилой район и часть Южного.

Город Нягань формировался из разобщенных ведомственных поселков в бассейне реки Нягань-Юган. Будущий город строился на базе поселка Нях, образованного в 1976 г. как центральный поселок лесозаготовителей Няганьского леспромхоза объединения «Тюменьлеспром». В октябре 1978 г. на основании распоряжений Тюменского облисполкома и Постановления Совета Министров СССР от 20 июля 1978 г. № 627 комиссией Октябрьского райисполкома с участием заинтересованных организаций был произведен выбор земельных участков для размещения жилого поселка на 40-50 тыс. жителей, производственных баз и других промышленных объектов Красноленинской нефтеразведочной экспедиции Главтюменгеологии, объединения Урайнефтегаз Главтюменнефтегаза и Няганьского лесопильного завода Главтюменпромстроя в районе поселка Нях[413]. На первом этапе строительства города стихийно возник «вагон-городок», в котором проживало почти 25% городского населения[414]. К сере-

[412] ГАТО. Ф. 1933. Оп. 1. Д. 91. Л. 3.
[413] ГАТО. Ф. 1933. Оп. 1. Д. 48. Л. 20.
[414] Хромов Ю.Б. Поэтапное формирование северных городов Западно-Сибирского нефтегазового комплекса / Ю.Б. Хромов, В.И. Коренев // Вопросы реализации градостроительных предложений в Западной Сибири: Сборник научных трудов. – Л.: ЛенЗНИИЭП, 1988. – С. 38.

дине 1980-х гг. было образовано три разобщенных жилых массива: 1) в западной части возле железнодорожной станции Нягань были построены поселки геологов и леспромхоза; 2) юго-восточнее располагался поселок НГДУ и ареал индивидуальной жилой застройки; 3) на северо-востоке находились поселок Старая Нягань, микрорайоны Восточный, Северный и Финский, и поселок дорожников Узтюменьдорстроя. На севере рядом с городом был возведен поселок энергетиков при Няганьской ГРЭС. Южнее железнодорожной станции была организована основная промышленно-коммунальная зона, где сосредоточивались предприятия Миннефтепрома, базы по обслуживанию города, а чуть севернее находилась база леспромхоза.

Пионерное строительство поселков Нягани осуществлялось главным образом вагон-домами, балками и двухэтажными брусчатыми домами. Планировочная структура города была хаотичной, лишь Восточный и Северный микрорайоны застраивались согласно линейной композиции. Капитальная 5- и 9-этажная жилая застройка Нягани последовала во второй половине 1980-х гг. Возводились четыре микрорайона, которые располагались в центральной части города рядом с поселком НГДУ между западным и восточным жилыми массивами.

Стихийная планировочная структура и функциональная чересполосица имела место при строительстве города Пыть-Ях. Город включал три пятна, отведенных под жилую застройку[415]. В северо-восточной части города рядом с железнодорожной станцией Пыть-Ях были возведены 1-й и 2-й микрорайоны капитальной застройки. Южнее с другой стороны железной дороги располагался ареал индивидуального и двухэтажного деревянного жилого фонда Старый Пыть-Ях (микрорайон 1А). В восточной части города вблизи реки Большой Балык располагался хаотично застроенный рабочий поселок Мамонтово. Западнее между Мамонтово и Старым Пыть-Яхом вдоль Магистральной улицы были возведены 3, 4 и 5 жилые микрорайоны и промзона. С северной стороны Магистральной улицы расположился жилой массив из балков «Вертолетка» и Пионерный микрорайон из двухэтажных брусчатых домов. Южнее города был построен газоперерабатывающий завод «Южный Балык» и жилой поселок при нем.

[415] Митягин С.Д. Ведомственная практика реализации районной планировки в Нефтеюганской зоне / С.Д. Митягин // Вопросы реализации градостроительных предложений в Западной Сибири: Сборник научных трудов. – Л.: Изд-во ЛенЗНИИЭП, 1988. – С. 26.

Мегион также развивался стихийно, а застройка велась беспорядочно. Основная масса жилой застройки осуществлялась двухэтажными деревянными домами. В центре города в дереве возводились 4, 5, 7 и 8 микрорайоны, к которым с южной и северной сторон прилегали строящиеся капитальные микрорайоны – 1, 2, 3, 6, 9. На берегу реки Мега в поселке геологов бессистемно строились двухэтажные дома, здесь же возводились небольшие ряды из кирпичных и крупнопанельных домов – микрорайоны 10, 11, 12, 13, 14 и 15. В южной части города образовались ареалы индивидуальной одноэтажной застройки. Промзона окружала город со всех сторон – с севера, запада и юга, что препятствовало территориальному развитию жилых районов.

Первоочередное строительство Лангепаса осуществлялось двухэтажными деревянными домами – 1 и 4 микрорайоны. С середины 1980-х гг. были построены 2, 3, 5, 6 и 7 капитальные микрорайоны. Промзона прилегала к жилой застройке с северо-восточной стороны. Железнодорожный вокзал Лангепаса был построен в нескольких километрах севернее от жилых комплексов еще до возникновения города. Строительство капитальных микрорайонов на расчетный срок должно было вестись вдоль протоки Каюковская.

Город Радужный располагался в долине реки Аган. Первоочередная жилая застройка города велась в 1, 2, 3, 4, 5 микрорайонах в двухэтажном деревянном исполнении. В дальнейшем в микрорайонах были возведены 5- и 9-этажные крупнопанельные дома, построены 6 и 7 капитальные микрорайоны. Промзона организовывалась южнее жилых районов на другом берегу реки Аган. Строительство на расчетный срок рассматривалось на территориях, расположенных вдоль реки Аган и юго-восточнее от первоочередной застройки.

Город Белоярский был поставлен на левом берегу реки Казым. В 1980-х гг. застройка города велась в основном 5-этажными крупнопанельными и крупноблочными домами. Капиталь-

ные микрорайоны располагались компактно между рекой и озером Школьное. В северной и южной частях города велась двухэтажная деревянная и индивидуальная застройка из балков и вагончиков. Промзона размещалась на юге.

Генплан Лянтора, принятый в 1983 г. и разработанный Гипротюменнефтегазом, предусматривал строительство двух жилых микрорайонов двухэтажной деревянной застройки[416]. По генплану, разработанному ЗапСибЗНИИЭПом и принятому в 1988 г., предусматривалась застройка 8 микрорайонов, небольших жилых образований и больничного комплекса. Основное строительство велось 16-квартирными деревянными домами, за счет которых сформировались 1, 2, 3 и 6 микрорайоны. Рядом с 1-ым микрорайоном был построен Эстонский поселок – в нем проживали строители прибалтийской республики. Застройка общественного центра и главной улицы должна была вестись 5- и 9-этаж-ными домами и объектами соцкультбыта[417]. Промзона была организована на севере отдельно от города. В конце 1980-х гг. начали возводиться панельные дома – 4-й микрорайон и часть 6-го микрорайона.

Жилая территория города Покачи была представлена четырьмя жилыми микрорайонами – компактный массив пионерной двухэтажной деревянной и индивидуальной одноэтажной застройки и вагон-городок располагались в восточной части города, а на западе по регулярному плану были построены 1, 2 и 3 капитальные микрорайоны. В 1 микрорайоне создавался общегородской центр со зданиями Администрации и Дома культуры, медицинский и спортивный центры. Особенностью формирования города являлось четкое деление города на две основные функциональные зоны – производственно-коммунальную и селитебную[418]. Основная промышленная зона, где концентрировались все промышленные, транспортные предприятия и их базы, находилась в микрорайоне Старые Покачи в 17 км восточнее от жилого массива. В промышленной зоне находились общежития вахтовиков и балки, население которых по мере развития капитального строительства жилья переселялось в основной жилой массив города[419].

[416] ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 6716. Л. 380.
[417] ГАТО. Ф. 1933. Оп. 1. Д. 81. Л. 19.
[418] ГАТО. Ф. 1933. Оп. 1. Д. 81. Л. 143.

Таким образом, в силу стихийного пионерного строительства целый городской организм отсутствовал в Когалыме, Нягани, Пыть-Яхе, Мегионе. Линейная и компактная композиция из микрорайонов лежала в основе планировочной структуры городов Лангепас, Радужный, Белоярский, Лянтор и Покачи. Первоочередное строительство велось в дереве. Во второй половине 1980-х гг. города застраивались в основном капитальными домами. Однако в небольших городах и поселках строительство в деревянном исполнении продолжалось. Постановление ЦК КПСС и СМ СССР от 20 августа 1985 г. № 797 давало задание Минлесбумпрому СССР поставлять министерствам для строительства поселков в 1986-1990 гг. двухэтажные деревянные дома заводского изготовления площадью 5500 тыс. кв. м, в том числе Миннефтепрому 1075 тыс. кв. м[420].

В начале 1990-х гг. было заморожено проектирование и строительство городов на расчетный срок. Многие микрорайоны не были построены. Из-за того, что подрядчики не обеспечивались проектно-сметной документацией, финансированием, согласованными с подрядными организациями и исполкомами местных Советов, многие дома не возводились, хотя предусматривались планом. Генпланы городов полностью реализовать так и не удалось, проектирование было заморожено. Например, в 1993–1995 гг. по заказу Администрации города Радужного специалисты Новосибгражданпроекта и Института экономики СО РАН откорректировали генплан и разработали концепцию развития Радужного до 2000 г. и на более отдаленную перспективу, в тех условиях, что последовали после развала СССР. Но работы не были профинансированы, в силу чего все проектные работы в институте были приостановлены[421].

В основе архитектурно-планировочной структуры городов Югорска (до 1992 г. – рабочий поселок Комсомольский) и Со-

[419] ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 7945. Л. 57.
[420] ГАТО. Ф. 814. Оп. 5. Д. 1799. Л. 82.
[421] Колпакова М.Р. Стратегия градостроительного развития сибирского города / М.Р. Колпакова. – Новосибирск: НИПКиПРО, 2000. – С. 42-43.

ветского, расположенных на железной дороге Ивдель-Обь, лежала индивидуальная одноэтажная застройка из дерева. Города первоначально строились как поселки лесопромышленников, и имели вид больших деревень.

Югорск был разделен линией железной дороги на две части – северо-западную и юго-восточную. Генплан поселка Комсомольский, утвержденный в 1983 г., предусматривал многоэтажное капитальное строительство в 10 и 12 микрорайонах. Вместо 12 микрорайона капитальные жилые дома были поставлены в 1 микрорайоне, рядом с которым организовывался городской парк. На остальной территории города создавались укрупненные кварталы одноэтажной (2, 3, 4, 5, 6 и другие микрорайоны) и двухэтажной (8, 13 микрорайоны) застройки. Промзона размещалась в восточной части города.

Город Советский представлял собой массив одноэтажной деревянной застройки, растянувшийся к северу от железнодорожного вокзала. В центре этого массива размещалась городская лесопарковая зона. Ближе между парковой зоной и вокзалом строились микрорайоны капитальных пятиэтажных и двухэтажных деревянных домов. Чуть западнее от города находился ареал индивидуальной застройки с огородными участками. Промзона размещалась в южной части города за железнодорожной станцией.

Интенсивное городское строительство в 1970-1980-х гг. практически не затронуло столицу округа город Ханты-Мансийск. Самаровская гора, где располагался природный парк «Ханты-Мансийские холмы», разделяла город на южную и северную части. На юге в устье реки Иртыш находился поселок Самарово. В пяти километрах севернее за Самаровской горой в урочище Большой черемушник организовывался Центральный район Ханты-Мансийска, в котором велся основной объем городского жилищного строительства и размещался общегородской административный центр. Улица Гагарина, вдоль которой располагался Нагорный жилой район, соединяла северную и южную части города. Район Самарово застраивался двухэтажными каркасно-щитовыми и индивидуальными одноэтажными домами. В центре города строился квартал 5-этажных капитальных домов, но зна-

чительная часть центра города имела деревянную застройку. Принятый в 1983 г. генплан Ханты-Мансийска предусматривал снос малоценного ветхого жилья, размещение усадебной застройки за счет уплотнения существующих кварталов и 2- и 5-этажное жилищное строительство в Центральном районе.

Впечатляющие темпы строительства в Сургуте и Нижневартовске в 1980-х гг. привели к тому, что территории, предназначенные для городской застройки, были исчерпаны, а население городов превысило плановые показатели. Понадобилась корректировка генпланов Сургута и Нижневартовска, принятых в 1979 г.

Новый генплан Нижневартовска, разработанный институтом Гипрогор, был утвержден Тюменским облисполкомом 9 апреля 1990 г[422]. Корректировка генплана была выполнена с учетом того, что в районе города будет размещен нефтегазохимический комплекс. На первую очередь строительства (1995 г.) численность населения города должна была составить 350 тыс. чел., а на расчетный срок (2010 г.) – 450 тыс. чел. Селитебная территория делилась на 6 жилых районов. Городская застройка осуществлялась в восточном направлении. Предусматривался снос двухэтажной пионерной застройки. К сожалению, в 1990-х гг. этот генплан так и не был реализован.

Города застраивались в основном 5- и 9-этажными домами серий И-164, 112, ИИ-04 и 83. В застройке Нижневартовска качественно новым этапом стало возведение 16-этажных жилых домов серии П44/16, размещавшихся в наиболее ответственных градостроительных узлах. Эта серия была переработана Московским научно-исследовательским и проектным институтом типологии, экспериментального проектирования (МНИИТЭП) специально для условий Сибири[423]. Многоэтажные дома также привозились из других городов России. Например, Нефтеюганск за-

---

[422] ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 7709. Л. 213.

[423] Бордюг А.М. Влияние условий строительства на эксплуатационные качества зданий и сооружений Нижневартовска / А.М. Бордюг // Эксплуатация жилых и общественных зданий в условиях Нижневартовска: Сб. науч. трудов СибЗНИИЭП, №25. – Новосибирск: СибЗНИИЭП, 1981. – С. 29.

страивался 9-этажными жилыми домами серии 125 из Братска[424]. Строительство Главзапсибжилстроем Миннефтегазстроя СССР блок-секционных домов, в основу которых был заложен принцип типизации не целых зданий, а секций, с улучшенными объемно-планировочными решениями, позволило повысить архитектурную выразительность застройки городов Сургута, Нижневартовска, Нефтеюганска.

Большое распространение получила облицовка наружных панелей рельефными декоративными элементами из бетона, керамической глазурованной плиткой, бетонной рельефной плиткой на белом и цветных цементах. Однако внешний вид застройки, архитектура жилых и общественных зданий оставались зачастую однообразными и невыразительными.

Широкое участие в строительстве городов нефтяников приняли организации и предприятия республик Советского Союза и крупнейших городов и областей РСФСР. Предприятия Мосгорисполкома строили в Нижневартовске, Минтяжстроя СССР из Свердловской области в Мегионе и Нягани, Минпромстроя СССР из Пермской области в Радужном, Минстроя СССР из Новосибирской области в Нефтеюганске, Минтяжстроя СССР из Челябинской области в Пыть-Яхе, Совета Министров Белорусской ССР в Лангепасе, Совета Министров Узбекской ССР в Нягани, Советов Министров Азербайджанской, Литовской, Латвийской и Эстонской ССР в Когалыме[425]. Такая практика вела к разнообразию городской среды. В застройку привносились элементы, свойственные этим городам и республикам. Так, возведение высотных домов из Москвы при строительстве Нижневартовска приводило к тому, что панорама микрорайонов сибирского города напоминала столичную. Высокий уровень благоустройства и качества строительных и отделочных работ при возведении объектов прибалтийских республик (крупнопанельные дома серии 111-133 (Эстония), ИПГС 3201-01 (Литва) и ЛГ 602 р-73 (Латвия) присутствовал в Когалыме. Строители Прибалтики стремились к максимальному сохранению существу-

[424] ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 1. Д. 6883. Л. 144.
[425] ГАТО. Ф. 814. Оп. 5. Д. 1007. Л. 54-59.

ющего природного ландшафта, вводили его в городскую среду[426].

Значительной проблемой городского строительства стала запоздалая функциональная и композиционная организация общегородских центров. В Постановлении СМ РСФСР от 28 октября 1985 г. «О схеме расселения в зоне ЗСНГК» отмечалось, что задерживалось формирование общественных центров, магистралей, площадей и набережных, а архитектурный облик городов был, как правило, невыразительным[427]. Вместо городских ансамблей были пустынные пространства (это особенно было характерно для Нижневартовска). В Нижневартовске и Нефтеюганске композиционное использование реки в организации общегородского центра так и не было осуществлено.

На страницах журнала «Архитектура СССР» в середине 1980-х гг. архитекторы критиковали архитектурно-художественный облик городов нефтяников: беспорядочно применялись здания разной этажности, нечетко выявлены пути движения пешеходов, неоправданно завышена ширина улиц, недостаточная компактность застройки в условиях северных ветров, размещение общественных зданий в случайных местах, разностильность и разномасштабность архитектурных решений, незавершенное состояние главных улиц и площадей[428]. Архитектурно-планировочная структура городов не решила проблемы организации досуга населения, сохранения природного окружения и обустройства среды жилых микрорайонов. В городах практически отсутствовали благоустроенные внутригородские и пригородные зоны отдыха, что вело к стихийному образованию дачных ведомственных комплексов и огородов. Не получила развития малоэтажная высокоплотная застройка. Как отмечает архитектор А.Н. Клевакин, в процессе строительства городов нефтяников были утраче-

[426] Соловьев В.П. Совершенствование систем «базовый город–вахта» в градостроительном освоении ЗСНГК / В.П. Соловьев, А.А. Зюзин-Зинченко // Проблемы проектирования и строительства в регионе ЗСНГК. – Научные труды ЗапСибЗНИИЭП. – Сургут, 1989. – С. 138-139.
[427] ГАРФ. Ф. А-259. Оп. 48. Д. 7914. Л. 40.
[428] Белоусов В. Генпланы и реализация / В. Белоусов // Архитектура СССР. – № 5, 1986. – С. 20-21; Нелюбин Б. Тюменскому Северу – внимание зодчих / Б. Нелюбин // Архитектура СССР. – 1986, № 4. – С. 76-77.

ны такие важные атрибуты городской среды, как улица, площадь, городской сад[429]. Города нефтяников формировались в основном из «спальных районов». Существенная часть жилого фонда (20-30%) в городах нефтяников приходилась на 1-2-этажную застройку из деревянных конструкций, на капитальные дома – 60-80% застройки (5-этажная в Сургуте – 80%, в Нижневартовске 5-этажная 65%, а 9-этажная и выше – 14,2%)[430].

Таким образом, в 1960 – начале 1990-х гг. города нефтяников Ханты-Мансийского округа находились в состоянии постоянного строительства и проектирования. Интенсивная городская застройка, которая часто велась с нарушением генеральных планов и проектной документации, и высокие темпы роста городского населения приводили к корректировке генпланов развития городов. Выделяются 5 периодов разработки проектной документации: 1) 1964-1965 гг. – первые попытки создания генпланов городов нефтяников; 2) 1968-1970 гг. – принятие проектов, по которым развивались города в 1970-х гг.; 3) 1979 г. – корректировка генпланов Нижневартовска, Сургута и Нефтеюганска, которые приобретали функции опорных городов при расселении нефтяников и газовиков; 4) 1982-1985 гг. – разработка генпланов для новых городов и поселков, появившихся благодаря переходу на групповую систему расселения в нефтегазоносных районах; 5) конец 1980 – начало 1990-х гг. – корректировка генпланов в условиях масштабного городского строительства и начинающегося системного кризиса в стране.

[429] Клевакин А.Н. Сибирский город в эпоху перемен / А.Н. Клевакин. – Новосибирск: Наука, 2008. – С. 54.
[430] Давиденко П. Нормы для региона / П. Давиденко, Г. Жегалина // Архитектура СССР. – № 5, 1986. – С. 29.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В основе советского освоения огромных территорий Сибири лежала программа реализации и развития крупных территориально-производственных комплексов, определявшая возникновение новых городов. В этом отношении не стала исключением история Ханты-Мансийского автономного округа, которая в период 1960-х – начала 1990-х гг. ознаменовалась стремительным развитием промышленности, связанным с открытием и эксплуатацией нефтяных месторождений Западной Сибири. Нефтегазовый комплекс требовал формирования на территории округа системы расселения, которая бы обеспечивала производственные отрасли рабочей силой и человеческим капиталом. Так начиналось градостроительное освоение нефтегазодобывающих районов Западной Сибири и Ханты-Мансийского автономного округа.

Геологическая разведка, эксплуатация месторождений и создание вспомогательных отраслей промышленности – строительства, транспорта, энергетики – дали толчок к заселению округа рабочими из различных регионов страны. Следовательно, урбанизация ХМАО была неразрывно связана с индустриализацией, игравшей роль исходного и тотального градообразующего фактора. Развитие городов зависело от территориального размещения производства и крупных промышленных предприятий, расположения основных осваиваемых месторождений. Двенадцать городов округа были рождены благодаря становлению нефтедобывающей промышленности.

Строительство городов в нефтяном крае началось в первой половине 1960-х гг., когда ведомства, копируя опыт расселения в нефтегазодобывающих районах Урало-Поволжья, ставили разрозненные и неблагоустроенные рабочие поселки у месторождений. Одновременно с этим руководство Тюменской области разрабатывало государственную градостроительную политику в нефтегазодобывающих районах Западной Сибири, которая предусматривала возведение крупных городов – центров нефтяных районов – и эксплуатацию месторождений вахтовым методом. Такой подход именовался системой централизованного расселения или

«базовый город – вахтовый поселок». Противоположная точка зрения была в Министерстве нефтедобывающей промышленности СССР, по мнению которого градостроительное освоение нефтяного края лучше было проводить посредством строительства небольших городов вблизи месторождений. Это были два основных варианта расселения. Еще одним ключевым спором при разработке концепции градостроительного освоения региона был вопрос, строить города в капитальном или деревянном исполнении. Строительство капитальных городов поддерживалось местным руководством, а за дерево ратовали главным образом ведомства. После продолжительных дискуссий, которые отразились на конференциях по проблемам градостроительства в нефтегазоносных и газоносных районах Тюменской области в 1966 и 1968 гг., в конечном итоге государство поддержало позицию руководства Тюменской области. С конца 1960-х гг. в ХМАО стала реализовываться система централизованного расселения с возведением крупных городов в капитальном исполнении и эксплуатацией месторождений вахтовым методом. Началось интенсивное строительство городов Сургута, Нижневартовска, Нефтеюганска и Урая.

Однако нефтяное министерство и Главтюменнефтегаз не стремились претворять в жизнь систему централизованного расселения. Несмотря на противодействие руководителей области, на практике ведомства отказывались от возведения предусмотренных системой расселения городов (г. Южный Балык), строили другие «незапланированные» городские населенные пункты (г. Нефтеюганск, раб. пос. Мегион), застраивали вахтовые поселения, тем самым превращая их в настоящие рабочие поселки (Мамонтово, Пойковский), и в недостаточных объемах осуществляли жилищное и социально-культурное строительство и благоустройство городов-центров. В результате это привело к тому, что в 1980 г. государство приняло новую концепцию градостроительного освоения нефтегазодобывающих районов Западной Сибири, предложенную Миннефтепромом СССР и предусматривавшую возведение городов и рабочих поселков непосредственно у месторождений. В силу этой концепции в 1980-х – начале 1990-х гг. в ХМАО было образовано 11 новых городов: Мегион, Нягань, Когалым, Лангепас, Радужный, Белоярский, Пыть-Ях, Лянтор, Покачи, Югорск, Советский.

Таким образом, произошел возврат к традиционному ведомственному расселению, когда поселки нефтяников ставились прямо у месторождений. Вот почему в названии книги присутствует толкиновское «обратно». В целом в градостроительной политике 1960-х – начала 1990-х гг. выделились три этапа: 1) 1960-е гг. – выбор градостроительной концепции и хаотичное возведение поселений ведомствами; 2) 1969-1970-е гг. – реализация системы централизованного расселения; 3) 1980-е – начало 1990-х гг. – исполнение системы группового расселения.

В начальный период освоения застройка городов велась хаотично, без каких-либо градостроительных норм и документации. Города формировались из разобщенных ведомственных поселков, главным элементом среды которых становились брусчатые двухэтажные дома и балки. В 1970-х гг. последовало капитальное типовое, в основном пятиэтажное, строительство. Однако капитальные дома не соответствовали северным природно-климатическим условиям. Архитектурно-планировочное пространство продолжало оставаться разрозненным, нередко строительство осуществлялось вразрез генпланам городов, микрорайоны отличались серостью и однообразием, отсутствовали общественные центры, не получила развития деревянная индивидуальная застройка. В 1980-х гг. в городах началось формирование больших архитектурных ансамблей, общегородских центров и магистралей, стала преобладать многоэтажная застройка в девять и более этажей. Молодые города нефтяников, созданные в 1980-х гг., прошли этот путь архитектурно-планировочной эволюции всего за десятилетие. Но несмотря на явное развитие городской среды в 1960-1990-х гг., она все же отличалась сильной противоречивостью. В сущности, в городах ХМАО была сформирована разобщенная ведомственная структура архитектурно-планировочного пространства.

Урбанизация и градостроительное освоение выступали главными историческими процессами в развитии Ханты-Мансийского автономного округа во второй половине XX в. Разрастающиеся города концентрировали экономический и производственный потенциал, все социальные и культурные изменения, трансфор-

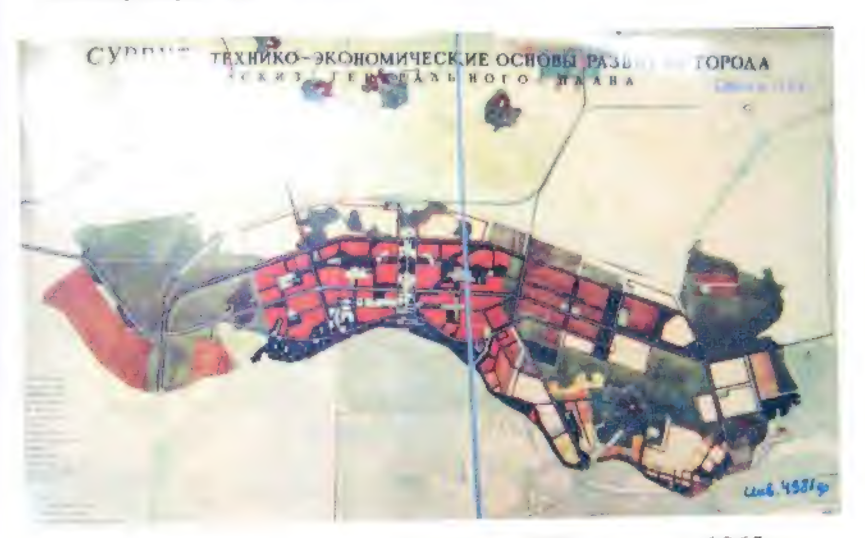
мации в структуре населения, формировали новую – урбанизированную – пространственную конструкцию региона. Однако градостроительство в ХМАО в 1960-х – начале 1990-х гг. не смогло преодолеть производственно-ведомственную сущность своего развития. В XXI в. эти задачи продолжают стоять перед городами Ханты-Мансийского автономного округа.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Поселковая планировочная структура города Сургута, 1968 г.

Источник: Город Сургут. Генеральный план. Пояснительная записка. – М.: Гипрогор, 1968. – С. 34.

Эскиз генерального плана г. Сургута на 250 тыс. чел., 1965 г.

Источник: Город Сургут. Технико-экономические основы развития города. Пояснительная записка. – М.: Гипрогор, 1966. – С. 56-57.

Генеральный план г. Сургута, 1968 г.

Первый вариант

Второй вариант

Источник: Город Сургут. Генеральный план. Пояснительная записка. – М.: Гипрогор, 1968. – С. 61, 62.

Председатель Сургутского горисполкома (1965-1973 гг.) Петр Александрович Мунарев (1929-1993 гг.) перед проектом второго варианта генплана Сургута, 1969 г.

Источник: Архив. отдел Администрации г. Сургута. Фотофонд. Оп. 1. Д. 87.

Архитектурно-планировочная структура Сургута в 1979 г. Отсутствует композиция единого города. Генплан 1968 г. не был реализован.

Источник: Генеральный план города Сургута. Фотоальбом чертежей проекта. – Л.: ЛенНИИПградостроительства, 1979. – С. 2.

Генеральный план города Сургута, 1979 г.

Источник: Генеральный план города Сургута. Фотоальбом чертежей проекта. – Л.: ЛенНИИПградостроительства, 1979. – С. 3.

Генеральный план города Сургута, 1990 г.

Источник: Генеральный план города Сургута (корректировка). Фотоальбом. – Л.: ЛенНИИПградостроительства, 1990. – С. 4.

Планировочные схемы молодых городов нефтяников

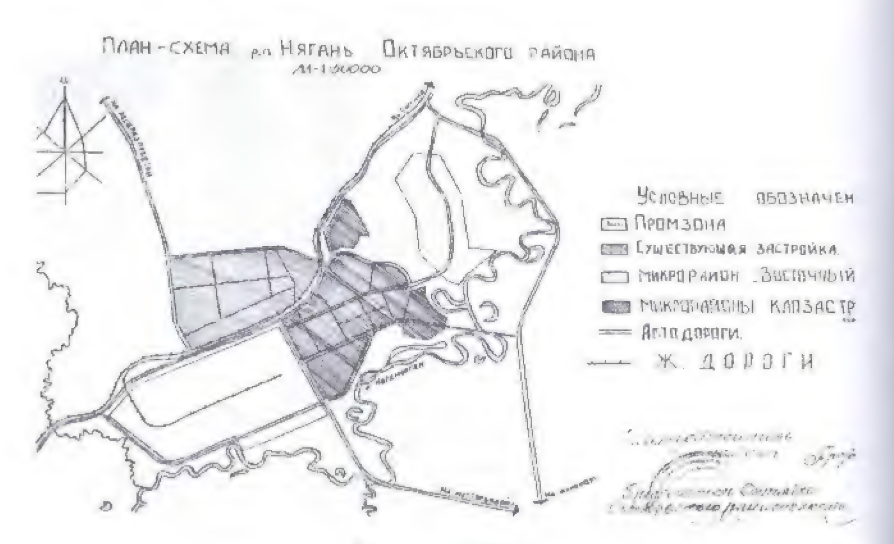
Когалым, 1983 г.

Источник: ГАТО. Ф. 814. О. 1. Д. 6860. Л. 65.

ПЛАН - СХЕМА
р.п Радужный Нижневартовского района

Радужный, 1983 г.

Источник: ГАТО. Ф. 814. О. 1. Д. 6860. Л. 64.

Нягань, 1983 г.

Источник: ГАТО. Ф. 814. О. 1. Д. 6860. Л. 66.

Неблагоустроенное временное жилье

Палаточный городок в г. Сургуте (1960-е гг.).

Источник: ГАСПИТО. Фотофонд. Оп. 1. Д. 634. Л. 22.

Балки на берегу реки Сайма в центре города Сургута (конец 1970-х гг.).

Источник: Генеральный план города Сургута. Том 1. Архитектурно-планировочная структура города и технико-экономическое обоснование. – Л.: ЛенНИИПградостроительства, 1979. Л. 49.

Дома ПДУ в г. Сургуте (1970-е гг.).

Источник: ГАТО. Фотофонд. Оп. 1. Д. 8026.

Временный поселок ГРЭС-ПДУ (1980 г.).

Источник: АОАГС. Фотофонд А.Ф. Мельникова. О. 1. Д. 360.

Вагон-городок в Нефтеюганске в 1960-х гг.

Источник: ГАСПИТО. Фотофонд. Оп. 1. Д. 634. Л. 18.

Панорама рабочего поселка Нижневартовский (1966 г.).

Источник: АОАГС. Фотофонд. Оп. 1. Д. 665.

Балки и вагончики, окруженные новой застройкой в Сургуте (1984 г.).

Источник: АОАГС. Фотофонд А.Ф. Мясникова. Оп. 1. Д. 284.

Трущобы Нефтеюганска.

Источник: фотография автора (июнь 2013 г.).

Балок с сельским туалетом (слева) и двухэтажный балок (справа) в Нефтеюганске.

Источник: фотография автора (июнь 2013 г.)

Жилой балок в Нефтеюганске.

Источник: фотография автора (июнь 2013 г.)

Жилой балок-вагончик с огородом и теплицей в Нефтеюганске.
Источник: фотография автора (июнь 2013 г.)

«БАМовские» жилые вагончики в современном Нефтеюганске.
Источник: фотография автора (июнь 2013 г.)

Брусчатые двухэтажные дома

Шестой микрорайон г. Нефтеюганска (1960-е гг.).
Источник: ГАТО. Фотофонд. Оп. 1. Д. 8400.

Новогодняя горка в районе сургутских двухэтажек (1963 г.).
Источник: АОАГС. Фотофонд А.Ф. Мясникова. Оп. 1. Д. 308.

Строительство первого дома по ул. Восход в мкр. нефтяников, 1964 г.

Источник: АОАГС. Фотофонд А.Ф. Мясникова. Оп. 1. Д. 109.

Сургут молодеет (август 1965 г.).

Источник: ГАСПИТО. Фотофонд. Оп. 1. Д. 685/2.

Дом в поселке геологов в г. Сургуте.

Источник: фотография автора (май 2013 г.).

Дома в поселке строителей в г. Сургуте.

Источник: фотография автора (февраль 2013 г.).

Брусчатый двухэтажный дом в Нижневартовске.

Источник: фотография автора (август 2013 г.).

Первые жилые дома в Нижневартовске.

Источник: ГАТО. Фотофонд. Оп. 1. Д. 7945.

Застройка ул. Пионерской в Нижневартовске (1966 г.)

Источник: Архивный отдел Администрации г. Нижневартовска. Фотодокументы. Оп. 1. Д. 128.

Город Урай в 1967 г.

Источник: ГАСПИТО. Фотофонд. Оп. 1. Д. 424/1.

Улица в Урае.

Источник: ГАТО. Оп. 1. Д. 8078.

Дома в Урае.

Источник: ГАТО. Оп. 1. Д. 8403.

Типовые пятиэтажные капитальные дома («хрущёвки)
конец 1960-х гг. – начало 1980-х гг.

Новые дома в поселке Радужный.

Источник: ГАТО. Фотофонд. Оп. 1. Д. 2454.

Первые капитальные дома г. Сургута (вторая половина 1960-х гг.).

Источник: ГАТО. Фотофонд. Оп. 1. Д. 8024.

Строительство первых капитальных домов в Сургуте (1960-е гг.).
Источник: ГАТО. Фотофонд. Оп. 1. Д. 8490.

Заселение жильцов в первый капитальный дом Сургута (1966 г.).
Источник: АОАГС. Фотофонд А.Ф. Мясникова. Оп. 1. Д. 666.

Дома в микрорайоне строителей Сургутской ГРЭС (1970-е гг.).
Источник: ГАТО. Фотофонд. Оп. 1. Д. 443.

8 микрорайон Сургута (микрорайон энергетиков) (1990 г.).
Источник: АОАГС. Фотофонд А. Ф. Мясникова. Оп. 1. Д. 233.

Украшенный мозаикой фасад пятиэтажки в Нефтеюганске (1970-е гг.).
Источник: ГАТО. Фотофонд. Оп. 1. Д. 276.

Город Нефтеюганск в 1970-х гг.
Источник: ГАСПИТО. Фотофонд. Оп. 1. Д. 366.

Строительство первых пятиэтажек в Нефтеюганске (1960-е гг.).
Источник: ГАТО. Фотофонд. Оп. 1. Д. 7940.

Общий вид рабочего поселка Комсомольский (г. Югорск).
Источник: ГАТО. Фотофонд. Оп. 1. Д. 6373.

Многоэтажная застройка
и ансамбли из блок-секционных домов (1980-е гг).

Первый 9-этажный дом Сургута в районе ГРЭС (1978 г.)

Источник: АОАГС. Фотофонд А.Ф. Мясникова. Оп. 1. Д. 97.

Центральная улица Сургута.

Источник: ГАТО. Фотофонд. Оп. 1. Д. 6139.

Девятиэтажные дома и магазин «Книги»
в первом микрорайоне г. Нижневартовска.

Источник: ГАТО. Фотофонд. Оп. 1. Д. 1085.

Первый 9-этажный дом на ул. Пионерской в г. Нижневартовске.

Источник: ГАТО. Фотофонд. Оп. 1. Д. 655.

«Московские» дома Нижневартовска.

Источник: ГАТО. Фотофонд. Оп. 1. Д. 2287.

Шестнадцатиэтажки в Нижневартовске.

Источник: ГАТО. Фотофонд. Оп. 1. Д. 3818.

Общий вид новых 16-этажных домов в г. Нижневартовске.

Источник: ГАТО. Фотофонд. Оп. 1. Д. 2450.

Новые дома улучшенных серий в г. Сургуте.

Источник: ГАТО. Фотофонд. Оп. 1. Д. 2767.

Девятиэтажный жилой квартал в г. Нижневартовске.

Источник: ГАТО. Фотофонд. Оп. 1. Д. 1884.

Новые дома в микрорайоне нефтяников в Сургуте.

Источник: ГАТО. Фотофонд. Оп. 1. Д. 257.

Новые высотные микрорайоны г. Нижневартовска.

Источник: ГАТО. Фотофонд. Оп. 1. Д. 6194.

Новые «трилистники» в г. Сургуте.

Источник: ГАТО. Фотофонд. Оп. 1. Д. 4138.

Новая центральная улица (Ленина) г. Сургута.

Источник: ГАТО. Фотофонд. Оп. 1. Д. 3226.

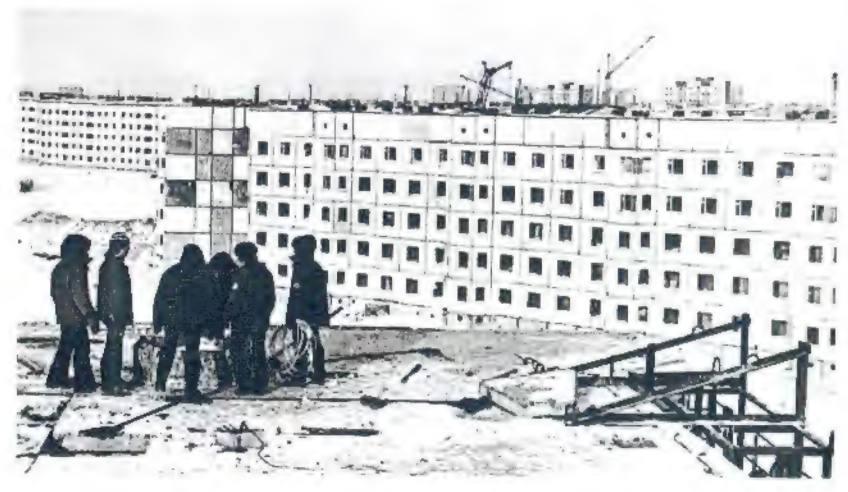
«Болгарские дома» Сургута.

Источник: ГАТО. Фотофонд. Оп. 1. Д. 2240.

Центральная улица г. Сургута.

Источник: АОАГС. Фотофонд А. Ф. Мясникова. Оп. 2. Д. 411.

Строительство новых домов в Сургуте.

Источник: ГАТО. Фотофонд. Оп. 1. Д. 2610.

Зона отдыха в г. Нижневартовске.

Источник: ГАТО. Фотофонд. Оп. 1. Д. 1092.

Дом техники в г. Нижневартовске.

Источник: ГАТО. Фотофонд. Оп. 1. Д. 6148.

Общественный центр города Нефтеюганска.
Справа – кинотеатр «Юган».

Источник: ГАТО. Фотофонд. Оп. 1. Д. 1112.

Памятник Ленину на центральной площади г. Сургута (1988 г.).

Источник: АОАГС. Фотофонд А. Ф. Мясникова. Оп. 1. Д. 192.

Строительство капитального Дома Советов в Сургуте (1965 г.) (ныне здание районной администрации).

Источник: АОАГС. Фотофонд А.Ф. Мясникова. Оп. 1. Д. 314.

Площадь перед Сургутским горсоветом (1988 г.).

Источник: АОАГС. Фотофонд А.Ф. Мясникова. Оп. 1. Д. 417.

Дом культуры «Нефтяник» в г. Сургуте (1976 г.).

Источник: ГАТО. Фотофонд. Оп. 1. Д. 978.

Дом техники и культуры «Энергетик» в г. Сургуте.
Источник: ГАТО. Фотофонд. Оп. 1. Д. 4324.

Кинотеатр «Рубин» в поселке нефтяников г. Сургута (1970 г.).
Источник: АОАГС. Фотофонд А. Ф. Мясникова. Оп. 1. Д. 131.

Набережная г. Нефтеюганска.
Источник: ГАТО. Фотофонд. Оп. 1. Д. 1480.

Гастроном «Северный» в г. Сургуте (1980-е гг.).
Источник: АОАГС. Фотофонд А. Ф. Мясникова. Оп. 2. Д. 408.

Старый Сургут. Здание городского музея (1986 г.).

Источник: АОАГС. Фотофонд А.Ф. Мясникова. Оп. 1. Д. 226.

Старый Сургут. Дом Мясниковых., окруженный новостройками (1987 г.).

Источник: АОАГС. Фотофонд А.Ф. Мясникова. Оп. 1. Д. 183.

Старый Сургут. Здание Райрыболовпотребсоюза, оставшееся одно среди новостроек (1988 г.).

Источник: АОАГС. Фотофонд А.Ф. Мясникова. Оп. 1. Д. 189.

Музыкальная школа в динамике строительства нового города и разрушения Старого Сургута (1986 г.).

Источник: АОАГС. Фотофонд А.Ф. Мясникова. Оп. 1. Д. 225.

Панорама поселка Черный Мыс г. Сургута (1976 г.).

Источник: АОАГС. Фотофонд А.Ф. Мясникова. Оп. 1. Д. 345.

Панорама Старого Сургута (1973 г.).

Источник: АОАГС. Фотофонд А.Ф. Мясникова. Оп. 1. Д. 258.

Мост через р. Сайму, разделяющий Старый Сургут
и поселок геологов (1969 г.).

Источник: АОАГС. Фотофонд А.Ф. Мясникова. Оп. 1. Д. 212.

Старый Сургут. Панорама старых домов по ул. Республики
на берегу р. Бардаковки (1986 г.).

Источник: АОАГС. Фотофонд А.Ф. Мясникова. Оп. 1. Д. 100.

Научное издание

Игорь Николаевич Стась

ОТ ПОСЕЛКОВ К ГОРОДАМ И ОБРАТНО:
история градостроительной политики в Ханты-Мансийском округе (1960-е – начало 1990-х гг.)

Монография

Редактор – А.Х. Атанасов
Верстка – М.А. Волкова
Корректура – С.М. Анфиногенова
Худ. редактор – Т.А. Турагина

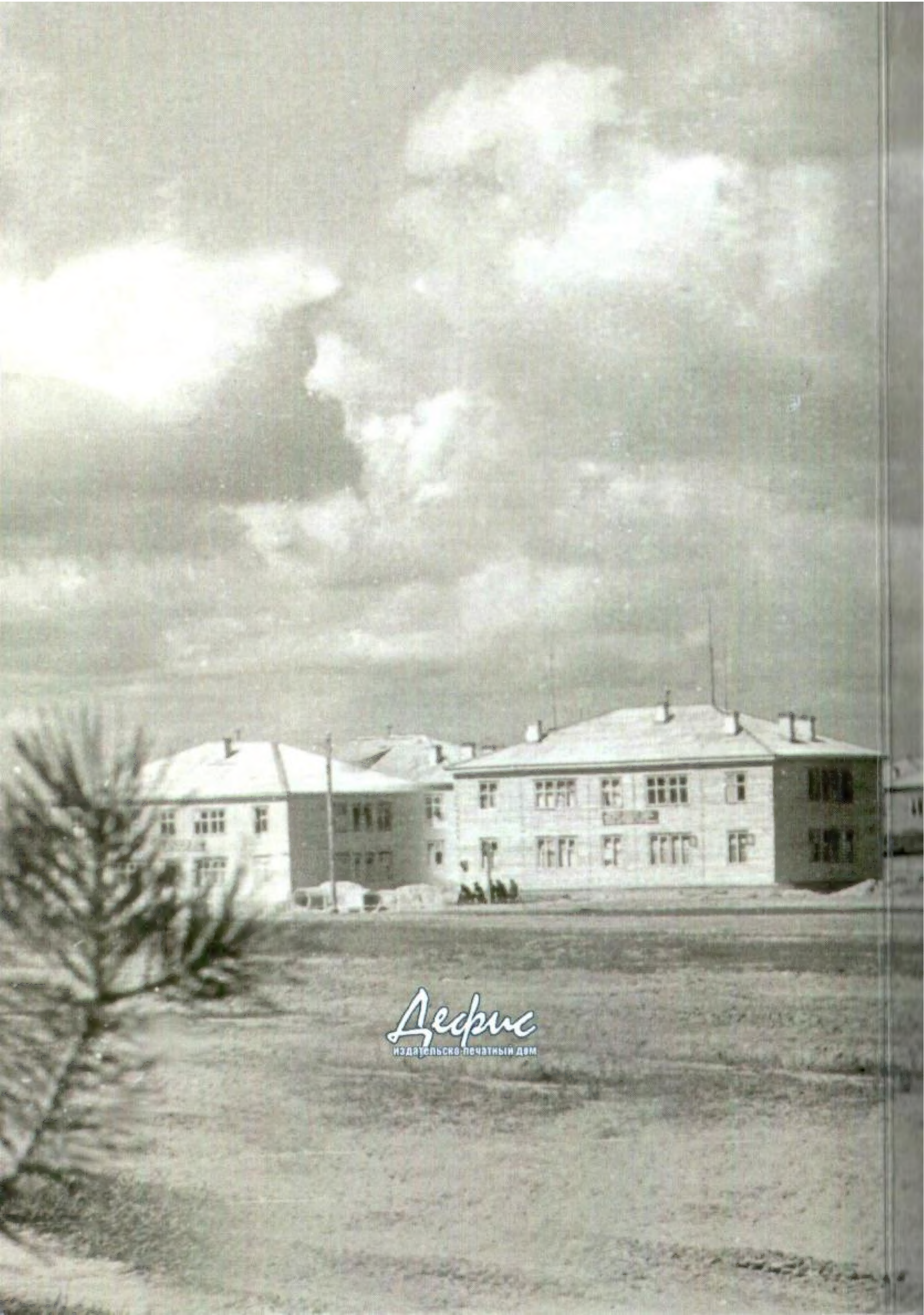
В оформлении обложки использована фотография г. Сургута в 1965 году из Государственного архива социально-политической истории Тюменской области (Фотофонд. Оп. 1. Д. 685/2)

Подписано в печать 23.05.2016 г. Гарнитура Times New Roman Формат 62×84/16
Объем $16^1/_8$ п.л. Тираж 500 экз. Заказ №И-16-01

Издательско-печатный дом «Дефис»

628403, Россия, Тюменская область, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Сургут, ул. Каролинского, 16/443
тел. (3462) 94-17-43, моб. 8-9-224-013-124.
E-mail: atanaskaradja@gmail.com

Лицензия на издательскую деятельность № ЛР 066050 от 10.08.98 г..

Дефис
издательско-печатный дом